

М.Ю.

Рене ГРУССЕ

Империя степей

История
Центральной Азии

(с древности до тринадцатого века)

АЛМАТЫ “САНАТ” 2003

RENE GROUSSE

THE EMPIRE OF THE STEPPES

**A HISTORY OF CENTRAL ASIA
(FROM ANTIQUITY TO THE THIRTEEN CENTURY)**

**RUTGERS UNIVERSITY PRESS
New Brunswick, New Jersey**

РЕНЕ ГРУССЕ

ИМПЕРИЯ СТЕПЕЙ

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(С ДРЕВНОСТИ ДО ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА)

Перевод с английского
Карлыгаш Салгариной

ББК 63.3 (2) 43
Г 90

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ,
ИНФОРМАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Груссе Рене.

Г 90   Империя степей. История Центральной Азии
(с древности до тринадцатого века). Учебное пособие.
— Алматы: “Санат”, 2003. — 224 с.
ISBN 9965-664-00-5

Рене Груссе – известный французский ученый, изучавший историю древних цивилизаций. Его знаменитая работа “Империя степей”, переведенная на многие языки мира, дает общее представление о кочевых народах древней Азии, созданных ими империях и взаимоотношениях с древними оседлыми государствами. В данной книге представлен период с древности до XIII в., т.е. до появления великой империи Чингисхана.

Книга предназначена для широкого круга читателей и для студентов вузов.

Г 0503010000-03 – 03
416(05)-02

ББК 63.3 (2) 43

ISBN 9965-664-00-5

© ТОО “Санат”, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Атилла и хунны, Чингисхан и монголы, Темирлан и Золотая Орда — эти легендарные имена знакомы каждому образованному человеку. Бессспорно, он также читал о венграх и булгарах, и турках Оттоманах. Если он имеет интерес к древней истории, то мог познакомиться с киммерийцами, скифами и даже сарматами. Может быть, он также слышал про авар и хазар. Но нечасто встречается человек, который знает про оногуров, кутrigуров и утригуров — булгарские племена, возникшие неожиданно в степях южной России, или печенегах, команах и узах, последние из упомянутых племен родственны сельджукам и Оттоманским тюркам.

Они все были кочевыми народами широких степей Азии и России и главной силой в истории. Их историческая значимость состоит не только в империях, которые они создали и которые в большинстве случаев оказались эфемерными, сколько в последствиях их движения в восточном и западном направлениях, которые воздействовали на историческое развитие Китая, Персии, Индии и Европы. Ранняя история степных кочевников полна неопределенности, которая проясняется только после их контакта с культурами народов, владеющих письменной историей. Но даже когда информация о кочевниках стала относительно доступной, лингвистические сложности сделали интерпретацию этой информации крайне трудной. Таким образом, в то время как число специализированных монографий и технических исследований, посвященныхnomадам, составляет большое количество, основные работы, в которых используются достижения ряда дисциплин и проводится синтез основных источников, заключающих в себе разбросанную историю этих народов, являются малочисленными. Среди них выделяется монументальный труд Рене Груссе “Империя степей” (*L'Empire des Steppes*), который является уникальным.

Классическая работа Р.Груссе была впервые опубликована в 1939 г. и с тех пор переиздавалась с незначительными исправлениями. Приложение обсуждаемых публикаций между 1939 г. и 1951 г. по искусству степей было добавлено к изданию 1955 г. перед смертью автора. Тем не менее, основная часть текста сохранила свою ценность и остается увлекательной и жизненной до настоящего времени.

Петер Чаранис
Профессор истории
Rutgers University

ПРОЛОГ

Атилла, Чингисхан, Темирлан: их имена в памяти каждого. Сообщения, собранные западными хрониками, китайскими или персидскими историками, повествуют об их деяниях. Великое варварство внезапно вторглось в область развитых исторических цивилизаций и в течение нескольких месяцев превратило римский, иранский или китайский мир в груду руин. Их появление, действия и исчезновение кажутся необъяснимыми, и историки сегодня подходят близко к тому, чтобы принять определение кочевников, данное писателями древности, которые видели в них бич божий, посланный для наказания древних цивилизаций.

Никто из людей не является в большей степени сыном земли, чем кочевники; но мотивы их поведения стали понятными, когда мы стали понимать их образ жизни. Эти низкорослые, коренастые люди, непобедимые с тех пор, как смогли продолжать свое существование в суровых условиях, были созданы степями. Жестокие ветры высоких плато, пронизывающий холод и знойная жара наделили эти лица узкими глазами, высокими скулами и редкими волосами, твердым мускулистым торсом. Требования скотоводческой жизни, управляемой сезонными миграциями в поисках пастбища, определили их специфический номадизм и необходимость кочевой экономики, детерминирующей их отношения с оседлыми народами: отношения, состоящие из робких заимствований и кровожадных набегов.

Три или четыре великих азиатских кочевника, которые заставили нас распутывать сплетения истории, кажутся нам исключительно единственными, кто оставил свой след в истории, но это происходит только из-за нашего собственного игнорирования их истории. Неизвестно, как

много Атилл, Чингисханов потерпели неудачу в захвате мира. Потерпеть неудачу, что значит сделать не более, чем основание империй, включающих в себя часть Азии, от Сибири до Желтой реки, от Алтая до Персии, — достижение, которое должно, тем не менее, быть признанием определенной важности. Я представил на ваш суд этот великий варварский народ, возглавлявшийся тремя могущественными фигурами — Атиллой, Чингисханом, Тамерланом, — маршировавший в течение десяти веков истории с границ Китая до границ Запада.

Проблема варваров должна ставиться точно. Классический мир сталкивался с множеством варваров, так их определяли оседлые соседи. Кельты были варварами для римлян долгое время, как германцы для галлов и славянский мир для Германии. Подобно этому земля, впоследствии известная как южный Китай, долго оставалась варварской для первоначального Китая на Желтой реке. Из-за того, что географические условия во всех этих регионах определили сельскохозяйственный образ жизни жителей, и они были вынуждены все больше и больше идентифицироваться с этой жизнью, во второй половине средних веков почти вся Европа, Западная Азия, Иран, Индия и Китай достигли одинаковой ступени развития материальной цивилизации.

Но одна важная область избежала этого процесса — широкий пояс, протянувшийся через северную часть Центральной Евразии от границ Маньчжурии до Будапешта. Это степная зона, проходящая вдоль северных краев до сибирских лесов. Географические условия позволяют здесь только несколько участков земли использовать для культивации, поэтому жители были вынуждены развивать скотоводство, кочевую жизнь, которую человечество знало тысячи лет назад в конце неолитического века. В самом деле, некоторые из этих племен из лесной зоны остались на уровне развития магдаленианских охотников. Таким образом, степной и лесной регион сохраняли варварство, однако не стоит понимать это в том плане, что народ, живший там, был ниже развитием, чем другой народ, их развитие объяснялось тем, что местные условия сохранили такой образ жизни, который уже давно прошел.

Выживание этих скотоводов в эру, когда остаток Азии находился в постоянном развитии сельского хозяйствования, стало определяющим фактором в драме истории. Это вызвало своеобразную трансформацию времени между

оседлыми народами второго тысячелетия до н.э. и XII в. н.э. Для перехода из одной группы в другую, одному стоило только спуститься с Верхней Монголии в Пекин, или выбраться из киргизских степей в Исфаган. Прорыв был внезапным и чреват опасностями. Для оседлых народов Китая, Ирана и Европы хунны, туркоманы и монголы в самом деле были дикими. Отношениеnomадовкэтим народам было легко представить. Бедные тюрко-монгольские скотоводы, которые в годы засухи кочевали через скудные пастбища степей от одного высохшего колодца к другому, прибыв к границам культивируемой земли, к воротам Хопея или Трансоксианы, вглядывались ошеломленно в чудо оседлой цивилизации: богатые урожаи, деревни, переполненные зерном, и богатства городов. Это чудо, или скорее его секрет — упорный труд, необходимый для поддержания этого человеческого муравейника, — были далеки для понимания хуннов. Их очарование сравнимо с тем чувством, которое испытывает волк — их тотем, когда он в снежную погоду приближается к фермам и следит за добычей в пределах плетня забора. Кочевник, также как и волк, имел вековое желание ворваться, грабить и бежать с награбленной добычей.

Существование скотоводческого и охотниччьего общества рядом с оседлым сельским хозяйством, или, если представить иначе, развитие процветающих сельскохозяйственных обществ в условиях контакта с людьми, все еще находящихся на пастушеской стадии и постоянно испытывающих потрясающую нужду, присущую степной жизни во время засухи, представляло не только яркий экономический, но и социальный контраст, который был даже более жестоким. Повторяясь, отметим, что проблема человеческой географии становится социальной. Позиции оседлого человека и кочевника по отношению друг к другу напоминают отношения капиталистического общества и пролетариата, заключенного в пределах современного города. Сельскохозяйственные общества, которые культивировали хорошую желтую землю Северного Китая, сады Ирана, или богатый чернозем Киева, были окружены поясом бедных пастбищных земель, где часто превалировали ужасные климатические условия, и где один год в каждые десять лет водные места высыхали, засыхала трава, погибал домашний скот, а с ними и сам кочевник.

В этих обстоятельствах периодические набеги кочевников на культивируемые земли определялись законами

природы. Следует добавить, что и тюрки, и монголы, будучи умными, уравновешенными, практическими людьми, обученными грубой реальностью их окружения, были, тем не менее, созданы для правления. Когда оседлые и часто упадочные общества становились объектом их нападения, кочевники входили в город и в течение первых часов боя, без всяких особых трудностей занимали место правителей, которых они только что разбили. Не растерявшись, кочевник восседал на освященных временем благородных престолах, как великий каган Китая, царь Персии, император Индии, или султан Рума и впитывал в себя все, что его окружало. В Пекине он стал наполовину китайцем, в Исфагане или Раи — иранцем.

Был ли возможен окончательный результат — постоянное примирение между степью и городом? Никоим образом. Непоколебимые безжалостные законы человеческой географии продолжали действовать. Если окитаизированный или иранизированный хан не был смещен какой-либо естественной реакцией, в любой момент из дебрей степей новые и голодные орды могли показаться на его границах, которые видели в выскочках-родственниках просто другого таджика или табгача — персидского или китайского. Они повторяли это действие — приключение в ущерб предыдущему.

Как случалось, что захват был почти всегда успешным, и что один и тот же ритм повторялся в течение тринадцати веков? Ответ заключается в том, что кочевник, хотя и тормозил развитие материальной культуры, всегда владел огромной военной властью. Он был стрелком в седле (*mounted archer*). Техническим оружием, которое давало ему великое превосходство над оседлыми народами, как артиллерия современной Европы для остального мира, была невероятно мобильная конница опытных стрелков. Это правда, что ни китайцы, ни иранцы не имели такого оружия. С III века до н.э. китайцы адаптировали на себе их одежду для верховой езды. И Персия со времен парфян знала цену дождя стрел, посланных отступающими всадниками. Но китайцы, иранцы, русские, поляки или венгры не могли уподобиться монголам в этой области. Наученные с детства догонять оленя на скаку на широких просторах степей, привыкшие к упорному преследованию и ко всем хитростям охоты, от которой зависела их еда — основа жизни — они были непобедимы. Сила кочевника была не в том, что он часто противостоял своему врагу; напротив, внезапно напав

на него, он должен был исчезать, затем вновь появляться, преследовать врага, не позволив себе быть схваченным, изводить, утомлять и, наконец, подстреливать своего врага изнуренного в конец, как загнанную дичь. Непредсказуемость и повсеместность кочевой конницы, управляемой Джебе или Субедеем — двумя великими генералами Чингисхана — были грозным оружием, используемым с мудростью. Плано Карпини и Рубрук видели это в действии и были поражены решающим техническим превосходством. Фаланга и легион ушли в прошлое, потому что они были рождены политическими устройствами Македонии и Рима; они были выдумкой и созданием организованных государств, которые, как все государства, возникали, жили и исчезали. Стрелки на седлах из степей правили над Евразией около тринадцати веков, потому что они были спонтанным созданием самой земли: отпрыски нужды и желания, только имевшие значение для кочевника в период голода. Когда Чингисхан захватил мир, он был способен сделать это потому, что был сиротой, покинутым на равнине Керулена. Он уже победил, когда с младшим братом Джучи Тигром мог ежедневно подстреливать достаточно дичи для избежания голодной смерти.

Стрелы кочевников были в древности и средних веках формой огня с закрытыми позиций и имели такой же деморализующий эффект в свое время, как артиллерия сегодня.

Что лежало в конце этого верховенства? Что произошло, когда, начиная с XVI в., кочевник не смог долго подчинять оседлые народы? Причина была в том, что последние встретили его с артиллерией. Вековая позиция стала противоположной. Канонады, которыми Иван Грозный испугал последних наследников Золотой Орды, и которыми Кан-си (K'ang-hsi), император Китая, испугал калмыков, ознаменовали конец периода мировой истории. Военная техника навсегда сменила кочевые лагеря, и цивилизация стала сильнее, чем варварство. В пределах нескольких часов традиционное превосходствоnomadov впало в нереальное прошлое. И калмыкские лучники, которых романтический царь Александр I выстроил против Наполеона в сражениях 1807 г., казались такими же устаревшими, как и магдаленианские охотники.

Хотя только три века прошло с тех пор, когда эти лучники перестали быть завоевателями мира.

ВВЕДЕНИЕ

СТЕПЬ И ИСТОРИЯ

В своем физическом проявлении высокие плато Азии представляют собой огромную геологическую раму в истории нашей планеты. Сдвиг и изоляция этой огромной континентальной массы произошли благодаря схождению двух больших флексурных горных цепей в два различных периода: Герцинские (Негсупиан) ущелья Тянь-Шаня и Алтайские горы — первые ограничены Сериндскими (Serindian) массивами и вторые древним Сибирским плато — и Гималайские альпийские ущелья, которые в Миоценовый период были заменены древним “Средиземным” морем Евразии. Дуга Тянь-Шаня и Алтая на северо-западе, и противоположная цепь Гималаев на юге, вместе окружают и изолируют Туркестан и Монголию, оставляя их, как они были, возвышаться над окружающими равнинами. Из-за их высоты и большой удаленности от моря, эти регионы имеют континентальный климат с чрезмерной жарой летом и большими морозами зимой. На Угре (Улан-Батор), в Монголии, температура колеблется от +38° до —42° Цельсия. За исключением Тибетского массива, большая высота которого обеспечивает почти прямо противоположную растительность, а также полукруглых цепей Алтая и Тянь-Шаня, которые, по схожим причинам, имеют альпийский климат, характерно менявшийся от лесов предгорья к редкой растительности на пиках, почти вся Континентальная Азия покрыта протяжным поясом травянистых степей — плодородные в их ирригационных областях, но высыхающие и превращающиеся в пустыню в центральных землях — протягивающиеся от Маньчжурии до Крыма, с Угры во Внутренней Монголии до регионов Мерва и Балха, где Северные Евразийские степные прерии уступают место сухим, субтропическим степям, более средиземным в характере, Ирана и Афганистана.

На севере продольный пояс Евразийских степей сливается с северным лесным регионом Центральной Азии и Сибири, и с северными краями Монголии и Маньчжурии. В трех областях в середине пояса степь незаметно уступает пустыне: пустыни Кызыл-Кума в Трансоксиане и Кара-Кума на юге Амудары; пустыня Такламакан в огороженном Таримском бассейне; и, наконец, пустыня Гоби, обширная область, протягивающаяся с юго-запада, с Лоб Нора, где Гоби примыкает к Такламакану, до гор Хингана на границах Маньчжурии. Они как раковые пятна, пожирающие травянистый пояс, в который постоянно вторгаются с доисторических времен. Ситуация пустыни Гоби, лежащей между северной Монголией, лесами Байкала и степями Орхона и Керулена на севере и южной Монголии и степями Алашани, Ордоса, Чахара и Джеколя на юге, является одним из факторов, препятствующих выживанию тюрко-монгольских империй и сюнну в древности, и ту-ю в средних веках.

Уничтожение степей пустыней создает решающий поворот в истории Таримского бассейна, что является сейчас китайским Туркестаном. Избежав кочевой жизни равнин (хотя ей всегда угрожали или управляли северные орды), эта область приобрела городской, коммерческий характер оазисов караванных путей, и по цепи этих оазисов формировался ряд коммуникаций между великими оседлыми цивилизациями Запада — Средиземный мир, Иран, Индия — с теми, что на Дальнем Востоке, а именно, Китай. Двойной путь был проложен в двойной дуге севера и юга умирающей реки Тарим: северный путь проходит через Тунхван (Tunghwang), Хами, Турфан, Карапар, Куча, Кашгар, бассейн Фергана, и Трансоксиана; южный — по дороге Тунхван, Хотан, Яркенд, Памирские долины и Бактрия. Эта тонкая двойная нить, которая пересекает пустыни и вершины поворотами, хрупкая, как извилистая линия муравьев, пересекающих местность, тем не менее, была достаточно прочной для обеспечения того, что наша планета составляла единый мир, а не два отдельных, для того, чтобы сохранить в минимальной степени контакт между муравейником Китая и индоевропейским муравейником. Это был Шелковый Путь, путь пилигримов, вдоль которого следовали торговля и религия, греческое искусство потомков Александра и буддистские миссионеры из Афганистана. По этому пути греко-римские купцы, упомяннутые Птолемеем, боролись за овладение доступом к тюкам шелка из "Serica", и китайские генералы из второй Ханской династии искали возможности для

создания связи с Иранским миром и Римским Востоком. Сохранение этого Великого пути мировой коммерции было вековым принципом китайской политики от Ханской империи до хана Хубилая.

На севере этой узкой нити цивилизации, однако, степи обеспечивалиnomадов путем совершенно другого плана: путем варварства. Ничто не останавливало грозные варварские эскадроны между берегами Орхона или Керулена и озера Балхаш; по направлению к последней точке Алтайских гор и северных вершин Тянь-Шаньских гор, где расхождение является более широким в реке Имиль на Тарбагатае, в направлении на Чагачак, также между Юлузом, Или и Иссык-Кульским бассейном на северо-западе, всадники из Монголии видели дальнейшие безграницные пространства киргизских и русских степей. Проходы Тарбагатая, Алатау и Музарта постоянно пересекались ордами из восточных степей по пути в степи запада. В доисторический период движение должно было совершаться чаще в противоположном направлении; некоторые полагают, что nomады из иранской, т.е. индоевропейской, ветви, названные греческими историками скифами и сарматами и идентифицируемые с саками из иранских надписей, должны были проникнуть далеко на северо-восток, в регион Пазырыка и Минусинска, в то время как другие индоевропейцы населяли Таримские оазисы, от Кашгара до Кучи, Карапшара и Турфана, возможно, до Ганьсу. Определено то, что с начала христианской эры поток был с востока на запад. Индоевропейские диалекты недолго превалировали — “восточный иранский”, кучанский, или тохарский — в оазисах будущего китайского Туркестана; сюнну, под именем хунны, стали устанавливатьproto-туркскую империю в южной России и Венгрии. (Венгерские степи являются продолжением русских степей, тогда как русская степь является продолжением азиатских). После хуннов пришли авары, монгольское племя, которое бежало из Центральной Азии под давлением ту-ю в VI в., и которое держало эти регионы: сначала Россию, а позже Венгрию. В VII в. пришли хазары тюрки, в VIII в. — печенеги тюрки, в XII в. — команы тюрки, все они шли по одному и тому же следу. Наконец, в XIII в. монголы Чингисхана объединили степь и стали степным воплощением от Пекина до Киева¹.

---

¹ Касательно истории тюрко-монгольских империй, рассматриваемой как изучение человеческой географии, см.: Owen Lattimore, “The Geographical Factor in Mongol History”, GJ, XCI (January, 1938).

Внутренняя история степей состоит из того, что орды тюрко-монголов сталкивались одна с другой из-за лучших пастбищ, и из бесконечных миграций от пастбища к пастбищу, происходящих в основном из-за нужд стада. В некоторых случаях эти чередующиеся движения продолжались веками благодаря огромным дистанциям, в результате чего эти народы — их физический облик и образ жизни — адаптировались к данным условиям. Об этих непрекращающихся кочевках между Желтой рекой и Будапештом сохранилась история, написанная представителями оседлых народов, но в ней фиксировались только те события, которые имели влияние на них. Они отмечали наплыв волн, что случалось у подножья Великой стены или у Дунайских пограничных постов, Татуна или Силистры. Но что они рассказывают о внутренней бурной жизни тюрко-монгольских народов?

В районе, который может называться имперским районом Карабалгасуна и Каракорума в северной Монголии, в источнике Орхона, мы находим все кочевые кланы, которые намеревались властвовать над другими ордами: это были сюнну, из тюркской ветви до нашей эры; монголы сяньби в III в. н.э.; жуань-жуани, тоже монголы в V в.; тюрки ту-гю в VI в.; тюрки уйгуры в VIII в.; киргизы в IX в.; кидани монгольской ветви в X в.; керейты или найманы, возможно, тюрки, в XII в.; и, наконец, в XIII в. монголы Чингисхана. Несмотря на то, что мы можем отождествлять эти чередующиеся тюркские и монгольские кланы, которые передавали власть друг другу, мы не знаем, как великие исходные группы тюрков, монголов и тунгусов были первоначально представлены. Без сомнения, в настоящее время тунгусы занимают не только северную Маньчжурию, но и большую часть Восточной Сибири, также восточный берег северного Енисея в Центральной Сибири; в то время как монголы группируются в исторической Монголии и тюрки в Западной Сибири и в двух Туркестанах. Следует помнить, однако, что в этом последнем регионе тюрки являются пришельцами, и что их влияние на Алтай происходило после I в. н.э., в Кашгарии определенно после IX в., и в Трансоксиане — после XI в. Городское население и в Самарканде, и в Кашгаре остается в основном из тюрканизированной иранской ветви. Тем не менее, история свидетельствует, что в самой Монголии много, по-видимому, тюркских племен, монголизированных чингисхановскими монголами: найманы из Алтая, керейты из Гоби и онгуты из

Чахара. Перед тем, как эти племена были объединены Чингисханом, который привел их под знамя Голубых Монголов, часть современной Монголии была тюркской; в самом деле, даже теперь тюркский народ, якуты, занимают северо-восточную Сибирь, север Тунгуса, бассейны Лены, Индигирки и Колымы. Присутствие этой тюркской группы так близко к Берингову проливу, на севере монголов и даже тунгусов на Северном Ледовитом океане, делает необходимым соблюдать осторожность в попытках детерминировать родственные позиции “первых” тюрков, монголов и тунгусов². Ясность в этот вопрос вносит тот момент, что тюрко-монголы и тунгусские массы должны были первоначально обосновываться далеко на северо-востоке. Что касается не только современной Кашгарии, но и северных склонов Саянских гор (Минусинск) и Великого Алтая (Пазырык), то они были в тот период населены индоевропейцами из “общей индоевропейской” колыбели южной России. Эта гипотеза согласуется с мнением таких лингвистов, как Пельо и де Хевеси, которые отказываются учитывать любую первоначальную связь между алтайскими языками (турецкий, монгольский и тунгусский) и языками финно-угорской группы, сконцентрированных на Урале³. Более того, явное широкое расхождение, существующее сегодня, вопреки первоначальному сходству между тюркским, монгольским и тунгусским языками, приводит к мысли о том, что три группы, которые в течение исторического периода были объединены общей ролью, могли какое-то время существовать на некоторой дистанции друг от друга на просторах Азиатского северо-востока⁴.

---

² Представляется возможным, тем не менее, что якуты были эмигрантами на север и что их происхождение следует искать в районе озера Байкал. Хотя в этом регионе, который они теперь занимают, по-особому используют оленей, черепа лошадей фигурируют в их церемониях, в память временного проживания на границах монгольских степей. Этот феномен является противоположным тому, что обнаружено в Пазырыкских могильниках. См. *ibid.*, стр. 1, 8.

³ Paul Pelliot. “Les mots à Hinitiale, aujourd’hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles”, JA (1925), p. 193.

⁴ Поппе утверждает примитивный алтайский язык, из которого могли произойти примитивный тюркский, монгольский и тунгусский, но добавляет: “Период примитивного тюркского не мог продолжаться позже, чем первые века нашей эры”. Н. Поппе и В.В. Бартольд также утверждают, “что в общем тюркские языки более высоко развиты, чем языки монгольской группы. Монгольский язык, все равно какого региона монгольского мира,

Первостепенным фактором в человеческой истории является давление, оказанное этимиnomадами нацивилизованные империи юга, давление, постоянно повторяющееся дотого момента, когда был осуществлен захват этих империй. Происхождение nomадов диктовалось условиями, превалировавшими вих родных степях.

Определенно, что тюрко-монголы, которые оставались влесном регионе озера Байкал иАмур, продолжали быть дикими ижили охотой ирыболовством, как делали джурчиды вконце XII в. и“Лесные Монголы”довремен Чингисхана; они были плотноограждены лесными уединенными безлюдными местами, чтобы узнать другие территории. Носовершенно отличная ситуация была с тюрко-монголами изстепей, которые жили сосвоими стадами ибыли, следовательно, кочевниками по необходимости: стада искали траву иони следовали заними.

Ксказанному следует добавить, что степь является землей лошадей⁵. Житель степей срождения всадник. Может быть, это были иранцы сзапада или тюрко-монголы свостока, ноэто были кочевники, те ктоизобрел костюм всадника, какой мывидим наскифах, нарисованных на греческих вазах Крымского Боспора, икоторый мыузнали откитайцев, которые в300 г. до н.э. использовали штаны вместо роб длясвоей кавалерии, подражая хуннам. Всадник молниеносных походов был лучником в saddle, который стрелял всвоего противника сдистанции, стрелял вто время, когда отступал — парфянское копье заимствовано у斯基фов илихуннов — ивел войну, словно онпреследовал дичьили кобылу: со стрелой илассо.

Впреддверие этих набегов там, где заканчивались степи иначиналась обрабатываемая земля, кочевник увидел образ жизни, совершенно отличающийся отего собственного, это иявилось причиной пробуждения его жадности. Зима в

является более архаичным, чем наиболее древние известные тюркские языки. Письменный монгольский достиг, сфонетической точки зрения, почти того же уровня эволюции как ипримитивный алтайский язык". Сравните: N.Poppe, in *Ungarische Jahrbucher*, VI, 98. По вопросу "общности", смотрите: Jean Deny, "Langues turques, mongoles et mongouzes", in A.Meillet and M. Cohen, *Les langues du monde* (Paris, 1924), p. 185.

⁵Замена лошадей наоленей сибирских лесов, свидетельство которогобыло найдено вмаскировке жертвенных лошадей подоленей вПазырыкских могилах (Танну-Тува, Сибирский Алтай около 100 г. н.э.), дает яркое представление опереходе племени отжизни лесных охотников кжизни nomадов-скотоводов. Смотрите, Lattimore. "Geographical Factor", p. 8.

его степях была арктической; степь в этот сезон являлась продолжением сибирской тайги. Лето было палящее, так как тогда степь являлась продолжением пустыни Гоби, и для того, чтобы найти пастбища для своих стад,nomады должны были взбираться на склоны Хингана, Алтая или Тарбагатая. Весна была единственной порой, которая превращала степь в сочную равнину, усыпанную цветами разных оттенков, и была праздничным сезоном как для животных, так и человека. В остальные времена года, и особенно зимой, его глаза были обращены к умеренным землям юга, на Иссык-Куль, "горячее озеро" на юго-западе, на хорошие желтые земли Желтой реки на юго-востоке. Нельзя сказать, что он имел определенный вкус к культивируемой земле как таковой; когда он владел ею, он инстинктивно позволял оставлять землю под паром, в непродуктивном состоянии, и она превращалась в степь, в бескрайние поля травы для овец и лошадей.

Такого было отношение Чингисхана в XIII в. Захватив Пекинский регион, он имел огромное желание переделать просяные поля в пастбищные на прекрасной равнине Хопея. Несмотря на то, что человек севера ничего не понимал в земледелии (до XIV в. чингизиды Туркестана и России оставались чистыми кочевниками, безрассудно разрушив собственные города и ирригационные каналы), он ценил городскую цивилизацию из-за наличия мануфактурных товаров и множества приятных вещей, рассматривая их как объект для грабежа и добычи. Он был поражен мягкостью климата, определенно, для Чингисхана суровый климат Пекина казался очень успокаивающим. После каждой кампании он возвращался на север для проведения лета возле озера Байкал. Так, после победы над Джелал ад-Дином, он умышленно уклонился от похода в Индию, тогда лежавшую у его ног, потому что для него — человека из Алтая, Индия казалась котлом ада. Он был в любом случае прав, не доверяя благам цивилизованной жизни. Когда его великие внуки расселились в дворцах Пекина и Табриза, они сразу начали вырождаться. Но пока кочевник имел душу кочевника, он относился к оседлому человеку просто как к фермеру, и город, и возделанные земли он воспринимал как свою собственную ферму, которые были открыты для вымогательства. Он кочевал на спине своей лошади вдоль границ древних империй, требуя регулярную дань с них, и им приходилось ее выплачивать, а когда жертва была неблагоразумной и отказывалась от выплаты, то соответ-

ственno за этим следовало разграбление открытых городов во внезапных набегах. Эти люди были как стая волков (не поэтому ли волк является тотемом тюрков?), рыскавших вокруг стад оленей, для того, чтобы наброситься на них или просто схватить отставших и раненных животных⁶. Ураганный грабеж, перемежающийся с требованием регулярной дани, был характерной чертой в отношениях между тюрко-монголами и китайцами, начиная со II в. до н.э. и до XVII в. н.э.

Время от времени среди кочевников появлялся человек сильной воли, хорошо информированный о губительном влиянии оседлых империй (и эти хитрые варвары, как и германские из IV в., были прекрасно *au courant* с византийскими интригами китайского имперского двора). Он заключал договор с одной китайской группировкой или царством против другой, или с изгнанным претендентом на престол, объявлял себя или его орду конфедератами империи и, под предлогом защиты, входил на их территорию. Через одно или два поколения его внуки должны были достаточно овладеть всеми китайскими мудростями для того, чтобы предпринять большой шаг и захватить трон Сынов Неба. Подвиг Хубилай-хана в XIII в. является в этом отношении повтором подвигов Лю Цзуней и тоба в IV и V вв. соответственно. В двух других или трех поколениях (если их не изгнали с Великой стены каким-нибудь национальным восстанием), эти варвары, которые заимствовали из цивилизации только мягкость и пороки без сохранения сущности варварского темперамента, стали в своем превращении объектами презрения, и их территории оставались желанными для других варваров, голодающих номадов в дебрях их родных степей. Этот процесс постоянно повторялся. В V в. тоба появились на плечах сюнну и сяньби для того, чтобы разрушить и занять их место. В XII в. правителями Пекина стали джурчиды; дикие тунгусы в течение нескольких месяцев захватили великий город только для того, чтобы попасть под китайское влияние и впасть в дремоту до того, как быть разрушенными Чингисханом веком позже.

---

⁶ Мифическим предком тюрко-монголов является коричневый волк с белой волчицей, Борте-чино, среди монголов из Тайной истории (*Secret History*) и серый волк Ок-бори среди тюрков из *Огуз-наме*: “Из сияния света пришел великий волк с серой шерстью и гривой”.

Подобная ситуация была как на Западе, так и на Востоке. В русских степях Европы, которые являлись продолжением азиатских степей, можно наблюдать подобное смещение: хунны Атиллы были смешены булгарами (болгарами), аварами, венграми (те финно-уграми, с жесткостью хуннской аристократии), хазарами, печенегами, команами и чингизидами. Подобно этому на землях ислама процесс исламизации и иранизации среди тюркских завоевателей Ирана и Анатолии в точности копирует процесс китаизации среди тюркских, монгольских или тунгусских завоевателей Божественной Империи. Здесь хан стал султаном или падишахом, как там он стал Сыном Небес; и как в Китае, он вынужден был уступить другим, более грубым каганам из степей. В Иране также может быть прослежена подобная последовательность захвата, преемственность и разрушение: Газневиды тюрки были смешены сельджуками и тюрками хорезмидами, чингисхановскими монголами, тюрками Тимуридами и монголами Шейбанидами, не говоря о тюрках Османах, которые молниеносно заменили умирающие остатки сельджуков в Малой Азии и оттуда двинулись на захват Византии.

В высшей степени, чем Скандинавия Иордана, Контиентальная Азия может быть признана как матрица народов, *vagina gentium*, и как азиатская Германия, предназначенная в своем *Volkerwanderungen* для древних цивилизованных империй с султанами и Сынами Неба. Эти периодические наплыты орды, чьи ханы захватывали троны Чангана, Лоуяня, Кайфенга или Пекина, Самарканда, Исфагана или Табриза (Тауриз), Конии или Константинополя, стали одним из географических законов истории. Но там существовал другой, противоположный закон, который диктовал постепенную абсорбцию кочевых захватчиков древними цивилизованными землями. Этот феномен был двойственным по своему характеру. Первый — демографический аспект. Основавшись как аристократия, варварский всадник растворялся в густом, плотном населении, в этих древних муравейниках. Второй — культурный аспект. Цивилизации Китая и Персии, хотя и захваченные, в конечном итоге побеждали дикость свирепых победителей, отравив и усыпив их прелестями цивилизации, и тем самым, уничтожив их. После пяти лет с момента завоевания жизнь в завоеванном государстве шла так, как если бы ничего не произошло. Окитаизированные или иранизированные варвары оказывались первыми, кто стоял на охране цивилизации против новых набегов из варварских земель.

В V в. правитель Лоуяня из племени тоба стал защитником китайской земли и культуры против всех монголов, сяньби или жуань-жуаней, которые стремились повторить совершенный им подвиг. В XII в. это был Санжар Сельджук, который держал свой “Взгляд на Рейн” на Окс и Джаксарту против всех огузов или кара-китаев Арала или Или. История Кловиса и Чарлемана (*Charleman*) повторялась на каждой странице азиатской истории. Точно также, как римская цивилизация в своих попытках сопротивления саксонскому и нормандскому германизму нашла свои резервные силы во Франкской энергии, которую она ассимилировала, так и цивилизация Китая нашла своих лучших сподвижников в тоба в V в., в то время как Арабо-Персидский ислам не знал более лояльного борца за его спасение, чем героический Санжар, упомянутый выше. Это лучшие примеры окитаизировавшихся или иранизированных тюрко-монголов, которые закончили работу древних Царей из Царей или Сынов Неба. То, чего не могли достигнуть ни Хосроу, ни халиф — завладеть троном василеса и триумфально войти в храм Святой Софии — было сделано их неожиданным преемником, Оттоманским падишахом XV в., получившим шумное ободрение мусульманского мира. Подобно этому мечта пан-азиатского доминирования, взлелеянная Ханской и Танской династиями, была осуществлена Хубилай-ханом в XIII в. и Тимуром Олжайту в XIV в. для пользы древнего Китая, сделав Пекин столицей России, Туркестана, Персии и Малой Азии, Кореи, Тибета и Индо-Китая. Таким образом, тюрко-монголы захватили древние цивилизации только для того, чтобы служить им. Рожденный править, кочевник управлял этими древними цивилизованными людьми, поддерживая их традиции и исполняя вековые стремления. Эти кочевые правители в администрации Китая выполняли программу китайского империализма в Азии и в Ирано-Персидском мире, осуществили Сасанидский и Аббасидский поход на золотые купола Константинополя.

**Высокие плато
Азии
до XIII века**

Глава 1

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СТЕПЕЙ: СКИФЫ И ХУННЫ

ДРЕВНИЕ СТЕПНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Самый древний известный нам евразийский маршрут проходит через северные степи. По этому пути в палеолитические времена Ауригнасианская (Aurignacian) культура распространилась по Сибири (Ауригнасианская Венера была найдена в Мальте, недалеко от Иркутска, в верховье реки Ангары) и отсюда в Северный Китай, где Тейлхард де Шарден отмечает наличие очагов культуры Ауригнасианского (Aurignacian) типа, захороненных в лессе Квейтунга (Kweitung), близ Нинсия в Ганьсу (Kansu), и в Сиара-осо-голе (Siara-osso-gol), юго-запад Юлинья (Yulin), в северном районе Шеньси. Подобным образом Магдаленианская (Magdalenian) культура представлена в Сибири (в верховье Енисея), в Маньчжурии (в Толуне (Tolun), Маньчоули (Manchouli) и Хайларе (Khailar)), и в Хопее. Здесь, в верховье Чоукотиенской (Chowkowtien) впадины, недалеко от Пекина, были найдены скелет и принадлежавшие умершему украшения. Также там обнаружены костяные иглы, просверленные раковины и клыки животных, кости, обточенные в виде кулонов, куски перламутра¹.

В неолитический период (точнее, к концу этого периода) сибирский кочевой путь был также путем, по которому гончарные изделия, украшенные “гребневидными” (“combed”) линиями, и создававшиеся в Центральной России в первой половине третьего тысячелетия, проникли в Азию. Отсюда этот тип керамики распространился в сибирскую часть и постепенно оказывал влияние на протокитайскую керамику Чи-жия-пинь (Chi-chia-ping) в Ганьсу. Аналогично в следующем периоде, в начале второго тысячелетия (возможно, это происходило через Сибирь), керамика, украшенная спиралевидными узорами (стиль, возникший в Трипольском районе близ Киева, Шпенице в Боковине, Петрени в Бессарабии, и Кукутени

в Молдавии), распространилась от Украины до Китая, где развивалась дальше в Ян-шоа-тзуне (Yang-shao-ts'un) в Хонане около 1700 г. до н.э., затем в Паншане (Panshan) в Ганьсу. В конечном счете, согласно Таллгрену, бронзовый век начался в Западной Сибири около 1500 г. до н.э. и связан с великой Дунайской бронзовой цивилизацией того же периода (Aunjetitz civilization). В Центральной Сибири, в Минусинске, бронзовый век начался на триста лет позже (около 1200 г. до н.э.). Топоры и наконечники копий Западной Сибири, схожие с китайскими образцами, позволили Максу Лоеру высказать предположение, что бронзовая техника была заимствована Китаем из Сибири примерно в это время (ок. 1400 г. до н.э.)².

Характерной особенностью древней истории степей является развитие все более и более стилизованного звериного искусства ("звериный стиль"), который был довольно самобытен и оригинален и использовался для украшения бронзовых, серебряных и золотых пластин на доспехах и предметах обихода, являющихся одной из форм богатства кочевников. Это искусство представлено в Кубани, в Майкопском захоронении. Сюда относятся фигурки животных из чистого золота и серебра (левы, буйволы и т.д.), которые, несомненно, были сделаны в духе ассиро-аввилонского стиля. Одновременно с искусством Среднего Минуанского (Middle Minoan) периода эти произведения искусства датируются, согласно Таллгрену, примерно 1600-1500 гг. до н.э.³. Это первоначальное ассиро-аввилонское влияние сохранялось до VI в. до н.э., что может быть подтверждено знаменитым мечом Келермеса (Kelermes).

Таллгрен склонен полагать, что, возможно, с 1200 г. до н.э. индоевропейский народ, киммерийцы, начали обосновываться в русских степях на севере Черного моря. Будучи фрако-фригийского происхождения⁴, киммерийцы или "пришли" из Венгрии и Румынии, или, что менее вероятно, также "населяли" эти страны⁵. Выдающийся финский археолог относит к киммерийцам, по крайней мере, к части из них, довольно многочисленные находки этого периода, сделанные недавно в Днепровском и Кубанском районе. Из них наиболее важными являются: Бородинское захоронение (1300?-1100 гг. до н.э.), Штетковское захоронение с бронзовыми серпами (1400?-1100 гг. до н.э.), бронзовая литейная близ Николаева (1100? г. до н.э.) и бронзовые серпы из Абрамовки (1200 г. до н.э.). Все захоронения были обнаружены между низовьем Дуная

и низовьем Днепра. В Кубани были найдены золотые пластины и серебряные быки в Старомишаставской (1300 г. до н.э.). Также на реке Терек находятся курганы Пятигорска (около 1200 г. до н.э.) и Кобана (век чистой бронзы, около 1200?-1100 гг. до н.э.). Все киммерийское искусство южной России связано с транскавказской культурой Гандза-Карабаха, где было обнаружено несколько бронзовых пластин с орнаментом из геометрических фигур животных. (Эта культура возникла между 1400 г. до н.э. и 1250 г. до н.э. и существовала до VIII в.). Данная культура также родственна с талышской культурой, где бронзовый век процветал около 1200 г. до н.э.⁶

Деревянный склеп, найденный близ Покровска (теперь Энгельс), датируемый 1300-1200 г. до н.э., указывает на распространение до-киммерийской или бронзовой киммерийской цивилизации от Волги до Урала по направлению к Туркестану. В Сейме, недалеко от Нижнего Новгорода (теперь Горький), обнаруженная "сокровищница" дает нам первоначальное представление о менее развитой культуре меди и бронзы, включая первые находки и, прежде всего, военные топоры с отверстием (1300-800 гг. до н.э.). В Казахстане подобная культура, известная как андроновская, доходила до Минусинска и около 1000 г. до н.э. была продолжена карасукской культурой. Это был первый Сибирский бронзовый век, характеризуемый топорами с отверстиями, которые могли повлиять на создание таких же в Аньяне (Anyang) в Китае, а именно плоских кинжалов и метательных дротиков сеймского типа с их чисто геометрическим орнаментом. Кавказский "звериный стиль" проник не так далеко, как предыдущий. Далее к северу, в Красноярске на Енисее, в явно поздней стадии найден аенолитический (aeneolithic) тип искусства, под влиянием которого возникли некоторые замечательные фигурки лошадей и лосей, высеченные из камня.

С 1150 до 950 г. до н.э. киммерийская цивилизация продолжала развиваться на севере Черного моря. Этот период представлен в Новогригорьевской сокровищнице (бронзовые топоры с внутренними отверстиями) и Николаевской бронзовой литейной на реке Буг (около 1100 г. до н.э.). В Терекских степях век чистой бронзы Кобана имеет интересное сходство с той, которая известна как лельварская (Lelvar) цивилизация в Грузии, которая была более передовой по отношению к степной, т.к. там уже появились изделия из железа, и которая создала необычные бронзовые пояса,

украшенные фигурками людей и животных в геометрическом стиле в сценах охоты и труда. Кроме того, местная бронзовая культура, найденная в Покровске, между Самарой и Саратовым, представлена захоронениями в Хвалинске, которые Таллгрен приблизительно относит к периоду между 1200 и 700 гг. до н.э. Далее Таллгрен приписывает эту культуру скифам, северному иранскому народу, который появляется сначала в России, а затем сменил киммерийцев во владении степями на севере Черного моря.

Последняя фаза развития киммерийской культуры относится к периоду между 900-750 гг. до н.э. Это период Михайловского захоронения в Галиции с принадлежащей ему известной золотой короной, которая показывает сходство с кавказской культурой и хальстатской (Hallstatt) в Австрии (800?-700 гг. до н.э.), а также период Подгорского захоронения к югу от Киева с кавказским влиянием. Это период бронзовых топоров в Коблево, к востоку от Одессы, и копий с двумя зазубринами на лезвиях, которые представлены в изобилии в южной России (ок.900-700 гг. до н.э.). Киммерийская бронзовая культура была представлена также в Румынии, имея форму Bordei-Herastrau и Mures культур в Молдавии и Vartopru культуры в Валахии. Киммерийская культура имела свое продолжение в Венгрии. Следует отметить, что киммерийцы и фракийцы(Thracians) все еще находились в бронзовом веке, тогда как юго-западный Кавказ и Хальстат в Австрии уже вошли в железный век (Хальстат I, ок. 900-700 гг. до н.э.). В другом месте хавалинская (Khavalynsk) группа культур (между Волгой и Уралом), относящихся к авангарду скифов, и создавших примерно в 900 г. до н.э. бронзовые литейные (близ Сосновой Мазы), также показывает подобное торможение в развитии. В течение этого периода в Минусинске, в Сибири, развивалась вторая фаза, характеризуемая топорами, имеющими два небольших отверстия. Здесь орнаментация в большей степени геометрическая, несмотря на присутствие нескольких редких фигурок животных, которые, без сомнения, украшали конец рукояток¹. Это, согласно Таллгрену, относится к периоду между 1000 и 500 гг. до н.э.

Все это свидетельствует о том, что киммерийский бронзовый век русских степей на последней стадии совпал по времени с двумя железными цивилизациями: хальстатской в Австрии и кавказской. Железные ножи из Хальстата были обнаружены в верхних пластах киммерийской культуры, в ранний скифский период².

Между 750 и 700 гг. до н.э., согласно свидетельству греческих историков, приложенному к ассирийской хронологии, киммерийцы были вытеснены из степей южной России скифами, которые пришли из Туркестана и Западной Сибири. Народ, известный грекам под именем скифы (*Skithai*), назывался ассирийцами ашкуз (*Ashkuz*), а персы и индийцы дали имя сака (*Saka*)⁹. Можно увидеть из терминологии, что скифы относятся к иранской расе¹⁰. Они являлись северными иранцами, которые оставались номадами из “истинно иранской страны” в степях современного Русского Туркестана, что дало им возможность избежать влияния материальной цивилизации Ассирии и Вавилона, цивилизации, которая так сильно влияла на оседлых мидян и персов, живших дальше на юге Иранского плато. Скифы, как и родственные им сарматы, были чужды и исторических реформ Зороастризма и Маздаизма, которые впоследствии постепенно трансформировали мидийские и персидские верования.

Изображения скифов можно увидеть на греко-скифских вазах (в Кул Оба и Воронеже). Они носили бороды и одевали, как их сакские братья на барельефах Персеполя (*Persepolis*), остроконечные шапки, которые защищали уши от сильных ветров равнин. Они носили свободные одежды: туника и широкие штаны — общие для саков и их мидийских и персидских родственников. Конь (великолепный степной скакун, изображенный на серебряной амфоре из Чертомлыкского могильника), был постоянным спутником скифов, их излюбленным оружием был лук¹¹. Эти всадники, стрелявшие из лука, “не имели города”, кроме, так называемых, “кочующих городов” (*traveling cities*). Другими словами, это караван повозок, который сопровождал их во время сезонных миграций. Этот обычай, существовавший у них девятнадцать веков назад, сохранился до XIII в. — во времена Плано Карпини и Вильяма Рубрука, когда подобные повозки сопровождали монголов Чингисхана через эти же самые русские степи. На повозках они перевозили своих жен и свое богатство: золотые украшения, пластины и бляхи, предназначавшиеся для упряжи, доспехи и оружие, и, конечно, ковры — все то, для чего требовалось рождение и развитие скифского искусства. Скифы оставались хозяевами русских степей седьмого по третье тысячелетие до н.э.

Современные лингвисты классифицируют скифов как иранский народ из индоевропейской семьи, индоиранской или арийской группы. Однако их образ жизни был очень схож с образом жизни хуннских племен тюркско-монгольской ветви, которые, почти в то же время, начали активизироваться в другом конце степей, на границе с Китаем. В самом деле, условия жизниnomадов в степи и на севере Черного или Каспийского морей, в Монголии, были очень схожи, хотя в Монголии они были намного суровее. Не удивляет и то (физический тип и язык в отдельности), что описания греческих историков и изображения скифов на греко-скифских вазах напоминают отдаленно культуру и общий жизненный путь сюнну (*Hsiung-pu*), ту-гуо (*T'u-chueh*) и монголов, описанных китайскими аналитиками и нарисованных китайскими художниками. Можно найти большое количество общих обычаяев, что объясняется сходством образа жизни этих народов, вынуждавших их принимать сходные решения (например, использование скифскими и хуннскими конными лучниками штанов и сапог вместо широких одежд среднеазиатских народов или ранних китайцев, а также использование стремени¹²). Вероятно, действительные географические контакты между скифами и хуннами в один культурный период дали возможность для появления одинаковых практических применений. (Примером тому могут служить погребальные жертвоприношения, которые продолжались очень долго как у скифов, так и у тюрко-монголов, тогда как в Западной Азии и Китае они давно исчезли, со времен захоронений в Уре (*Ur*) и Аньяне (*Anyang*))¹³.

Таким образом, между 750 и 700 гг. до н.э. скифы (а точнее, часть скифо-сакских народов, большая часть саков осталась на землях в окрестностях Тянь-Шаня, недалеко от Ферганы и в Кашгарии) двинулись из Тургайского района и р. Урал в южную Россию, откуда они вытеснили киммерийцев¹⁴. Некоторые из киммерийцев нашли приют в Венгрии, которая, возможно, уже была населена другими народами фракийского (*Thracian*) происхождения. Эти киммерийские беженцы, как полагают, оставили захороненные "сокровищницы" в Михалени близ Сцилагии и в Фокуру близ Хевеса, а также в Михайловке в Галиции. Остальные киммерийцы спасались бегством через Фракию, как свидетельствует Страбо, или, согласно Геродоту, через Колхиду в Малую Азию, где они прошли во Фригию (около 720 г. до н.э.), затем в Каппадокию и Киликию (около 650 гг. до

н.э.) и окончательно в Понтию (около 630 гг. до н.э.). Некоторые из скифов бросились в погоню за ними (720-700 гг. до н.э.), но Геродот говорит, что они выбрали неправильный путь, пересекая Кавказ через Дербентские ворота, и столкнулись с Ассирийской империей. Скифский царь Ишпакай попытался атаковать ассирийцев, но безуспешно. Баратута, другой мелкий скифский царь, был более проницательным. Он установил дружеские отношения с ассирийцами, с которыми имел единого врага — киммерийцев. Киммерийцы были угрозой для границ Ассирии в районе Киликии и Каппадокии. Скифская армия, поддерживаемая Ассирией, вошла в Понтию в целях уничтожения оставшихся киммерийцев (около 638 г. до н.э.). Спустя почти 10 лет сын Баратуты, упоминаемый Геродотом под именем Мади (Madyes), пришел по просьбе Ассирии, которая была опустошена мидянами. Мади захватил и покорил Мидию (ок. 628 г. до н.э.), но вскоре мидяне восстали. Их царь Киаксар (Суахарес) убил скифских вождей, и оставшиеся из скифов вернулись обратно через Кавказ в южную Россию. Это только несколько эпизодов скифских походов, наиболее заслуживающих внимания, которые волновали Западную Азию почти 70 лет. На протяжении всего этого периода великие индоевропейские варвары были угрозой для Старого мира. Их конница рыскала в поисках добычи от Каппадокии до Мидии, от Кавказа до Сирии. Это было большое движение народов, отголосок которого можно найти даже среди книг пророков Ветхого Завета Израиля, и оно представляет собой первое в истории вторжениеnomадов северных степей в старые цивилизации юга, движение, которое повторится почти через двадцать веков.

Когда персы сменили ассирийцев, вавилонян и мидян в господстве над Западной Азией, они обратили все внимание на охрану оседлого Ирана от новых нашествий. Согласно Геродоту, эти меры были направлены против массагетов — скифов, обитавших в районе востока Хивы (ок. 529 г. до н.э.), против которых Кир вел свою последнюю кампанию. Дарий начал первый великий поход против скифов Европы около 514-512 гг. до н.э. Через Фракию и современную Бессарабию он вошел в степь. Но вместо того, чтобы принять бой, скифы отступили перед Дарием, заманивая его дальше в пустыни, следя своей обычной тактике. Но Дарий оказался достаточно мудрым, чтобы вовремя отвести войска. Геродот склонен рассматривать его “Русс-

кую кампанию” как глупость деспота (дорого стоящий капитал). Фактически, Ахаменидский монарх намеревался этим походом осуществить полностью политику создания пан-иранского союза или подчинения Персии Внешнего Ирана (Outer Iran). Это предприятие потерпело неудачу, скифы избежали персидского влияния и остались полными хозяевами южной России в течение последующих трех веков. Но поход Дария имел положительный результат для персов: долгое время Западная Азия была защищена от вторжений кочевников¹⁵.

Находки скифских произведений искусства создают впечатление о прогрессе скифского периода их проживания в России¹⁶. Во-первых, приблизительно с 700 по 500 гг. до н.э. центр скифской культуры находился на юго-востоке, в Кубанской области и Таманском полуострове. Скифы, без сомнения, были хозяевами в южной Украине в это время, между низовьем Днепра и низовьем Буга, это доказывается и находками близ Мартонохи (Martonocha) и Мельгунова (Melgunov), хотя, очевидно, в более спорадической манере. Это было не раньше, чем между 550 и 450 гг. до н.э.(согласно Таллгрену), когда скифская культура внезапно появилась на просторах современной Украины. Она достигла пика своего развития примерно в 350-250 гг. до н.э. Это можно проследить по находкам из великих царских курганов из нижнего Днепра, в Чертомлике (Chertomlyk), Александриополе, Солохе, Деневе и др. Самая северная область, куда доходили скифы, проходит вдоль северной границы лесостепей немного южнее Киева и в Воронежской области. В северо-восточном направлении скифская экспансия распространялась по Волге до Саратова, где были сделаны важные открытия, и где Таллгрен размещает скифский или полу-скифский народ — иранский в данном случае — сарматов.

Возможно, что скифы южной России были не более чем аристократией, наложенной на киммерийцев, т.е. фрако-фригийского (Thraco-Phrygian) основания. Бенвенист (Benveniste) указывает на то, что в информации Геродота (IV, 5-10) касательно скифского происхождения используется чисто иранская терминология, в то время как другая информация про тех же скифов настаивает на их происхождении из Греции, выводя это предположение из фрако-фригийской терминологии¹⁷. Лингвистические исследования были подтверждены археологическими открытиями. “Хальстатовская культура Киммерийского бронзо-

вого периода, — говорит Таллгрен, — существовала на Украине как деревенская культура в то время, когда Скифизм и Эллинизм уже установились”¹⁸.

В завершение, север скифской зоны, с его более или менее киммерийской основой, был населен варварами не скифского происхождения, которых Геродот называет андрофагами(Androphagi), меланхелинами (Melankhelines) и исседонами (Issedones), и которые могли быть финно-угорской ветви. Таллгрен предполагает, что андрофаги должны были размещаться к северу от Чернигова, а меланхелины к северу от Воронежа. Известно, что эти два народа объединились со скифами для отражения нападения Дария. Что касается исседонов, то Бенвенист расселяет их в Уральской области, близ Екатеринбурга. Также Таллгрен относит андрофагов и меланхелинов, финно-угорских соседей скифов, к так называемой Мордовской культуре, следы которой были обнаружены при раскопках у Десны и Оки, и которая характеризуется менее развитой геометрической орнаментацией, полностью исключенной в “зверином стиле” скифов¹⁹.

СКИФСКОЕ ИСКУССТВО

Последствия великого скифского вторжения на Кавказ, в Малую Азию, Армению, Мидию и Ассирийскую империю в VII в. отразились не только на политической жизни этих народов. Первоначальный контакт скифов с ассирийским миром, с которым они были союзниками, длился почти век, и является фактом первостепенной важности для любого исследователя степного искусства. Представляется вполне вероятным, что скифы завершили свой переход от бронзы в железный век во время своего странствия через Западную Азию в VII в.

Хальстатовская железная техника в Кельто-Дунайском районе (Celto-Danubian) не влияла на возникновение скифского искусства. (Хальстат относится к периоду между 1000-900 гг. до н.э. и к 500-400 гг. до н.э., а скифское искусство — к 700-200 гг. до н.э.)²⁰. Но это влияние оказали Кавказские и Мидийские страны (в этом случае Ларистан), которые находились в тесном контакте со скифами, вследствие смешения народов в VII в. Франц Ханчар, в согласии со своим венским коллегой Ф.В. Кенингом, полагает, что это на самом деле происходило в VII в., что может быть

подтверждено огромным количеством Кобанской бронзы на Кавказе и бронзовыми изделиями Луристана, на юго-западной стороне старой Мидии. По мнению Ханчара, Кобанская бронза и также изделия из Луристана частично относятся и к киммерийцам²¹, что является доказательством существования связи между этими двумя культурами и зарождения Скифского искусства в то время, когда киммерийская и скифская конницы проносились над этими районами.

Неопровергимым свидетельством прямого влияния, оказанного Ассирио-Вавилонской Месопотамией на первые скифские произведения искусства, являются железный и золотой меч Келермеса, датируемый примерно VI в. Этот меч демонстрирует древнюю ассирио-вавилонскую и ларистанскую тему: два каменных козла, стоящих у древа жизни вместе с несколькими прекрасными оленями. Животные изображены в реалистичной манере, художественная форма является явным вдохновением ассирийского “звериного стиля”. Однако специфически скифским является декоративное оформление.

С этого момента и далее мы можем наблюдать расцвет всего скифского животного искусства, которое может быть определено как видоизмененный ассирийский (или греческий) натурализм в целях декоративного использования. Это искусство проявляется в своем полном виде в находках Костромского захоронения с золотыми оленями, чьи рога стилизованы в спиралевидную форму. Почти в VI в. этот вид искусства появился также и в Кубани.

В этой манере эстетики степняков, в которой проявляется их вековое пребывание в южной России, с четко определенными тенденциями, мы можем проследить дальнейшее развитие в восточном направлении до Монголии и Китая. С самого начала наблюдается двойное течение: натуралистическое, без сомнения периодически черпаемое из ассирио-ахаменидских истоков, с одной стороны, и из эллинистических истоков, с другой, и декоративное течение, магибы и кручения которого, как утверждалось, использовались чисто в целях украшения²². В конечном счете, реализм скифского “звериного стиля”, никогда не терявший изображение объездчиков лошадей и охотников, использовался просто для стилизации украшений.

Такая тенденция объясняется кочевым образом жизни как скифо-сарматов на западе, так и хуннов на востоке. Не обладая постоянным местожительством, земельной

собственностью, они оставались чуждыми скульптуре, барельефу и художеству, которые требуют исключительно реализм. Их богатства ограничивались богатством одежды; личными украшениями и украшениями упряжи, сбруи, обмундирования и т.д. Предметы этого типа — крючки и бляшки для поясов, пластины для сбруи, всевозможные пряжки, все виды рукояток и эфесов, не говоря о коврах, как в Ноин-Ула — показывают соответствующее предназначение для стилизации геральдического украшения.

Как было отмечено, северныеnomады иранской ветви — скифы, и тюркско-монгольской — хунны, проводившие всю свою жизнь на спине лошади, запечатлевали в своих произведениях стада оленей или диких ослов, волков, охотящихся на антилоп на бескрайних равнинах. Кочевой образ жизни и особенный характер их богатств делали натуральным то, что они получали из ассирио-аввилонского влияния, и вынуждали кочевников сохранять только геральдические темы и стилизованные изображения дерущихся животных. Наконец, как отмечает Андерсон, изображения животных имели специфическую магическую цель, как фрески и вырезанные из кости изделия магдаленианцев (*Magdalenians*)²³.

За исключением греко-скифских экземпляров золотых изделий (скифских только в сюжете и исполненных греческими мастерами, работавших в большей мере для эллинистических колоний Крыма или непосредственно для степных царей), почти во всех произведениях скифского искусства фигурки животных исполнены в формальном геометрическом стиле, использовавшемся только для орнамента. Это примеры из Костромской гробницы, датируемые, согласно Шефолду, V в. до н.э., из Елизаветовской того же периода, из Кул Обы в Крыму около 450–350 гг. до н.э., из сокровищницы Петра Великого, созданные в Западной Сибири в сарматский период (первый век нашей эры), и из Верхнеудинска в Трансбайкалье (хуннское искусство), датируемые примерно началом нашей эры. Во всех перечисленных местах были найдены изображения оленевых рогов, конских грив и даже когтей представителей семейства кошачьих, завитых в виде спиралей, которые временами достигают величины самого животного. Верхняя губа лошади изображена в виде свернутой змеи. В скифско-сарматском искусстве Западной Сибири, как и в идентичном искусстве сюнну из Ордоса, стилизация животных форм представляется временами очень сложной: они сплетаются

и переплетаются один с другим в такой сложности, и ответвляются в такие неожиданные узоры, что это порой противоречит поддерживаемому реализму в трактовке оленевых и лошадиных голов или медведей и тигров. При таком изображении животное трудно различимо из всей орнаментации. Рога и хвосты животных заканчиваются в листовом орнаменте или переходят дальше в очертания птиц. Реализм при изображении животных заканчивается там, где начинается орнаментация²⁴.

Степное искусство, таким образом, является прямой противоположностью искусству соседних оседлых народов: скифское — ассирио-ахеменидскому, хунское — китайскому, хотя наблюдается и много общего, например, сцены охоты или борьба зверей. Различие проявляется в манере исполнения этих сцен. Ассирийцы и ахемениды, как и Китай во времена империи Хан, изображают крадущихся зверей, преследующих или дерущихся между собой животных в простом, грациозном художественном оформлении. Степные художники, как скифы, так и хунны, показывают битвы (часто очень сложные и запутанные как заросли лиан) между животными, схватившимися в смертельной схватке. Их изображения представляют собой драматический акт расчлененных конечностей лошадей или оленей, разорванных леопардами, медведями, грифами, хищными птицами, туловища жертв часто сильно вывернутые. Здесь нет погони, нет бегства, свойственного оседлым художникам, вместо этого медленное, методичное разрывание горла жертвы, которую убийца волочит за собой. Также степным картинам свойственна внутренняя динамика, которая вопреки этой “замедленности” доходит до трагических размеров. Эти моменты не теряются в богатстве украшений, в которых формы меняются и размываются, и которые удаляют весь реализм из сцен убийств.

Различные элементы и тенденции степного искусства представлены на огромной территории, простирающейся от Одессы до Маньчжурии и Желтой реки. Скифское степное искусство, распространявшееся по направлению к лесам верховья Волги, влияло на ананьевскую (Anapino) культуру близ Казани (ок. 600-200 до н.э.), которая была без сомнения финно-угорской цивилизацией. Богатые захоронения дали нам, в добавление к обычным бронзовым остраконечным мечам и кинжалам, некоторые мотивы при изображении животных, в которых туловища зверей выполнены в изогнутом виде. Эти работы имеют сходство со

скифскими, хотя и исполнены здесь в несколько сухой и упрощенной форме. Тем не менее, согласно наблюдениям Таллгрена, скифский “звериный стиль” был только частично адаптирован в Ананьеве, и украшения продолжали основываться на геометрических образцах²⁵.

В Минусинске, в Центральной Сибири, ситуация не была полностью адекватной. В течение периода наибольшего расцвета бронзового века (от VI в. до III в. до н.э.) этот важный металлообрабатывающий центр на Алтае был ориентирован на производство топоров с внутренним отверстием, отличающихся чисто геометрическим дизайном. Также к этому периоду относятся бронзовые фигурки животных в спокойной, упрощенной форме в противоположность запутанности и сложности других провинций. Именно здесь, в этой области Боровка склонен искать происхождение степного искусства по топографическим и хронологическим данным.

Важность вопроса очевидна. Было ли это в Минусинске, географическом центре этого искусства, расположенному между Черным морем и заливом of Chihli, где древние кузнецы выковывали первые узоры в “зверином стиле”, и были ли эти изображения, все еще элементарные и простые, обогащены ассирио-ахаменидскими вкладами скифов на юго-востоке и китайскими заимствованиями сюнну на юго-западе? Или эта скучность минусинских животных изображений объясняется, как предполагает Ростовцев, спадом скифского искусства на окраинах области распространения этого искусства до Сибирских лесов, как это произошло в Ананьеве, искусство которого доходило до лесного региона Перми? Если это так, то Ананьево и Минусинск являются отражением далекого эха русских степей.

Также следует отметить, что в самой южной России сначала (т.е. в VII и VI вв. до н.э.) были найдены только отчасти упрощенные экземпляры “звериного стиля”, как, например, в бронзовых находках из могильного холма Семи братьев, из Келермеса, из Костромской в Кубани, из Чигирина (Chigirin) близ Киева, из Керчи и Кул Обы (этот датируются самое раннее V и IV в. до н.э.) в Крыму. В V и IV вв. до н.э. стилизация явно становится более сложной, как это представлено в Солохе недалеко от Мелитополя на Азовском море. Прекрасные предметы греческих ювелиров, основанные на скифских темах, изображают животных в изогнутом виде с характерными разветвлениями и

сложностями. Подобные находки подтверждаются в Елизаветовской близ Азова, где существуют цветочные и листовые мотивы, переплетенные между собой и увековеченные в бронзе.

САРМАТЫ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

В Прохоровке Оренбургской области, недалеко от Уральских гор, была найдена местная культура, датируемая IV в. до н.э., со значительными коллекциями копий. Учитывая тот момент, что пика и копье являются характерным оружием сарматов, Прохоровские могильники, согласно Ростовцеву, указывают на первое появление этого народа в европейской России²⁶. Тем не менее, это могло происходить во второй половине III в. до н.э., когда сарматы (того же происхождения, что и скифы, относящиеся к северной кочевой иранской группе, и до этого обитавшие на севере Аральского моря)²⁷ перешли Волгу и вторглись в русские степи, побуждая скифов отступить в Крым²⁷. Полибий (Polybius, XXV, 1) упоминает их в первый раз как о силе, которая была признана в 179 г. до н.э.

Скифы и сарматы были этнически родственными кочевыми народами²⁸. Однако новоприбывшие заметно отличались от своих предшественников. Скифы, как это уже отмечалось, были всадниками с луком и стрелами, носившие сакские шапки и широкие одежды. Они были варварами с задатками греческой культуры, которые развивали “звериный стиль”, через который сохраняли память о более пластичных и натуралистических формах. Сарматы, по существу, использовали копья и носили конические шапки и кольчуги. Искусство сарматов отличалось от скифского более утонченным вкусом в использовании украшений и геометрических орнаментов, также сарматы использовали инкрустацию металлических изделий цветной эмалью. В их искусстве заметно “восточное” влияние стилизованных растительных украшений, основанных на греко-римском пластитизме (скульптуре). Это первое появление в Европе досредневекового искусства, которое сарматы передали готам, а готы всем германским племенам Volkerwanderung, или великого переселения народов.

Переход от скифского к сарматскому искусству произошел в начале III в. до н.э., о чем свидетельствуют великие

раскопки, сделанные в Александрополе, близ Екатеринодария. Сарматское искусство начало устанавливаться в южной России в период III-II вв. до н.э., как видно из ювелирных работ из Буерова (Buerova), Могилы, Ахтанизовки (Akhtanizovka), Анапы, Ставрополя, Касинской (Kasinskoye) и Курджипса (Kurdzhips) в Кубани. Это также обнаруживается сарматскими захоронениями в Елизаветовской, близ Азова, и в знаменитых серебряных и покрытых эмалью поясах Майкопа. Манера изображения грифона, нападавшего на лошадь, на Майкопском поясе говорит о том, что это образец сарматского искусства, датируемый II в. до н.э. Подобный стиль наблюдается в сарматских пластинах следующего периода и обнаружен в Таганроге и Федулове в устье реки Дон (II – I вв. до н.э.), датируемых I в. н.э., в Новочеркасске, близ Азова, в Усть-Лабинской, совхозе Зубово, в Армавире в Кубани²⁹.

К этой группе относятся золотые и серебряные пластины Западной Сибири (сегодня находящиеся в сокровищнице Петра Великого), которые украшены сценами борьбы между грифонами и лошадьми, тигров и лошадей, грифонов и яков, орлов и тигров и т.д., исполненных в очень стилизованной и разветвленной манере. Все эти сибирские пластины, приписываемые Боровкой к раннему периоду (III – II вв. до н.э.), датируются Мерхартом I в. до н.э. и Ростовцевым I в. н.э., что более вероятно³⁰.

Некоторые ученые приписывают золотые и серебряные пластины Западной Сибири родственным сарматам народам тюрко-монгольского происхождения, черепа которых, согласно недавним находкам, были обнаружены в Оглакты близ Минусинска, т.е. намного восточнее, в Центральной Сибири. С другой стороны, они могли также принадлежать индоевропейским народам, имевшим контакт со скифами, сарматами и саками³¹.

ДО-ТЮРКСКИЕ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Металлообрабатывающий центр в Минусинске, на верховье Енисея, был (примерно с начала V в.) местом новой активности³². Это доказывается тем, согласно Таллгрену, что появляются могильные ямы в прямоугольных каменных оградах. Они совпадают с периодом, известным как “Бронза III”, “full bronze” по Мерхарту (ок. 500-300 или 200 гг. до

н.э.). Данный период характеризуется изобилием животных мотивов, изображением лежащих или стоящих оленей, или оленей, смотрящих назад, и животных, представленных в изогнутом виде, которые, согласно Таллгрену, произошли из южной России.

В период между 500-300 гг. появилась первая мануфактура Сибирских бронзовых кинжалов и ножей, а также котлов (“cup cauldrons”), которые были распространены от Минусинска в две стороны: до Ордоса в период сюнну и до Венгрии периода великих нашествий³³. Ножи Минусинского и Тагарского захоронения, тонкие и слегка изогнутые, с рукояткой, завершающейся изящной оленьей головой, были представлены повсеместно в Монголии до Ордоса во времена сюнну.

Около 330-200 гг. до н.э. в Минусинске наступил железный век, оставивший остроконечные топоры, изготовленные частично из бронзы и частично из железа, и группу больших коллективных мест захоронений. Помимо этого, в Минусинске представлены украшенные бронзовые пластины, которые, без сомнения, датируются, согласно Мерхарту, II и I вв. до н.э. Образы животных с ушами, копытами, хвостами, мышцами и волосом исполнены в манере “hollow trefoil”(в форме трилистника). Эта техника имеет явное родство с сарматским искусством южной России и Западной Сибири, которое, как полагают многие археологи, передалось из Минусинска в хуннское искусство Ордоса.

Минусинск находится на северной стороне Саянских гор. Дальше к юго-западу, в Пазырыке, на северной стороне большого Алтая, недалеко от истоков Оби и Хатуни, экспедиция Грязнова в 1929 г. обнаружила места захоронений, датируемые 100 г. до н.э. или немного раньше, содержащие туловища лошадей, “изображенных под северных оленей” (“masked as reindeer”). (Это доказывает, что народы данной области заменяли оленя лошадью)³⁴. Эти лошадиные головы, с их упряжью из кожи, дерева и золота, украшены стилизованными животными мотивами: скачущие каменные козлы и самки оленей, крылатые грифы, убивающие козлов, пантеры, нападающие на оленей и козлов, глухари или тетерева, стоящие друг против друга и т.д. Все эти темы близки к скифским темам и даже к греко-скифскому реализму, без его сложного орнамента. Стилизация, правильная и сдержанная, имеет великолепный декоративный эффект.

В Пазырыке также найдены бородатые маски явно греко-римского происхождения, которые, без сомнения, были привнесены с Эллинистического государства Киммерийского Боспора. Подобные греко-римские маски, датируемые примерно тем же периодом — II и I вв. до н.э. — были найдены в Минусинской группе: в Трифонове, Батени (Bateni), Бейе (Beuya), Кали (Kali), Знаменке и т.д.³⁵ Алтайская группа включает в себя, кроме Пазырыка, курганы Шибы (Shiba), Караколя и Ойротина (Oirotin), датируемые в основном I в. до н.э. и имеющие родство с сарматами. Предметы Шибской группы показывают подобное искусство при изображении животных с более сдержанными украшениями, все еще не устранными из реализма. Китайская глазурь (лаковое покрытие) в Шибе, датируемая 86-48 гг. до н.э., помогает установить хронологию этого центра³⁶.

Датируемая I в. н.э. алтайская культура представлена курганом Катанды, где встречаются вырезанные из дерева сцены борьбы между медведями и оленями, изображения олена с рогами, которые переходят в птичьи головы, также представлены бронзовые пластины и фрагменты изделий, украшенные стилизованными животными образами, которые напоминают хуннские мотивы того же периода (II в. н.э.) из Ноин-Улы в Монголии. Точно так, как находки из Ноин-Улы содержат греческие изделия, определенно ведущие свое происхождение из Киммерийского Боспора, так и курган в Тесе, близ Минусинска, свидетельствует (до времен великих нашествий) о греко-римском влиянии с того же Боспора, особенно это заметно в серьгах, в которых проявляется pontийское влияние.

В период первых двух веков нашей эры животные образы в переходной культуре продолжали расцветать в Минусинской области. Теплюков называет это Таштыкской культурой. Это относится в особенности к находкам в деревне Оглакты, около тридцати семи миль к северу от Минусинска, ниже места слияния реки Туба и Енисея. Эти находки датируются кусками китайского шелка со второго ханского периода и включают в себя несколько прекрасных наскальных рисунков животных.

Позже эти центры культуры, в которых проявляется скифо-сарматское родство (они были найдены на Алтае и в Минусинске) начинают вымирать или, точнее, меняться. В начале VII в. н.э. Минусинский регион все еще создает бронзовые орнаменты, дата которых устанавливается с

помощью китайских монет периода ранней Танской династии. Но в промежутке Минусинская область, очевидно, была завоевана тюркскими племенами, предками киргизов, упоминаемыми китайскими историками в V в.³⁷ Согласно Теплюкову, индоевропейская аристократия со своим сарматским родством была сменена в Минусинске киргизами после III в. н.э.³⁸ Но до своего исчезновения культурные центры Минусинска, Пазырыка и Катанды играли важную роль в передаче хуннским народам Монголии и Ордоса стилизованного искусства (“звериного стиля”) — искусства степей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЮННУ

В то время, когда кочевники иранской ветви — скифы и сарматы — занимали западную часть степной зоны в южной России, а также в Тургае и Западной Сибири, восточная часть была под властью тюрко-монгольских народов. Среди них доминирующим в древности был народ, известный китайцам под именем сюнну (*Hsiung-nu*). Это название родственно (или близко) к хуннам (*Hunni*) и хуна (*Huna*), которых римляне и индийцы впоследствии характеризовали как варваров³⁹. Возможно, эти самые сюнну (название не проявляется четко в китайских источниках до династии Чин в III в. до н.э.) назывались “*Hsien-yu*” китайцами в VIII–IX вв. Еще раньше они могли быть известны под именем сюнну “*Hsiun-yu*” или, более неопределенно, ху “*Hu*”. Народ ху, известный китайцам на рассвете истории, являлся тем самым народом, который находился на границах Китая в те времена, в Ордосе, в северной Шаньси или северном Хопе. Масперо предполагает, что жуны с севера (“*Jung of the North*”), пей-жуң (the Pei-Jung), которые обосновались на территории к западу и северо-западу от современного Пекина, были племенем ху. Другие кланы были подчинены в IV в. до н.э. китайцами царства Чао. Царь Чао, Ву-линг (*Wu-ling*) (ок. 325–298 гг. до н.э.) отобрал у них крайний север Шаньси (регион Татунг) и северную часть сегодняшнего Ордоса (ок. 300 г. до н.э.). Для обеспечения защиты против нападения этих кочевых народов китайские царства Чина (Шеньси) и Чао (Шаньси) переделали тяжело передвигающиеся войска в мобильную кавалерию. Это было военной инновацией, которая при-

несла вместе с тем и полную перемену в китайской одежде: широкая одежда древних времен была заменена кавалерийскими штанами, заимствованными у кочевников, у которых китайские воины заимствовали также и шапки с султаном (“три хвоста” “the three tails”) и пряжки для поясов, которые играли важную роль в возникновении искусства, известного под названием “Waiting States” или “Fighting States” (“Воюющие государства”)⁴⁰. Также для защиты от нападений сюнну китайцы из ЧАО и соседние государства начали строить вдоль их северных границ первые укрепления, фортификации, которые позже были объединены и закончены Чин Ши Хуан-ди (Ch'in Shih Huangti) и стали единой Великой стеной.

Согласно китайскому историку Сы-ма Цяну, это было во второй половине III в., когда сюнну становились объединенным и сильным народом. Они управлялись вождем, именуемым шаньюй, чей полный титул, переписанный на китайский язык, — “Ch'eng-li Ku-t'u Shan-yu”, слова, которые китайцы переводят как “Великий Сын Неба”. В этих словах могут быть обнаружены тюрко-монгольские корни: “ch'eng-li” (особенно в транскрипции) является тюркским и монгольским словом тангри “Tangri” (Небо)⁴¹. Под шаньюем (“shan-yu”) по иерархической лестнице находятся “два великих сановника, цари “t'u-ch'i”, т.е. мудрые цари левого и правого крыла. Китайская транскрипция “t'u-ch'i” является близкой к тюркскому слову “doghri” (“правильный, верный”). Как утверждают древние источники, шаньюй (“shan-yu”) находился на верховье Орхона, в горном районе, где впоследствии была основана столица монголов Чингисхана — Каракорум. Царь левого крыла — в принципе, предполагаемый наследник — проживал на востоке, возможно в верховье Керулена. Царь правого крыла жил на западе, как предполагает Альберт Германн, недалеко от сегодняшнего Улиассутая (Uliassutai) в горах Хангая (Khangai)⁴². Следующими, двигаясь по хуннской иерархической лестнице, являются сановники, которые назывались “ku-li” (“правители ” левого крыла и правого крыла), затем командующие армиями левого и правого крыла, великие губернаторы, “the tang-hu”, “the ku-tu” — так же левого и правого крыла, затем вожди тысячи людей, сотен и десятков⁴³. Этот народ кочевников, находящийся постоянно в движении, был организован наподобие армии. Общая ориентация была к югу, как было принято среди тюркско-монгольских народов. Подобный феномен имел

место среди потомков сюнну — тюрков VI в. н.э., и в случае с монголами Чингисхана.

Китайцы изображают сюнну со свойственными им чертами, которые мы находим среди их тюркских и монгольских потомков. “Они низкорослые, — суммирует Вегер, — с коренастым телосложением и очень большой круглой головой, широким лицом, выступающими скулами, широкими ноздрями, очень густыми усами и без бороды, не считая пучка жестких волос на подбородке. Их длинные уши проткнуты и украшены кольцом. Голова обычно выбрита, за исключением пряди волос (хохла) на верху. Брови густые, глаза миндалевидные с очень жгучими зрачками. Они носят свободные одежды из телячьей кожи, прорезанные по краям и собранные вместе поясом, концы которого висят спереди. Из-за холода рукава туго завязываются у запястий. Короткошерстная шапка покрывает их плечи, и их головы защищены этой отделанной мехом шапкой. Их обувь кожаная, и они имеют широкие штаны, стянутые на лодыжках. Ножны находятся от ремня на левом бедре. Колчан, также свисает с пояса, на пояснице, острием стрел направленных к правой стороне”⁴⁴.

Несколько деталей этого одеяния, особенно штаны, перевязанные в области лодыжек, общие для хуннов и скифов. Также присутствует сходство и в обычаях, как, например, жертвоприношение на похоронах. И скифы, и сюнну убивали жен вождя и слуг над его могилой, перерезав им горло. Число жертв доходило до 100 или 1000 человек в случае сюнну. Геродот (IV, 65) говорит, что скифы распиливали черепа своих врагов на уровне бровей, покрывали их кожаным чехлом, инкрустировали внутри золотом и использовали их как кубки для вина. Чен Хан Шу (Ch'ien Han Shu) свидетельствует о наличии этого обычая среди сюнну, примером этому может служить то, в частности, что шаньюй Лao-шан (Lao-shang) пил из черепа правителя юечжи⁴⁵. В самом деле, и сюнну, и скифы были охотниками за головами. Геродот (IV, 64) видел скифов, для которых было делом чести демонстрировать среди их военных трофеев головы, которые они отрезали у своих жертв, и скальпы, которые свисали с их поводьев.

У потомков сюнну, ту-ю (t'u-chueh) в VI в. н.э. число камней на могильном кургане воина было пропорционально числу убитых им людей за всю его жизнь⁴⁶. Подобная жажда крови превалировала среди индоевропейских и тюркских кочевников. Скифским обычаем было обрыз-

гивание кровью врага святого меча, воткнутого в землю кургана, и испитие чаши крови первого воина, которого он убил⁴⁷. Для освящения договора сюнну пили кровь из человеческого черепа⁴⁸. Для оплакивания покойника скифы и сюнну резали свои лица ножами, “так, что кровь лилась вместе с их слезами”.

Также как и скифы, сюнну были по большей части кочевниками, и ритм их существования определялся стадами овец, табунами лошадей, крупного рогатого скота и верблюдов. Они двигались со всем своим хозяйством в поисках воды и пастбищ. Они ели только мясо (обычай, который глубоко поразил вегетарианцев Китая), одевались в кожи, спали на шкурах⁴⁹ и располагались в войлочных шатрах. Их религией был шаманизм, основанный на культе Тангри или Неба и на поклонении некоторым священным горам. Их шаньюй или верховный монарх созывал всех вместе осенью (“сезон, когда лошади становятся откормленными”) для подсчета людей и животных. Все китайские писатели представляют этих варваров как закоренелых грабителей, которые появляются неожиданно на краях обрабатываемой земли, нападают на людей, стадо и богатство, и бегут обратно с награбленной добычей до любого проявления контратаки⁵⁰. Их военная тактика состоит в заманивании китайских отрядов в пустыню Гоби или степь, обстреливая их там дождями стрел, не позволяя себе попасть в ловушку. Они никогда не начинают нападение до тех пор, пока враг не изнурен погоней и жаждой. Эти методы, использовавшиеся эффективно благодаря мобильности их конницы и их умением владеть луком и стрелами, были сохранены с небольшими изменениями у всех родственных народов степей от первых сюнну до времен Чингисхана. Они были общими для всех племен “конных стрелков из лука”, как для хуннов на востоке, так и для скифов на западе. Как рассказывает Геродот, подобная тактика использовалась скифами против Дария. Дарий почувствовал опасность вовремя и отступил перед тем, как это могло завершиться большим несчастием. Скольким китайским генералам не хватило этой предусмотрительности, и они были убиты в песках Гоби, в которые были заманены преднамеренным бегством хуннов⁵¹!

Что касается лингвистической принадлежности сюнну среди тюрко-монгольской группы народов, некоторые исследователи, как Куракичи Ширатори, относят их к монголам⁵¹. Пельо, наоборот, используя другие источники,

предлагаемые китайскими транскрипциями, настаивает на том, что они были тюрками, основываясь на их политическом руководстве.

ХУННСКОЕ ИСКУССТВО

Сюнну обладали весьма характерным искусством, представленным, главным образом, пластинаами для поясов или другого рода, седлами, крючками для упряжи, сделанными из бронзы, использовавшие для украшения стилизованные животные мотивы или рукоятки мечей, завершающиеся фигурками оленей. Это искусство известно как ордосское искусство, по названию монгольского Ордосского племени, которое с VI в. н.э. занимало изгиб Желтой реки к северу Шеньси, регион, где находки были особенно многочисленны. Это ветвь стилизованного искусства степей ("звериный стиль"), след которой остался в южной России под ассирийско-иранским и греческим влиянием. В Минусинске это искусство в некоторой мере упрощено. В Ордоcе данный вид искусства вошел в контакт с китайской эстетикой. И степное, и китайское искусство взаимодействовали и влияли друг на друга. Ордосское искусство, в частности, напоминает минусинское, хотя является более богатым и отличается большим художественным воображением, которое нашло свое отражение в пластинах с изображениями дерущихся лошадей, лошадей и оленей в поединке с тиграми, медведями и фантастическими чудовищами, а также в украшениях на концах оружия в виде оленей или олених на круглой выпуклости, рельефе.

Искусство сюнну в Монголии и Ордоcе, согласно археологическим находкам, является таким же древним, как и у скотов. В 1933 г. шведский археолог Т.Ж. Арне датировал ордосскую бронзу из Лванпиня (Lwanping) и Сюянва (Suanhwa) началом III в. до н.э. и даже второй половиной IV в. до н.э.⁵² В 1935 г. японский археолог Суеджу Умехара утверждал, что ордосское искусство имело глубокое влияние на китайский стиль под названием "Воюющие государства", которое процветало, по меньшей мере, с V в. до н.э., он датировал первую ордосскую бронзу этим периодом⁵³. Шведский синолог Карлгрен относит стиль "Воюющих государств" к 650 г. до н.э., таким образом, доказывая, что степное искусство ордосского образца существовало в то время и оказывало влияние на китайский

стиль украшений, известный как Средняя Чоу (Middle Chou)⁵⁴. Все соглашаются с тем, что влияние ордосского искусства является одним из факторов, который наряду с правилами внутренней эволюции и определенной работы в подобном направлении, был причиной перехода архаичной китайской бронзы от стиля Средней Чоу к стилю “Воюющих государств”⁵⁵.

Основные участки находок сюнну проходят от озера Байкал до границ Хопея, Шаньси и Шеньси. (1) На севере, Читинские захоронения в Трансбайкалье, датируемые Мерхартом со II и III вв. до н.э., и Дерестуйские гробницы близ Троицкосавска, север Кяхты в верхней Монголии, где были обнаружены Сибирские пластины и китайские Ханские монеты, выпущенные после 118 г. до н.э.⁵⁶ (2) Во внешней Монголии, Ноин Ула близ Угры, где экспедиция Козлова обнаружила могильник сюннской принцессы. Это захоронение содержит бронзу степного искусства, великолепные шерстяные изделия, украшенные в подобной манере (грифы, нападающие на лосей, представители семейства кошачьих, атакующие яка), каждый предмет выполнен в прекрасной сармато-алтайской манере, а также греческие изделия, показывающие человека с усами, три четверти длины, без сомнения, работы художников Киммерийского Боспора. Дата всех этих изделий определяется по наличию китайской глазури II в. н.э.⁵⁷ Возможно, к этой группе принадлежат и фрески, обнаруженные недалеко от этого места в Durbelji и Ilkhe-Alyk на Орхоне. Их трудно датировать, хотя несколько прекрасных фигурок оленей свидетельствуют о сармато-алтайском влиянии⁵⁸. (3) В Ордосе, в современных провинциях Суйуань (Suiyuan), Чахар (Chahar), Жэхэ (Jehol), были найдены многочисленные участки, содержащие ордосскую бронзу, в особенности, в Лванпинь (Lwanping) близ Жэхэ (Jehol); Хатинкум (Hattincum) и Халон-оско (Hallong-osso), запад Долонора (Dolonor) и север Калгана (Kalgan); Суянва (Suanhwa), юг Калгана (Kalgana) на Пекинской дороге; Квейвачен (Kweihwacheng) близ Суйуани (Suiyuan); Юлинь (Yulin), на границах Ордоса и северной Шеньси. Замечено, что некоторые находки из Суянвы (Suanhwa) датируются по наличию китайских “knife-coin” (“нож-монета”), носящих характер “t’u” и принадлежащих к типу, используемому в Китае во время периода “Воюющих государств” с 480 до 250 гг. до н.э.⁵⁹.

Несмотря на то, что большая часть ордосской бронзы, (другими словами, хуннская бронза Внутренней Монголии)

является современными изделиями китайских художников периода “Воюющих государств” (V-III вв. до н.э.), это искусство продолжало процветать во Внешней Монголии на всем протяжении ханского периода (с начала II в. до н.э. до начала III в. н.э.), что доказывается частью датированных находок в Ноин Ула, существованием в Ордосе числа бронзовых пластин, имеющих вид многоголовых фигур, которые могли характеризовать с некоторой точностью этот период, и, наконец, присутствием среди коллекций (the Cernuschi Museum, the Coiffard Collection, the Loo Collection) китайских бронзовых серпов и ножей, где присутствуют хуннские темы, очевидно, скопированные с ордосских оригиналов ханскими художниками⁶⁰. В следующий период, известный в Китае как период Шести Династий (IV и V вв. н.э.), влияние ордосского искусства проявляется в украшениях некоторых китайских бронзовых ножей, изображающих животных со всеми изгибами и разветвлениями. В данный период это степное искусство различимо в пряжках, пластинах и седлах из Запада времен великих нашествий. Кроме того, Арни отмечает бронзу Западной Сибири, которая сохранила до IX в. характеристики древнего “звериного стиля” кочевников⁶¹. Подобное искусство существовало, возможно, до Онгута (Ongut) времен Чингисхана, в небольшом масштабе в несторианской бронзе — кресты, голуби и фигуры распятия, которые собраны в некотором количестве на землях Ордоса и в соседних районах⁶². Пластины чисто ордосского типа были созданы в середине периода Хси-Хсиа (XI-XII вв.), кроме характеров из Хси-Хсиа, которые привлекли внимание Салмони⁶³.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ СЮННУ И МИГРАЦИЯ ЮЕЧЖИ

Сюнну появились первый раз в истории как угрожающая сила в конце III в. до н.э., в тот момент, когда Чинская династия объединила Китай (221-206 гг. до н.э.)⁶⁴. Предвидя опасность, Чинский император Ши Хуан-ди (221-210 гг. до н.э.), основатель династии, и его генерал Мын Тянь построили Великую стену. Она предназначалась для защиты китайской территории от сюнну (215 г. до н.э.). Около 214 г. до н.э. Мынь Тянь вывел свои войска из того места, которое теперь называется Ордосом, или регионом, окружающим изгиб Желтой реки. Тем временем сюнну под управ-

лением шаньюя Тумана (около 210-209 гг. до н.э.) начали свою экспансию атакой юечжи, народа, который до этого обосновался в западной Ганьсу. На востоке Маодунь (Maotun), сын и преемник Тумана (ок. 209-174 гг. до н.э.) разбил дунху, других варваров у маньчжурских границ. Имея преимущество в том, что гражданские войны ослабили Китай в период между падением Чинской династии (206 г. до н.э.) и воцарением династии Хан (202 до н.э.), Маодунь вторгся в китайские провинции Шаньси в 201 г. до н.э. и осадил столицу Тайюань. Основатель Ханской династии, император Гао-ди, ускоряя события, отбросил назад сюнну, но затем был окружен ими на плато Пайтен близ Пингчена, в современном районе Татуна, на границах Шаньси. Он выбрался из окружения только благодаря переговорам, в которых имел преимущество перед варварами. Китайская принцесса или фрейлина была отдана замуж за шаньюя: бедная “куропатка” отправилась к “дикой птице Монголии”, — как написал китайский поэт.

Около 177 или 176 гг. до н.э. Маодунь нанес первое поражение юечжи в западной Ганьсу, которых он хвастался подчинить. Его сын и преемник Лао-шань (174-161 гг. до н.э.) до конца разбил юечжи, переделал череп их царя в кубок для питья, выгнал их из Ганьсу и заставил мигрировать на запад, таким образом, положив начало первому в истории записанному движению народов, начавшемуся на высоких платах Азии⁶⁵.

Имя юечжи в любых вариантах исчезло из китайских записей⁶⁶. Большинство востоковедов, однако, долгое время были склонны идентифицировать этот народ с тохарами (народ, хорошо известный греческим историкам по его миграциям во II в. до н.э. из Туркестана до Бактрии) и с индо-скифами. Согласно этой теории тохары и индо-скифы были названиями, употребляемыми для одного народа в двух периодах его существования. Этот народ был признан родственным скифам, или, по крайней мере, относится к индоевропейской ветви. Эта идентификация основывалась в основном на том факте, что в Китайском регионе современная западная Ганьсу, согласно китайским историкам, была в ранней части II в. до н.э. территорией юечжи. География Птолемея отмечает во II в. н.э. народ “Thagourī”, гору “Thagougon” и город “Thogara”⁶⁷. Страбо упоминает тохаров (Tokharoi) среди народов, которые отобрали Бактрию у греков именно в то время, когда китайские историки показывают их, прибывающих к границам “Ta-hsia”, что

является Бактрией⁶⁸. Так последовательно параллели подводят к формированию сильного аргумента в поддержку тех, которые видят в юечжи из китайских источников тохаров из санскритских текстов, и будущих индо-скифов в римский период⁶⁹. Кроме того, самое позднее в V–VII вв. н.э. индоевропейские языки были употребимы в оазисах к северу от Тарима если не юечжи в их раннем доминировании, то племенами, более или менее родственными, в Турфане, Карашаре и Куче. Эти индоевропейские языки до недавнего времени были известны лингвистам как тохарский язык, хотя сегодня они настаивают на следующих названиях: кучанский, карашарский и т.д. Кажется правдоподобным, что на рассвете истории индоевропейские племена продвигались далеко по направлению к Дальнему Востоку. Эта гипотеза является более приемлемой, что Западная Сибирь, возможно, даже Минусинский регион были населены до нашей эры народами скифо-сарматского рода, и с двух сторон Тянь-Шаня близ Ферганы и Кашгара были населены в ахаменидский период саками, народом восточного иранского наречия. Таким образом, огромная часть современного Туркестана могла населяться индоевропейцами, которые относились к иранской ветви: теми, которые жили близ Кашгара, и теми, которые в Куче говорили на кучанском языке тохарцев. Юечжи соответствуют последней ветви.

Как отмечалось выше, сюнну под предводительством их шаньюю Маодуня (ок. 209–174 гг. до н.э.) нанесли серьезное поражение юечжи. Следующий шаньюй, Лаошань (ок. 174–161 гг. до н.э.) убил царя юечжи и переделал его череп в кубок для питья⁷⁰. Он заставил этот народ покинуть Ганьсу и бежать на запад через северную Гоби⁷¹. Малая часть их, известные китайцам как Малые юечжи (*Hsia Yueh-chih*), расселились к югу от Наньшаня среди кянов или тибетцев, чей язык они переняли, как отмечает Чен Хан Шу, два с половиной века позже⁷². Другой клан юечжи, называемый Большие юечжи (*Ta Yueh-chih*) китайцами, попытались расселиться в долине Или и в бассейне Иссык-Куля, но были однажды выгнаны усунями (*Wu-sun*)⁷³. Китайские историки описывают этих усуней как голубоглазых, краснобородых людей. Чарпентьер относит это название к *Asianoi* или *Asioi* — другое имя для сарматского народа, известного как аланы. Он видит в усунях предков или родственников аланов⁷⁴. Если эта гипотеза правильная, то это могут быть те усуни, которые частично бежали в

С этого места эти кочевники напали на Парфянскую империю и привели ее к состоянию, близкому к разрушению. Парфянский царь Фраат II (Phraates II), которому в Мидии угрожал Антиох VII, царь Сирии, стремился вновь завоевать селевкидов. Он имел достаточно необдуманное решение позвать на помощь некоторых из варваров. Они пришли, но вскоре обратились против самого Фраата и разбили его (128 или 127 гг. до н.э.). Новый царь Парфии, Артебан II (Artebanus II), был смертельно ранен, как говорит Помпей Трог, во время отражения нападения тохаров в 124 или 123 гг. до н.э. Это может доказывать, что юечжи из китайских источников, если они соответствуют тохарам из греческих летописей, были в то время обоснованы в Бактрии, стране, которую они позже сделали “Тохаристаном”. Парфянскому царю Митридату II (123-88 гг. до н.э.) удалось остановить вторженияnomадов, он даже покорил саков Сеистана. Тем не менее, в 77 г. до н.э. Sakarulai были достаточно сильными в Иране для того, чтобы посадить Арсацидов на парфянский трон по своему собственному усмотрению. Их протеже Sinatrukies или Sanatroikes позже восстанет против них и погибнет под их ударами (ок. 70 г. до н.э.).

Последующая судьба саков и юечжи этих регионов касается истории Ирана и Индии. Из Сеистана и Кандагара саки дошли до Кабула и Пенджаба; затем, когда эти страны были оккупированы юечжи, саки распространились до Малвана и Гуджарата, где сакские satrapы оставались до IV в. н.э. Что касается юечжи в Бактрии, китайская история показывает их как основавших в I в. н.э. великую династию Кушанов (по-китайски, Kuei-shuang)⁸². Эти кушаны, как рассказывает нам Чиен Ханьшу, были одним из пяти кланов, которые около 128 в. до н.э. разделили между собой Бактрию.

Хоу Ханьшу сообщает, что глава кушанов Ch'iu-chiu-ch'ueh⁸³ (the Kujuia Kadphises of coins) подчинил остальные кланы, создав Кушанскую империю, известную грекам и римлянам под названием империя Индо-скифов. Власть кушанских императоров: Куджула (Kujula) или Куджоло (Kujolo), Кадфиз (Kadphises) или Кадфиз I(Kadphises I) (между 30 и 91-92 гг. н.э.), Вима Кадфиз (Vima Kadphises или Kadphises II) (между 92 и около 132 гг.), Канишка (Kanishka) (примерно между 217-244 гг.), Хувишка (Huviishka) (около 172-217 гг.) и Васудева (Vasudeva) (около 217-244 гг.) простиралась от Кабула и над частью северной Индии (Панджаб и Матура)⁸⁴. Также известно, какую

большую роль играл Канишка (Kanishka) в распространении буддизма в Центральной Азии. Таково колоссальное воздействие первого хуннского удара на судьбы народов Азии. В передвижении юечжи из Ганьсу сюнну явились причиной последствий, которые отразились далеко на Западной Азии и Индии. Афганистан был потерян для эллинизма; последние следы Александровского завоевания в этих регионах были уничтожены; Парфянский Иран был временно сотрясен и племена, удариившие из Ганьсу, неожиданно нашли империю в Кабуле и в северо-западной Индии. Подобный процесс продолжался на протяжении всей истории, которую мы сейчас изучаем. Слабейший импульс в одном конце степей неминуемо приводил в движение цепь неожиданных завоеваний во всех местах этой огромной зоны миграций.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ СЮННУ И РАННЕЙ ХАНСКОЙ ДИНАСТИЕЙ. РАСКОЛ С ЗАПАДНЫМИ СЮННУ

Перемещение юечжи увеличило важность сюнну. С этого времени они доминировали на двух сторонах восточной Гоби: в Верхней Монголии, где их шаньюй имел одну из своих резиденций близ Каракорума в районе Орхона, и Внутренней Монголии, у подножия Великой стены Китая⁸⁵. Их отряды теперь совершали набеги на китайскую территорию. В 167 г. до н.э. они прошли в Шеньси до Хвейчуна (Hweichung) (запад китайской столицы Чанчан), где сожгли императорский дворец. В 158 г. до н.э. они повернули на север Вей (Wei), прямо угрожая Чангану. В 142 г. до н.э. атаковали по направлению к Иенмену (Yenmen), близ Татунга, север Шаньси. Границам Китая угрожала опасность, когда китайский император У-ди (140-87 гг. до н.э.) взошел на Ханский престол⁸⁶.

Империя континентальной Азии тогда принадлежала сюнну. Главная резиденция их шаньюя или, по крайней мере, одна из его летних стоянок, находилась, как отмечалось, на истоках Орхона. Другой из его центров, известный китайцам под названием Лун, вероятно, был дальше на юг в Гоби, по направлению к нижним вершинам Онкина. У-ди придумал план ударить по этим центрам сзади. Но до того, как он дал сражение, он попытался взять их с тыла, в союзе с юечжи, тогда населявших Согдиану. С этой

целью он отправил своего посла Чан Чена (Chan Ch'ien) к юечжи. Покинув Китай в 138 г., Чан Чен был захвачен почти сразу сюнну, которые отправили его к своему шаньюю (Kiun-ch'ien)⁸⁷. Там он насилино удерживался десять лет. Наконец ему удалось сбежать, он достиг правителя Ферганы, откуда прибыл в Согдиану. Но юечжи, довольные своими новыми землями, не проявили дальнейшего интереса к делам в Гоби. Чан Чен отправился в обратное путешествие домой и вернулся в Китай в 126 г. до н.э.⁸⁸ (В 115 г. до н.э. подобное посольство было отправлено усуням, в район Или, но с не большим успехом, т.к. этот народ не отважился согласиться на войну против сюнну.)

Как только юечжи отказались участвовать в столь желанном для китайцев походе, император У-ди начал войну против сюнну самостоятельно. Последние только что совершили один из своих набегов в направлении современного Пекина (129 г. до н.э.). Китайский генерал, Вей Цин, отправился из региона Северной Шаньси, пересек Гоби до Лун, на Онкине, и заставил сюнну отступить. В 127 г. до н.э. Китай основал военную колонию в Чофанге на Желтой реке, между Ордосом и Алашанем, для защиты большого изгиба на реке. В 124 г. до н.э. сюнну предприняли поход на Чофанг, но Вей Цин выгнал их. В 121 г. до н.э. племянник Вей Цина, молодой герой Хо Кю-пин, начальник десяти тысяч всадников, также выдворил сюнну из части Ганьсу, раньше занимаемой юечжи и усунями, недалеко от современных городов Лянчоа, Ханчоу, Квачоу. Две большие орды сюнну, которые владели этой территорией — Huen-shih орда вокруг Ханчоу и Hieu-ch'u вокруг Лянчоу — перестали повиноваться своему шаньюю, провозгласив себя империей, и основались как союз на севере Наньшаня⁸⁹. В 120 г. до н.э. китайская колония была сформирована в Ордоце.

В 119 г. до н.э. Вей Цин и Хо Кю-пин — первый начал с региона Куку Хото в северной Шаньси, второй — из Шанкию недалеко от современной Суянва (Suanhwa), северо-запад Пекина — пересекли Гоби и достигли места, которое сейчас является Внешней Монголией, центра империи хуннов. Вей Цин, как предполагает Альберт Геррманн, дошел до низовья Онкина. Он застал шаньюю Yü-che-shin врасплох и заставил его отступить во время южной бури, которая застилала песком лица сюнну. Он убил или захватил 19 000 варваров. Хо Кю-пин при более смелом походе прошел 600 миль во Внешнюю Монголию до верхней Тулы и верхнего Орхона. Он захватил более чем 80 хуннских

вождей и сделал торжественные жертвоприношения на горах их страны. Хо Кю-пин умер в 117 г. до н.э., вскоре после возвращения. На могиле великого всадника в Шенъяне (Шеньси) была воздвигнута прекрасная статуя, изображающая лошадь, сокрушающую варваров⁹⁰.

Когда сюнну вернулись обратно в Верхнюю Монголию, император У-ди создал в Ганьсу в период между 127 и 111 гг. до н.э. ряд караульных и военных префектур, с целью предупреждения возвращения кочевников. Караульные пункты Ву-вей (близ ЛянчАО), Чангу (близ Канчоу), Цзучуань (близ Сучоу) и Тунхван протягивались от ЛанчАО до перехода Юмень, отделяя древнюю страну юечжи и охраняя Шелковый Путь⁹¹. В 108 г. до н.э. китайский генерал ЧАО Пону продвинулся дальше к северо-западу до владений Лоуляна в Лоб Норе и владений Кучи (Kiu-shih), сегодняшний Турфан. Он захватил в плен царя Лоуляна и разбил царя Кучи⁹².

Несколько лет Китай имел торговые отношения с Ферганой — страной, населенной, без сомнения, восточными иранцами или саками, которые снабжали китайцев лошадьми прекрасной Трансоксианской породы. Около 105 г. до н.э. уставшие от условий этой торговли, ферганцы предательски убили китайского посла. В 102 г. до н.э. китайский генерал Ли Гуан-ли совершил поход беспримерной храбости: с более чем 60 000 человек из Тунхвана двинулся на Фергану. Когда он прибыл, в живых осталось только 30 000 человек. Он ослабил столицу страны — возможно, Усрушна, современная Ора Тобе — отведением водоисточников и не ушел, пока не получил 3 000 лошадей как дань⁹³.

Тем временем на севере сюнну не были обезврежены и конец правления У-ди был отмечен бедствием, подобным тому, что было в Varus, хотя и менее серьезным. Молодой китайский капитан Ли Лин планировал возглавить поход в Верхнюю Монголию. Имея 5 000 пеших солдат, он покинул Китай с Kiu-уен, на северных высотах Естин Голя, и 40 дней шел по направлению к северу, прямо на Онкин. Прибыв к горе Siun-ki, без сомнения, где-то неподалеку от гор, известных как Тупши, он обнаружил, что окружен 80 000 воинами сюнну, чья конница начала избивать маленькое войско. Он отступил к китайской границе, все еще преследуемый кочевой кавалерией. “В один день китайская армия выстрелила 500 000 стрел, и ничего не осталось. Колесницы были оставлены, и поход был продолжен на ногах”. Тем не менее, отступивший отряд попал в

бедствие в пределах 30 миль китайской границы. “Они вошли в узкое ущелье. Шаньюй преградил выходы из него и, взобравшись на верхушки гор, он приказал скатывать вниз валуны. Офицеры и солдаты погибали в больших количествах. Было невозможно идти вперед”⁹⁴. Наступила ночь. Под прикрытием темноты Ли Лин попытался проникнуть в середину сюнну и убить шаньюя, но потерпел неудачу. Только 400 китайцев спаслись бегством и достигли границы; все были посажены в темницу, включая и самого Ли Лина. Из-за этой новости император У-ди впал в ярость, и историк Сы-ма Цянь, который искал защиту для храброго Ли Лия, был подвергнут жестокому наказанию. “Неудача Ли Лия” заставила Китай оставить на время эту систему вторжений во Внешнюю Монголию. Однако, это моральное поражение (для этого использовался незначительный отряд) не подвергало опасности границы Ганьсу⁹⁵.

Хуннские захоронения этого периода найдены в Трансбайкалье. Там, как упоминалось, проводились раскопки могил Дерестуйска, близ Троицкославска, где обнаружены Сибирские бронзовые пластины, датируемые китайскими монетами, выпущенными в 118 г. до н.э., и Читинские захоронения, которые, согласно Мерхарту, датируются II-I вв. до н.э. Трансбайкалье формировало Хуннские внутренние районы, из которых орды, приходившие осенью атаковать Ордос, извлекали свои запасы, резервы.

Во время следующего периода сюнну и Китай, без вступления в открытый конфликт у Великой стены или в Монголии, боролись между собой за владение северными Таримскими оазисами, другими словами, за контроль Шелкового Пути. В 77 г. до н.э. царь Лоуляна в Лоб Норе, который в союзничестве с сюнну восстал против господства Китая, был обезглавлен и китайская колония была основана в этой стране, в Yi-sun. При правлении Ханского императора Сюанди китайский поход в Таримский бассейн имел решающий успех. “Ханская империя, — провозгласил император, — имеет свой собственный закон чести, который является законом победителей!” В 71 г. до н.э. китайский генерал Чан Хуэй пошел на помощь ильским усуням против сюнну. В 67 г. до н.э. государство Турфан (Kiu-shih), которое было сторонником сюнну, было покорено китайским генералом Ченг Ки. В 65 г. до н.э. другой китайский командующий, Фун Фун-ши, сверг правителя Яркенда и привел оазисы в подчинение. На следующий год государство Турфан было захвачено китайским гарнизоном, затем

возвратилось сразу к сюнну, но было вновь оккупировано в 60 г. до н.э. китайским генералом Ченг Ки. После обоснования важного военного лагеря в Кюли, юг Каравара, Ченг Ки назначил себя протектором Тарима в Wu-lei, расположенной между Караваром и Кучей, откуда он держал весь регион под своей властью.

Таким образом, Китай перехватил контроль над Шелковым Путем у сюнну. Причиной того, что сюнну терпели такую неудачу, были внутренние раздоры, с 60 г. до н.э. и далее они были ослаблены серией гражданских войн. Два претендента, Хуханье и Че-Че, провозгласили себя шаньюями. В 51 г. до н.э. Хуханье прибыл ко двору в Чанган, сделав акт почтения, искать поддержки у императора Сюан-ди. В 49 г. до н.э., благодаря китайской протекции, он одержал победу над своим противником в борьбе за власть, и в 43 г. до н.э. расположился как победитель в знакомой ставке на Орхоне. В 33 г. до н.э. хунны стали ездить в Чанган для оказания почтения Сыну Неба и получения высшей награды, которую жаждали получить все варвары, — руки китайской принцессы.

Побежденный Че-Че, оставивший старую Монголию китайскому вассалу, пошел искать свою судьбу на западе, т.е. в современный Русский Туркестан (44 г. до н.э.). По пути он разбил илийских усуней, подчинил своей власти Hu-kie из Имиля и K'ien-k'u из Аральских степей и сделал их своими союзниками; затем вторгся в Согдиану. Народ Согдианы (Кангюй) быстро согласился помочь ему, снабжал его лагеря в районе рек Талас и Чу. Это было началом зарождения великой империи сюнну на западе. Но китайцы не оставили ему времени для укрепления своих позиций и в 36 г. до н.э. китайский генерал Чен Тан дошел до Чу, застал врасплох Че-Че и обезглавил его (36–35 гг. до н.э.). После этой внезапной драмы хуннские элементы, которые следовали за Че-Че в походе на Араб, исчезли с поля зрения. Об этих сюнну на западе не сохранилось информации из-за отсутствия контакта с какой-либо великой цивилизацией, в отличие от восточных сюнну. К концу IV в. н.э., около 370–375 гг., когда их потомки пересекут Волгу и Дон для нашествия в Европу, хунны будут теми самыми народами, которые останутся в классической истории с именами Атиллы и Баламира.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ КИТАЕМ И СЮННУ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ХАНСКОЙ ДИНАСТИИ. РАСКОЛ ВНУТРИ ЮЖНЫХ СЮННУ

Массовый отход западных сюнну и их передвижение с востока из Таримского бассейна закрепили китайскую гегемонию в Центральной Азии. Эта ситуация, однако, была подвержена опасности из-за гражданских войн, которыми отметилось падение ранней Ханской династии (8-25 гг. н.э.). Шаньюй сюнну использовал это положение для увеличения своего протектората над царством Турфан (10 г. н.э.) и для набегов или внезапных походов. Могила вождя сюнну того периода, обнаруженная в Ноин Ула близ Угры экспедицией Козлова⁹⁶, дает представление о хуннской культуре с изделиями, содержащими стилизованные мотивы, изображающие зверей и характеризующие сибирско-сарматское степное искусство и искусство Алтая, с привнесением элементов из Китая и греко-романского Крыма, а именно, китайская глазурь, датируемая II в. н.э., и эллинистическими изделиями, произведенными в Киммерийском Боспоре⁹⁷.

Когда вторая Ханская династия, известная как поздняя Ханская династия, взошла на трон Китая (25 г. н.э.), китайский протекторат над Таримом был восстановлен. Сюнну были в то время разделены между собой, что было выгодно Китаю. В 48 г. н.э. восемь южных орд сюнну под управлением их вождя Пи поднялись против шаньюя Пу-ну и подчинились Китаю. Император Хуан У-ди определил им статус конфедератов во Внутренней Монголии, на южных границах Гоби и границах Ганьсу и Шаньси. Таким образом, было основано государство южных сюнну. Пока Китай являлся сильным, сюнну продолжали оставаться подчиненными империи, но в дни падения в IV в. они стали его разрушителями. Это историческое событие является параллельным историей объединенных германских народов вдоль окраин Римской империи.

Но пока единственными китайскими врагами были северные хунну древнего хуннского государства Орхона во Внешней Монголии. Около 49 г. н.э., с целью нанесения фланговой атаки против сюнну, Ци Юн, китайский губернатор Ляотуня, побудил две соседние орды восстать против них: ухуань с верховья бассейна реки Ляо в Маньчжурии и сяньби, которые, возможно, были монгольской ветви и вели кочевой образ жизни дальше к северу, близ великого Хин-

гана и реки Нонни. Ослабленные отделением южных сюнну и фланговой атакой сяньбийцев и ухуаней, северные сюнну перестали представлять на тот момент какую-либо серьезную угрозу.

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Этот успех дал возможность Китаю обрести вновь протекторат над Таримскими оазисами. Эти оазисы формировали двойную дугу к северу и югу Таримского бассейна. Теми, что на севере, были: Турфан (затем известный китайцам как Kiu-shih), Карапшар (Yenki), Куче (Kuche), Аксу (Kumo), Уч Турфан (Wencu), Кашгар (Shufu). К южным относились: Лоулян Лоб Нора, Хотан (Hotien) и Яркенд (Soche)⁹⁸. Тот факт, что в VII в. н.э. в Карапшаре, Куче, и без сомнения, в Кашгаре говорили на индоевропейских диалектах, дает право предположить, что жители Таримского бассейна принадлежали к части индоевропейской семьи. Язык Кучи, в его форме в VII в., показывает родственность с индо-иранским, хеттским (Hettite), армянским и славянским языками. Хотя это может быть не точным (как утверждает германская школа Сейга (Seig) и Сейглина (Seigling)), что название “тохарский” применим к диалектам Кучи и Карапшара, их индоевропейское родство является вопросом дальнейших диспутов⁹⁹. Нет причины предполагать, что любое индоевропейское вторжение в Тарим имело место в начале средних веков. Следовательно, кажется логичным предположение о существовании там древнего индоевропейского населения, без сомнения, современного экспансии скифо-сарматов через Западную Сибирь до верховья Енисея, и саков с обоих склонов Тянь-Шаня между Ферганой и Кашгаром. В добавление к лингвистическому свидетельству, представленному “восточными иранцами” в Западной Кашгарии и кучинцами на севере, этнографы приводят доказательство китайских историков относительно голубых глаз и рыжих волос илийских усуней на северо-востоке Кучи.

Эти маленькие царства Тарима имели великую экономическую важность, потому что большой караванный путь между Китаем и индо-иранским и греческим мирами — Шелковый Путь — проходил через эти оазисы¹⁰⁰. Существование этой дороги было подтверждено географом Птолемеем. Ссылаясь на своего предшественника Маринуса из

Тира, Птолемей утверждает, что в I в. н.э. “Македонский” торговец по имени Маес Титанос (Maes Titanos) послал агентов для разведки пути и его основных пунктов. Шелковый Путь начинался из Антиохии, столицы Романской Сирии, пересекал Евфрат в Гераполисе (Menbij), входил в Парфянскую империю, проходил через Экбатаны (Hamadan), Раи (Rai или Rhagae) близ современного Тегерана, Гекатомпилос (Sharud?) и Мерв, и проходил через Бактрию (Balkh), город, который в этом периоде принадлежал индо-скифам, или, что более вероятно, китайским юечжи или индийским тохара. Отсюда Шелковый Путь шел через Памир. В долине этих гор, у подножья “высот Комедая (Komedai)”, отмечает Птолемей, была каменная крепость (lithinos rugros), близ которой товары менялись между жителями Леванта и “шелковыми караванами”. Альберт Геррманн располагает это место между продольных дорог Алтая и Транс-Алтая, в Памирской долине Кызыл-су, которая лежит от бассейна верховья Окса до долины Кашгара. Хаккин, который путешествовал в тех местах, предполагает, что каменная крепость должна быть найдена, как предполагалось раньше, близ современного Таш-Кургана, между Ваханом (Малый Памир) и истоков Яркенда, север Минтекского (Minteke) перехода.

В Кашгаре Шелковый Путь раздваивался. Северный путь пролегал до Кучи, которая, согласно Альберту Геррманну, была Скифской Иссадонией (Issedon Scythica) Александровских географов; до Карапшара, их Дамна, до Лоуляна на Лоб Норе, их Иссадон Серика (Issedon Serica) и ворота Юмен Куана (Yumen kuan), запад Тунхвана (Tunhwang), их Даксата (Daxata). Мы имеем уже отмеченный курс южного пути из Кашгара — через Яркенд, Хотан, Нию (Niya) и Миран (Miran), последний город царства Лоулян в Лоб Норе. Две дороги вновь соединялись в Тунхване, которая, как полагают, была Троаной (Throana) греко-романских географов. Шелковый Путь затем входил во владения Китая по Сычуанской(?) (Tzu-ch'uan) дороге (Дросак (Drosakhe) греческих географов?) и Чанъен (Changueh) Тогара (Thogara) греческих географов?) и наконец достигал Чанган (Сиан), обычно признаваемой Птолемеевской столицей Сера, и Лоулян (Ханон), Сагара (Sagara) или Тинай (Thinae) такой же власти.

ЗАХВАТ КИТАЙСКИМ ГЕНЕРАЛОМ ПАНОМ ЧАО ТАРИМСКОГО БАССЕЙНА

С открытием трансконтинентального Шелкового Пути между Римской и Парфянской империями с одной стороны, и Ханской империей, с другой, мелкие индоевропейские царства, растягивающиеся вереницей вдоль северных и южных оазисов Таримского бассейна, обрели коммерческую значимость. Сюнну и Китай соперничали между собой из-за обладания контролем над ними. Сюнну держали контроль над Таримом от высот Алтая до севера, Китай держал пункты в граничных провинциях Тунхвана до востока.

Захват или перезахват Таримского бассейна поздней Ханской династией был задачей, методично выполняемой во время правления императоров Мин-ди (Min-di) (58–75 гг.), Чан-ди (Chang-di) (76–88 гг.) и Хо-ди (Ho-di) (89–105 гг.). Заслуга в этом принадлежит нескольким великим воинам. В 73 г. н.э. китайский генерал Кен Пин (Keng Pin) (“командующий быстрой конницей”) и Тey Ку (Teu Ku) провели предварительную экспедицию против северных сюнну, которые бежали перед ханскими легионами¹⁰¹. Сума (the ssu-ma) или кавалерия генерала Пан Чао, заместителя Тey Ку и одного из величайших командующих, когда либо рожденных в Китае, отделилась для атаки Ху-иен (Hu-yen), Баркольской орды сюнну, и, разбив их, “обезглавила огромное количество варваров”¹⁰². В тот же период, в 73 г., китайская военная колония была основана в Юйви (Yiwi), идентифицируемой Шаванном как Хами, но располагаемой Альбертом Германном между Лоуляном и современным постом Юингпана (Yingpan), север Лоб Нора¹⁰³. В 74 г. Кенг Пин и Тey Ку прошли вперед для захвата страны Турфан, которая в это время была разделена между двумя царствами, правителями из одной династии: южной Кю-ши (Kiu-shih), располагавшейся вокруг самого Турфана, и северной Кю-ши, размещавшейся по направлению к Кученгу (Kucheng), на другой стороне Тянь-Шанской цепи. Смелым походом Кенг Пинг первым делом атаковал наиболее удаленную из них, Кю-ши у Кученга, чей царь Нганто (Nganto) отступил перед самым нападением: “Он ушел из города, переместил свой лагерь и окруженный конницей Кенг Пинга (дословно под копытами конницы Кенг Пинга) подчинился”¹⁰⁴. Под впечатлением от этой капитуляции царь Турфана, сын Нганто, также сдался. Два китайских гарнизона были оставлены там, один в северной Кю-ши (Кученг), другой

— в Лухуне в Турфанском владении¹⁰⁵. Тем временем Пан Чao, решив, “что, кто не идет в логово тигра, тот никогда не схватит его детенышей”, послал разведку в царство Шаншан (Shanshan), юго-запад Loуляна и Лоб Нора. Он знал, что царь этой страны был в заговоре с хуннским противником против Китая. Под покровом ночи он созвал своих офицеров для обсуждения. Ему следовало бы спросить совета у китайского гражданского уполномоченного, который был послан вместе с ним, но он не посчитал это необходимым: “Он является простым гражданским офицером. Если мы расскажем ему о наших планах, то они могут стать известными. В этот очень важный момент решается наша судьба. Умереть без победы не дело для доблестных мужчин!” И к концу ночи Пан Чao и его маленькоe войско подожгли палатки, в которых размещались хуннские посланники, еще больше испугав обитателей палаток криками и барабанными ударами. Затем они сожгли или обезглавили всех варваров. После этого Пан Чao позвал царя Шаншана и показал ему отрезанную голову посла сюнну. Царь, который был на краю предательства, дрожа, подчинился китайцам¹⁰⁶. Пан Чao затем обратил свое внимание на Кашгарские владения.

В периоды, когда ни сюнну, ни китайцы не вмешивались в их дела, малые индоевропейские царства Тарима ссорились между собой. Царь Яркенда, известный китайцам под именем Хиен (33-61 гг.), какое-то время господствовал над этим регионом, покорив Кучу (в 46 г.), Фергану и Хотан, но стал жертвой общего восстания¹⁰⁷. Куча затем приняла протекцию сюнну, пока царь Хотана захватывал Хиен (в 61 г.). На юге Тарима власть перешла к этому царю Хотана, которого китайцы называют Куан-то (Kuang-to) и который стал правителем Яркенда. На севере контроль перешел в руки царя Кучи, которого китайцы называют Киен (Kien). С помощью сюнну Киен захватил Кашгар в 73 г.¹⁰⁸ При таком стечении обстоятельств Пан Чao, отправленный императором Мин-Ди для завоевания этих районов, прибыл в Кашгирию. Он пошел сначала в Хотан, где царь Куан-то (Kuang-to)¹⁰⁹ был склонен к тому, чтобы прислушаться к советам противников сюнну, которые нагло обращались с ним. Пан Чao быстро обезглавил собственной рукой колдуна, который был главным царским советником. Царь в страхе восстановил свою вассальную зависимость Китаю и, для доказательства своей преданности, убил хуннских посланников. Пан Чao затем пошел на Кашгар. Киен, царь

Кашгара, зависимый от сюнну, уже подчинил Кашгар и поставил на трон одного из своих людей из кучанской ветви. Пан Чао, “взяв быка за рога” (он имел очень мало людей), арестовал этого иностранного принца, сверг его и восстановил древнюю Кашгарскую династию в лице царя, известного в китайской транскрипции как Чун (Chung) (74 г. н.э.)¹¹⁰.

В 75 г. вскоре после смерти императора Мин-ди большое восстание против китайского протектората вспыхнуло в Тариме, поддерживаемое сюнну. Царь Карапшара убил предательски китайского резидента, “генерала-протектора” Чен Му (Ch'en Mu). Люди Кучи и Аксу осадили Пан Чао в Кашгаре, и более чем год этот герой держался против наступления своих противников. Тем временем сюнну напали на царство Кю-ши, убили вассального царя Нганто и осадили местные форты китайского генерала Кенг Кунга. Как и Пан Чао, Кенг Кунг оказал стойкое сопротивление. Без провизии, ослабленные боями и съевшие кожу со своего обмундирования, он и его верные солдаты, оставшиеся с ним, держались до конца¹¹¹. Правительство нового императора Чань-ди (Chang-ti), однако, приказало Пан Чао и Кенг Кунгу уходить из Тарима. Причиной тому был страх перед непрерывными восстаниями и жертвами, которых требовал Центральноазиатский протекторат. Но Пан Чао понимал, что такое отступление передает страну в руки сюнну. Едва достигнув Хотана, он изменил свое намерение вернуться домой и вернулся обратно в Кашгар, выказав неповинование приказу императора, который он получил. Во время его скорого отсутствия город полностью оказался в руках кучинцев, другими словами, хуннской группировки. После обезглавливания лидеров Кучинской партии, он восстановил свою резиденцию в Кашгаре, предполагая больше никогда его не покидать. С наемными войсками, собранными в Кашгаре и Хотане или набранными из Согдианы, он захватил Аксу и Турфан и “отрубил 700 голов”¹¹². Тем временем китайские легионы из Ганьсу отобрали Турфанско-царство Кю-ши у сюнну. Они отрезали 3 800 голов и захватили 37 000 голов скота. Варвары севера бежали в страхе¹¹³. В таких противниках, как Пан Чао и Кенг Кунг, сюнну увидели своих господинов.

В обращении, адресованном императору, Пан Чао стремился успокоить испуганный двор подробным рассказом о своих собственных происшествиях на Великом Западе. Он показал, что эти дальние кампании, осуждаемые двором как бесполезные, были, на самом деле, реальными

оборонительными мерами, рассчитанными для обороны китайской земли от периодической агрессии хуннов: “Захватив 36 царств (Центральной Азии), мы отрезали правую руку сюнну”. Его метод заключался в следующей формулировке: “Использовать варваров для борьбы с варварами”. В самом деле, он захватил Тарим благодаря личному составу воинов, которыми каждый новозахваченный оазис был обязан снабжать его для использования против других оазисов, которые все еще восставали. Действительно, китайский элемент был представлен не более чем группой искателей приключений, которые пришли совершить новые подвиги в полной событий жизни военных походов. Все жили за счет страны, которую они охраняли от возвращения хуннских орд. “В Яркенде и Кашгаре, — объяснял Пан Чao, — обрабатываемая земля плодородна и обширна, и воины, охраняющие эти земли, не будут стоить империи ничего”¹¹⁴. Он уподобился Траяну — захватчику Дакии — имея такие же захватнические взгляды при решении военных задач.

Важной задачей было заставить сюнну вернуться обратно во Внешнюю Монголию, подальше от Шелкового Пути, с которого они получали пищу и богатства. С этим великим планом в голове Пан Чao подавил новые восстания в Кашгаре (80 г., 87 г.) и Яркенде (88 г.) и сделал илийских усуней своими союзниками. Каждый раз Пан Чao, который постоянно был информирован своими шпионами и прекрасно понимал психологию варваров, атаковал своих противников уверенно и врасплох. В Кашгаре царь Чан, его протеже и марионетка, восстал в 84 г. вместе с людьми Яркенда, Согдианы и юечжи или индо-скифами. В 87 г., изгнав из Кашгара Пан Чao, Чан притворился, что готов подчиниться и попросил аудиенции, на которую он прибыл с сильной кавалерией, задумывая нанести внезапную атаку. Пан Чao притворился обманутым и поверившим в искренние намерения гостя и пригласил его на банкет. Затем, “когда вино было выпито”, он схватил Чана и обезглавил его. В это время китайские войска напали на вражеские отряды и уничтожили их¹¹⁵. В 88 г., перед нападением на Яркенд, Пан Чao имел только небольшую армию (если принимать большинство хотанских наемников за китайцев) для противостояния местным жителям, на помощь которым пришли 50 000 человек из Кучи и соседних городов. Ночью он притворился, что отступает; затем, резко вернувшись, он напал на город, убил 5 000 человек и заставил людей подчиниться ему¹¹⁶.

Только Кучи и Каашар оставались непокоренными, они все еще сопротивлялись и искали союзников во всех местах, от сюнну в Монголии до юечжи или индо-скифов. В 90 г. царь индо-скифов, могущественный император Кушанской династии, который правил в Афганистане и северо-западной Индии, возможно, представленный Кадфизом I, рассерженный отказом в получении руки китайской принцессы, послал войско на северо-восток Памира на помощь Куче против Пан ЧАО. Пан ЧАО перехватил все донесения между этой армией и Кучей, которая могла снабжать их провизией, и затем уничтожил их. Индо-скифы, совершив рискованный поход вдоль безграничных дорог Кашгарии без провизии, были рады уйти невредимыми. Двор Кучи, наученный горьким опытом, возвратился в 90 г. к политике, традиционной среди юечжи, — дружбы с Китаем¹¹⁷.

На севере, в Монголии, генералы ТЕУ ЧЕН и КЕНГ ПИНГ одержали большую победу над северными сюнну (89–90 гг.). Два царя, северной и южной КЮ-ШИ (Кучен и Турфан), сразу же восстановили свои связи с империей. В 91 г. китайский генерал КЕН КЮЕЙ (Keng K'uei) вновь нанес сокрушительный удар по сюнну. Он продвинулся до Внешней Монголии, наиболее вероятно, до Орхона, захватил мать и всю семью шаньюя, и назначил его брата Ю-ЧУ-КЕНА (Yu-ch'u-ken) его преемником. Когда в 93 г. этот новый царь взбунтовался, Китай послал против него сяньби, которые разбили его войска и убили его. Это было бедствие, от которого северные сюнну никогда полностью не восстановились.

Таким образом, лишенные помощи сюнну и индо-скифов, три города из четырех восставших городов на севере Тарима — Кучи, Аксу и Турфан — сдались Пан ЧАО (91 г.). Китайский победитель получил от императорского двора титул “генерала защитника”, в сущности вице-короля Центральной Азии. Он имел свою резиденцию в Токиене, маленький городок близ Кучи, в то время как другой китайский генерал разместился в Кашгаре. Каашар оставился единственным неподчинившимся городом. В 94 г. с наемниками Кучи и Шаншана (Лоб Нор) Пан ЧАО пошел на бунтующий город. Напрасно люди Кашгара разрушили мосты через Юлдуз. Пан ЧАО перешел реку вброд. Некоторые жители спаслись бегством через озеро Баграч, но царь остался в городе. Пан ЧАО, в месть за принесенный ущерб, обезглавил его именно в том месте, где 19 лет назад был убит китайский губернатор Чен МУ. “Пан ЧАО разрешил своим людям

разграбить город. Они отрезали больше, чем 5 000 голов, взяли 50 000 человек в плен и захватили более чем 300 000 голов скота: лошади, коровы и овцы”¹¹⁸.

Теперь весь Таримский бассейн был подчинен. В 97 г. Пан Чao приказал своему заместителю Кан Юнию (Kan Ying) идти вперед через Аньси, т.е. через Арсакидскую Парфянскую империю до Та-Циня (Ta-ts'in), китайское название Романской империи. Но Кан Юнь, напуганный Парфянскими историями, никогда не выходил за их территории, и повернул обратно назад, не дойдя до Римских границ¹¹⁹.

Пан Чao ушел на покой и в 102 г. вернулся в Китай, где умер в том же году. Его преемники не смогли следовать его естественной политике, которая была гибкой и реалистичной. В 106-107 гг. поднялось общее восстание в Тариме. Китайский генерал Лян Кин (Liang K'in) был осажден в Куче местными жителями¹²⁰. Он вышел из осады, одержав большую победу, но в 107 г. двор Китая, обескураженный этими продолжающимися восстаниями, отозвал все Таримские гарнизоны, даже из Лучуна и Юву. Следующий год кяны или тибетцы, которые были полностью дикими и вели кочевой образ жизни на западе и юге Куконора, атаковали китайские посты Ганьсу, угрожая перерезать Тунхванскую дорогу. Лян Кин в ходе нескольких жестоких боев разбил их. Наконец, в 109 г. южные сюнну во Внутренней Монголии начали наступление на китайские границы. Китайский губернатор Ляотуна, Кенг Кюэй, настроил несколько сяньбийских орд против них. Тем не менее, южные сюнну опустошали северную Шаньси до тех пор, пока в 110 г. Лян Кин не заставил их согласиться на мирные отношения.

В целом Китай имел большие трудности при защите своих собственных границ и в 119 г. началась работа по реконструкции разгромленных форточек. Военная колония Юиву (Хами или Лоб Нор?) была восстановлена, Шаншань и царь Турфана опять подчинились; впоследствии шаньюй северных сюнну и Кученг Кию-ши внезапно напали и разбили китайский гарнизон в Юиву. Сыну Пан Чao Пан Юну удалось все-таки восстановить все, чего добился его отец. В 123 г. он поддержал верность царя Шаншана, напугал царей Кучи и Аксу, которые пришли выразить свое подчинение, и с силами, которые они дали ему в управление, пошел на орды сюнну из Турфана. В 126 г. он одновременно покорил ху-иен — группу северных сюнну, населявших страну на северо-востоке озера Баркол и заставил

бежать большое число северян, которые пытались вмешаться¹²¹. В 127 г. китайцы закончили захват Тарима, вступив в Карапшар. В 130 г. сын царя Карапшара, а также посольство от царя Ферганы прибыли в китайскую столицу Лоулян для оказания почтения императору Шуен-ди (Shuen-ti).

В течение последующих лет, исключая небольшое восстание 140-144 гг. вождя южных сюнну левой или восточной ветви¹²², китайцы были заняты борьбой в основном с ху-ен сюннами из Барколя. В 131 г. эта орда сюнну атаковала северную Кю-ши (Кучен) и плохо обращалась с ее населением; в 151 г. они почти разрушили китайскую военную колонию в Юиву, которая была спасена огромными усилиями. Тем не менее, в 153 г. северная Кюши все еще была китайским вассалом. Нецелесообразная жестокость китайского посланника в 151 г. спровоцировала восстание народа Хотана, который убил его, хотя позже город сделал amende honorable¹²³. В 170 г. китайский генерал использовал отряды из Турфана, Карапшара и Кучи в походе до Кашгара как судей в местных столкновениях; в 168-169 гг. китайский генерал Туан Кун отразил нашествия кянов или тибетцев вдоль границ Ганьсу.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТАРИМСКИХ ОАЗИСОВ В КОНЦЕ ДРЕВНОСТИ И НАЧАЛЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Китайский контроль над Шелковым Путем во времена поздней Ханской династии, обеспечив свободу трансконтинентальной торговли вдоль двойной цепи оазисов на севере и юге Тарима, благоприятствовал быстрому распространению буддизма в речном бассейне, а вместе с этим и индийской литературы и эллинистического искусства. Сказать более определенно, по Шелковому Пути, который был также дорогой, избранной миссионерами, проповедовавшими буддизм в Кашгарии и Китае, торговля и религия принесли с собой греко-римскую культуру. Действия агентов Мая Титана были направлены именно на это, как и действия апостолов Будды на распространение их религии.

Наиболее оживленной в то время была одна из южных дорог: она проходила через Яркенд и Хотан. В Йоткане, древний Хотан, экспедиция Авраеля Стеина нашла римские монеты времен правления императора Валенса (364-378 гг.); в Раваке, восток Хотана, эта экспедиция наткнулась на серию греко-буддистских барельефов с прекрасной эллинис-

тической драпировкой в чисто гандхаранском (Gandharan) стиле. Немного восточнее, в Ние (Niyang), место, заброшенное в конце III в., были найдены римские печати и гравировки и индо-скифские монеты. В Миране, юго-запад Лоб Нора, в древнем Шаншане, подобная экспедиция открыла несколько прекрасных греко-буддистских фресок, в основном, изображающих Будду, его монахов и крылатых духов, явно римско-азиатского происхождения. Эти фрески были подписаны “Тита” на индийский манер — имя, которое идентифицируется с “Титус” — и все они приблизительно датируются III-IV вв. н.э.¹²⁴

По этому Шелковому Пути, в период Китайского Мира, великие буддистские миссионеры пришли в Китай. Шинкао (Shih-kao), парфянин, прибыл туда в 148 г. и умер в 179 г.; Чу (Chu-Sho-fu), индус, и Че Чан (Che Ch'an), юечжи (или индо-скиф) — оба пришли в Китай около 170 г. и основали религиозное общество в Лоуляне, столице. В период 223-253 гг. Че Кен (Che K'ien), сын посла юечжи, перевел несколько буддистских писаний на китайский язык. Упоминание об этих юечжи представляется интересным в том плане, что религия начала распространяться с Кушанской империи, затем через Афганистан, Гандхара и Пенджаб, которые посредством Шелкового Пути так широко способствовали пропаганде буддизма в Таримском бассейне и в Китае. Не менее значимо, что помимо этих кушанских и индийских миссионеров было несколько парфянских попыток по проведению пропаганды прозелитизма в Верхней Азии и Дальнем Востоке. Китайская Тритерака дает нам список миссионеров и переводчиков, которые пришли через Тарим для работы в Китай. В самом Тариме другие группы монахов из восточной Индии приняли участие в переводе их священных санскритских текстов на местные языки. Пример известного Кумарадживы (Kumārajīva) (344-413 гг.) характерен для этого времени и заслуживает упоминания здесь.

Кумараджива принадлежал к семье индийского происхождения, жившей в Куче. Его предки занимали высокие посты в стране. Его отец, искренний буддист, пожелал отречься от светской жизни и принять монашеский обет, но царь Кучи заставил его продолжать светские занятия и отдал ему свою сестру в жены. От этого союза родился Кумараджива. Мальчиком он был взят в Кашмир своей матерью для изучения индийской литературы и буддизма. По возвращении Кумараджива посетил Кашгар, где он остался на год и продолжал изучать Abhidharma. Текст его биогра-

фии¹²⁵ показывает, что Кашгар, как и Куча, был в то время богатым центром индийской мысли, и правители обоих городов спорили за право разместить при дворе таких ученических монахов, как Кумараджива. Когда Кумараджива вернулся в Кучу, правитель страны, названный в китайской транскрипции По Шуен (Po Shuen), вышел приветствовать его, и два внука царя Яркенда стали его учениками. Он жил в Куче с индийским учителем Вималакшай (который был родом из Кашмира), до 382–383 гг., когда, как мы увидим, китайский генерал Лю Хуан (Lu Kuang), захватив Кучу, привез вместе с собой Кумарадживу в Китай. Рассказ Лю Хуана приносит доказательства о великолепии и пышности Кучанских дворцов, которые поразили китайского завоевателя. Его удивление вызвало то, что здания и произведения искусства, которые он видел там, были исполнены больше в индийской и иранской традициях, чем в китайской, и это относится, приблизительно, к тому периоду, как утверждает Хаккин, к которому должны относиться и древнейшие художества Кызыла.

Цивилизация в Континентальной Азии, как показывают эти примеры, была точно разделена на два продольных пояса. На севере от Понтической России до Маньчжурии и Ордоса было искусство степей: кочевое искусство *par excellence*, стилизованный “звериный стиль” особого характера орнамента. На юге, вдоль Шелкового Пути от Афганистана до Тунхвана, через двойную цепь оазисов, окружающих Таримский бассейн, и среди оседлых народов этих караванных оазисов, выполнялись картины и скульптуры, вдохновленные явно греческим, иранским и индийским искусством, все три направления искусства распространялись вдоль Шелкового Пути и смешивались вместе с буддистской религией.

Происхождение таримского искусства в конце древности и начале средних веков следует искать в Афганистане. Там, в Кабульской долине, в IV в. на последних Кушанских царей сильно влияла Сасанидская Персия, под чье влияние они попали, что подтверждается кушано-сасанидскими монетами, изученными Херсфельдом и Хаккином¹²⁶. Сасанидо-буддистская цивилизация и сасанидо-буддистское искусство были рождены на ирано-индийских границах, как это иллюстрируется великими фресками Бамиана и Какрака, выполненными в конце III в. и в течение IV в. В них — в изображении образов и одеяний, в трактовке фигур — проявляется сасанидское влияние. Дальше примеры обеспечиваются сасанидо-брахманской скульптурой, недавно

обнаруженной Хаккином в Хаирхане близ Кабула (конец IV в.), и чисто сасанидские фрески из Духтар-и-Нуширвана, близ Руи на Кабуло-Бактрийской дороге, на которых представлен царский сасанидский принц, губернатор Бактрии (V в.). Все эти находки были обнаружены экспедициями Хаккина и Годарда, и Хаккина и Карла. В них Афганистан того времени оказался местом, где индийские религии и индийская литература были тесно связаны с материальной цивилизацией Персии в дни правления царей Шапура и Хосрова¹²⁷.

Это была сасанидо-буддистская смесь, которую буддистские миссионеры, последователи Кумарадживы, насаждали во всех Таримских оазисах и в различных остановках вдоль Шелкового Пути, который, благодаря им, стал дорогой религиозного учения. В Бамианских фресках проявляется ранний стиль фресок Кызыла, на западе Кучи, стиль, характеризуемый четко определенным исполнением, очень изящным в сдержаных тонах: серый, темно-коричневый, красно-коричневый и светло-зеленый. Хаккин, который определял хронологию этих различных периодов, датирует этот стиль приблизительно между 450 и 650 гг.¹²⁸ Индийское влияние преобладает здесь в танце королевы Чандрапрабхи — напоминание о прекрасных индийских обнаженных фигурах из Аджанты. Сасанидское влияние также очевидно в изображении павлина и изображении художника, который показал себя в облике молодого индийского господина, одетого в элегантную разноцветную безрукавку, подогнанную по фигуре, с вывернутым большим Кучанским воротником (замеченные в бамианских фресках, реставрированных мадам Годард), штаны и в высоких сапогах. Все элементы одежды заимствованы из Ирана. Затем прекрасная лепка, обнаруженная в 1937 г. в Фандукистане, западнее от Кабула, Хаккином и Жаном Карлом и датируемая монетами, отчеканенными сасанидским царем Хосровом II (590-628 гг.), убеждает нас в правильности того, что накануне арабского нашествия ирано-буддистский Афганистан продолжал оказывать влияние на мужскую моду и одежду в кучанском обществе¹²⁹.

Второй стиль кызылских фресок относится Хаккином к периоду между 650 и 750 гг.; согласно ему, он характеризуется менее четкими очертаниями и яркими цветами (лapis лазурный, ярко зеленый) и доминированием сасанидского стиля одежды. Буддистские фрески из Кызыла и Камтуры (теперь находятся в Берлине) показывают процессию мужчин и женщин, которые жили при дворе царей Кучи V-VIII вв. Эта блестящая аристократия — явно индоев-

ропейской ветви — была определенно иранской в одежде и других аспектах материальной цивилизации, и индийской в их вере и литературе. Кроме этих дворцовых одежд представлены военные сцены в Кызыле, например, в “Разделе реликтов” показано кучанское “рыцарство” в доспехах, конических шлемах, в кольчуге, несущее длинные копья, которое напоминает одновременно и сасанидскую кавалерию, и сарматских всадников Керчи (Пантикопей) в Крыму¹³⁰.

Этот ирано-буддистский комплекс также был найден в области на юге Тарима, особенно в рисунках на деревянных панелях Дандан-Уйлика — оазис, расположенный на северо-востоке Хотана (конец VII в.). Здесь рядом паги чисто индийского типа, похожее на изящные фигуруки из Аджанты; всадник и управляющий верблюдом, оба исполнены в иранской манере; и бородатые бодхисатвы, одетые в тиары, длинные зеленые плащи, штаны и сапоги сасанидских господ. Позже подобное иранское влияние наблюдается во фресках и миниатюрах из Турфанского региона, например, в Базеклике и Муртуке. В Базеклике божественные персонажи, одетые в кирасу, напоминают кучанского всадника в сасанидских доспехах Кызыла и Камтуры, хотя сама Авалокитешвара (Avalokiteshvara), отмечает Хаккин, сохраняет индийскую грацию. В Мартуке рядом с бодхисатвой полностью индийской наружности находятся жертвоприносители, одетые в подобные доспехи, которые изображены на кызылских фресках, и носящие шлем, украшенный развернутыми крыльями, они опять явно показывают родство с сасанидами¹³¹. В скульптуре изящные гипсовые статуэтки из Карапара, найденные Аврелем Сteinом, необычайно схожи с галереей представителей этнических типов. Они выявляют большое сходство с греко-буддистскими фигурами Хадды в Афганистане, теперь в Гюметском Музее.

Таким образом, до захвата страны тюркскими народами во второй половине VIII в. индоевропейские оазисы на севере и на юге Тарима, от Яркенда и Хотана до Лоб Нора, и от Кашгара, Кучи и Карапара до Турфана, испытывали влияние культуры не Алтая и степной цивилизации, а великих цивилизаций Индии и Ирана. Они формировали Внешнюю Индию и Внешний Иран, распространяющиеся до границ Китая. В добавление, благодаря им, Индия и Иран проникли в Китай, о чем можно судить по буддистским фрескам и знамени, открытым экспедициями Пельо и Авреля Сteinя близ Тунхвана — место, где Шелковый Путь входил в современную китайскую провинцию Ганьсу¹³².

ВЫТЕСНЕНИЕ СЮННУ ИЗ ИМПЕРИИ МОНГОЛИИ СЯНЬБИЙЦАМИ

Пока греко-буддистская и ирано-буддистская цивилизация спокойно процветали среди оседлых жителей Таримских оазисов, тюрко-монгольские орды вели кровопролитную войну между собой в северных степях. Около 155 г. северные сюнну, которые, возможно, были тюркской ветви и находились в Орхонском регионе в верхней Монголии, были разбиты другой ордой — сяньбийцами, которые произошли из Хинганского региона на монголо-маньчжурских границах. Эти сяньби, долгое время принимаемые за тунгусов, являлись, согласно исследованиям Пельо и Тори, монголами¹³³. Таким образом, монгольское доминирование сменило тюркское. Глава сяньби, названный китайцами Таншихуай, захватил северных сюнну, продвинулся вперед на западную Монголию до илийских усуней, которых он также разбил. Китайские хроники отмечают, что в 166 г. он властвовал на территории от Маньчжурии до страны усуней, до Балхаша. Без сомнения, здесь имеется некоторое преувеличение: сяньбийское доминирование едва распространялось в пределах современных территорий Богдохана (Таштухан) и Сетсерлик-мандала (Сайн Нойян).

Достигнув определенной силы, сяньбийский глава начал замышлять походы против Китая, подобно его сюннским предшественникам. В 156 г. Таншихуай атаковал место, что теперь является современной провинцией Ляотуня, но был отброшен назад. Затем обрушился на южных сюнну во Внутренней Монголии, которые подчинились Китаю, и позже, прия к соглашению с ними, убедил их присоединиться к нему для нападения на китайцев в Шеньси и Ганьсу; но объединенные орды были вынуждены отступить перед китайской армией в 158 г. Новая атака сяньбийцев на Ляоси, т.е. на китайские провинции на западе верховья реки Ляо в юго-восточной Маньчжурии, была также отражена в 177 г. китайским генералом ЧАО Пао. Наконец, ухуани, кочевые орды Далай Нора (Хулун Нор) и Сара Мурена (река Ляо), регион на юге большого Хинганского пути, были полностью разбиты в 207 г. китайским генералом ЦАО ЦАО (Ts'ao Ts'ao) в месте, которое сейчас называется Джехоль (Jehol). В 215-216 гг., использовав остатки южных сюнну в карательных походах на севере современных провинций Шеньси, Шаньси и Хопе, ЦАО ЦАО разделил их на пять орд, назначив главой

каждой из числа сюнну под надзором китайского ставленника. Официальный шаньюй южных сюнну содержался в качестве полупленника при императорском дворце¹³⁴.

Когда в 122 г. Ханская династия исчезла в круговороте гражданских войн, орды из северных степей, которые были разбиты во время предыдущего периода китайскими легионами, были все еще сильно напуганы, слабы, и не смогли воспользоваться таким преимуществом ситуации. Индоевропейские Таримские оазисы также, несмотря на гражданские войны, свирепствовавшие между “Тремя Царствами” в Китае, продолжали проявлять свое подчинение главе этих царств, который находился в Вей, правителю северного Китая Вею (220–265 гг.). Таким образом, в 224 г. Шаншан, Кучи и Хотан платили дань Цао Пею (Ts'ao Pei), царю Вей. Когда Вей и два других царства были смешены Чинской династией (семья Су-ма), которая объединила Китай, царь Кучи послал своего сына служить при императорском дворе (285 г.). Сяньби, набравшись храбрости для атаки границ Ганьсу близ Лянчоу (Бувей), были отброшены китайским генералом Ма Лунем (Ma Lung) в 279 г.

Великая империя сюнну исчезла и сяньби, которые заняли их место, оказались неспособными завершить свои нападения на китайские границы. Когда казалось, что нет опасности со стороны степей, постоянно угрожавших Китаю, начались великие варварские нашествия в IV в., которые были очень сходны с *Volkerwanderung* в V в. Однако, в отличие от тех, которые были в Европе, эти нашествия, по-видимому, не были вызваны беспокойством внутри варварского тыла. Причиной их возникновения явился упадок китайской мощи, который притянул, словно вакуум, объединившихся варваров, которые ставили свои лагеря вдоль границ.

ВЕЛИКИЕ НАШЕСТВИЯ В IV ВЕКЕ. ЗАХВАТ СЕВЕРНОГО КИТАЯ СЮННАМИ И СЯНЬБИ

Мы отметили расколы, которые ослабили сюнну. С III в. до н.э. сюнну доминировали во Внешней и Внутренней Монголии под управлением шаньюя. Первый раскол произошел, когда в 44 г. до н.э. вождь по имени Че-Че был изгнан своим соперником из земли его предков в Монголии и переселился в Балхашский район, современный Казахстан.

Раскол, таким образом, произошел между восточными сюнну в Монголии, которые оставались врагами Китая, и западными сюнну, в степях Балхаша и Аракса, которые под именем хунны (предки Атиллы) были противниками римского мира.

В 48 г. н.э. империя восточных сюнну была разделена: “восемь орд” южной или Внутренней Монголии отделились от тех, которые оставались преданными шаньюю Орхона. Таким образом, сформировались две отдельные группы: северные сюнну на Орхоне во Внешней Монголии и южные сюнну Внутренней Монголии, на севере Великой стены. Как уже отмечалось, северные сюнну были покорены около 155 г. н.э. сяньбийцами. Сяньби затем доминировали в Монголии от маньчжурской границы до подступов Хами и Барколя.

К концу Ханской династии сюнны с юга, о которых далее будет идти речь, перекочевали в южном направлении под давлением сяньби в большую петлю Желтой реки, в степи Ордоса, в граничные области Алашаня, где они восстановились в период Трех Царств (220-265 гг.). Здесь они действовали как союзники китайской империи, роль в чем-то подобная той, которую играли германские племена на окраинах Римской империи в IV в. Отношения между лидерами этих объединенных сюнну Ордоса и китайскими императорами Вей и северной Чинской династией (220-265 гг. и 265-316 гг. соответственно) были больше похожи на те, которые превалировали между лидерами готов, франков и бургундцев в IV в. и римскими императорами линии Константина или Теодора. В двух примерах варварские вожди часто посещали императорские столицы — Чанган или Лоулян, Милан или Константинополь — и были допущены к этим дворам, находящимся в состоянии упадка, а затем возвращались обратно в свою орду.

Как союзники, находясь на службе у императора, южные сюнну, вынужденные двигаться дальше на юг, обосновались на китайской стороне Великой стены¹³⁵. Их шаньюю Ху-чу-чуан (195-216 гг.) поставил свою резиденцию в Пиньяне в сердце Шаньси. Это было накануне падения Ханской династии в Китае и в разгар гражданской войны. Ху-чу-чуан вспомнил, что одним из его далеких предков была ханская принцесса, тем самым предположил отцовскую линию к великой имперской династии Лю. Таким образом, законность, уничтоженная в Китае сериями узурпаторов, была возрождена в шатрах сюнну. В 304 г. один из вождей

сюнну с ханским именем Лю Юань твердо основался в Тайуване в Шаньси, получив от китайского двора династии Чин титул шаньюй Пяти Орд. В 308 г., возглавив армию в 50 000 человек, он объявил себя императором в Тайуване на том основании, что является законным наследником Хан. Династия, основанная этим ханским правителем, на самом деле известна под именем северной Хан — Пей-Хан, или ранняя Чао — Цзен-Чао.

Сын и преемник Лю Юаня, Лю Цзун (310-318 гг.) был китайским Атиллой. В 331 г. его войска захватили владения Loуляна, китайскую столицу, сожгли императорский дворец и захватили в плен китайского императора Чин Хуанди; затем вступили в Чанган, где истребили половину населения (312 г.). Императорский пленник был отправлен в Пиньян, резиденцию Лю Цзуна, который заставил его служить своим виночерпием до его казни в 313 г. После отхода сюнну новый император Китая, Чин Минди (312-316 гг.), основал свою резиденцию в ЧангANE, но в 316 г. сюнну вернулись, осадили город и заставили слабого правителя капитулировать. Сразу же, в Пиньяне, воздвигнутый на трон хуннский царь получил плененного императора Китая, заставил его “мыть кубки после пира”, и, наконец, в 318 г. казнил его. Оставив все надежды о защите северного Китая от варваров, член Чинской императорской семьи бежал и нашел убежище в Нанкине (теперь известен как Киенкан), где, спрятившись за рекой Янцзы, он основал вторую Чинскую династию, названную южной или восточной Чин (317 г.). Точно так же последние римляне в V в. бросили свои западные провинции, оставив все германским захватчикам, и нашли убежище в империи Востока. Почти три века (317-589 гг.) Нанкин заменял ЧангАН и Loулян, как Константинополь — Рим.

Лю Цзун, победоносный хунн Северного Китая, был на время противоречивой фигурой. Правитель двух древних столиц: Loуляна и Чангана, он держал двор в Пиньяне в Шеньси и правил центральной и южной Шаньси, Шеньси (кроме ханского бассейна), северным Хонаном (кроме Кайфенга), южным Хопеем и северным Шантуном. Но на севере этих хуннских владений, чей глава, несмотря на свой кочевой образ жизни, сохранял некоторый внешний лоск китайской культуры, поднялись другие орды чисто варварского характера. Орда тобгачей, или в китайских источниках тоба¹³⁶, вероятно, тюркского происхождения, основалась лагерем около 260 г. на крайнем севере Шаньси, север Великой стены. В течение последующих лет тоба двигались

к югу Стены в древние китайские военные пункты Еньменя (Шопин) на севере Шаньси, и Таи (близ Юю), что находится в районе Татунга, где в 310 г. они определенно расположились¹³⁷. Окончательно клан Мо-чжун монгольской сяньбийской орды обосновал свое новое царство в Ляотуне и Ляоси на юго-западе современной Маньчжурии.

Большинство из этих тюрко-монгольских государств, которые возникли в Северном Китае в IV в., были такие же неустойчивые, как первые Германские государства в V в. на Римском Западе, по следующей причине: орды дрались насмерть между собой. После смерти Лю Цзуня в 318 г., сюннского завоевателя северного Китая, его наследники были способны удержать только северо-западную часть его территории со столицей в Чангане. Однако, полный жажды завоеваний, один из командующих — Ши Лей — создал княжество для себя вокруг Сянкуо (теперь Суенто) в южном Хопее. В 329 г. Ши Лей сверг царский дом Лю Цзуня (династия Цзен-Чао или Пей-Хан) и основал новую Сюнскую династию, известную как поздняя Чао (Хоу-Чао), которая царствовала с 330 г. по 350 г. Ши Лей разместился где-то на юге Сянкуо, в Е, современный Чанто, и выбрал своей второй столицей Лоулян. Этот неграмотный хунн, как свидетельствуют источники, получал удовольствие от китайских классических книг, изложенных ему. По своему интересу к грамматике и теологии он напоминает Теодора или Чильпера (*Chilperis*), грамматика и теолога.

Но кочевой менталитет был не менее развит в нем и особенно сказался в его хуннских последователях. Вторым последователем Ши Лея (умер в 333 г.) был Ши Ху (334-349 гг.), жестокий развратник, чей сын пытался предательски убить его, и он сам казнил своего сына. Сын, надо отметить, был страшным монстром — Татарский Синяя Борода, который выбирал одну из своих прекраснейших наложниц, жарил и подавал на стол¹³⁸. По аномальной общности среди варваров, которые попали под очарование цивилизации после первого контакта, Ши Ху был ревностным защитником буддизма. Его владения, где Чаньте в северном Хонане продолжал оставаться столицей, распространялись до Шеньси (кроме Ханчуня, часть южной китайской империи), Шаньси (кроме Татунга, где были тоба), Хопей, Шантун, Хонан и даже северной части Кянсу и Аньхэй, через который течет река Хвай.

Это громадное Хуннское царство разрушилось также быстро, как и появилось. После смерти Ши Ху в 349 г.,

его наследники и генералы рассорились между собой и перебили друг друга. Моюн, который был сяньбийского рода и основал царство в Ляотуне, имел преимущество перед этим государством анархии для того, чтобы захватить Хопей (350 г., 352 г.), Шаньси и Шантун. Победоносный вождь Моюн Цзун (349-360 гг.) избрал в качестве своей столицы Ен (или Чи), современный Пекин (350 г.), и позднее Е (349-370 гг.). В 364 г. его преемник оккупировал Loуян (после быстрого захвата этого города имперскими войсками), затем северный берег Хвай (366 г.). Но доминирование Моюна было кратковременным, даже меньшим, чем у хуннов, которые предшествовали ему.

На службе у сюннского правителя Ши Ху был офицер по имени Пу Хун. Он был, возможно, монголом, хотя ему часто приписывается тангутское (т.е. тибетское) происхождение. В 350 г. он основал независимое царство в Шеньси, с Чанганом как столицей. Его династия (а всем этим мелким тюрко-монгольским вождям требовалось иметь обоснованные достоверные китайские королевские линии) была известна под именем ранней Чин, Цзен Чин (350-394 гг.). Внук Пу Хуна Фу Чен (357-385 гг.) был одним из наиболее выдающихся из этих тюрко-монгольских правителей. Он искренне симпатизировал китайской цивилизации и показал себя человечным управляющим и верным сторонником буддизма. У Моюна или Цзен Ена он отобрал первым делом Loуян (369 г.), затем Тайюань и позже Е (Чантен), собственно столицу Моюна, царя которого он захватил в плен (370 г.). Таким образом, все Моюнские владения — Хопей, Шаньси, Шантун и Хонан — перешли к Фу Чену (370 г.). Так как Фу Чен уже владел Шеньси, он теперь стал властелином всего Северного Китая. В 376 г. он присоединил другое маленькое варварское государство — Лянь в Ганьсу. В 382 г. отправил своего подчиненного Лю Хуана подчинить Тарим. Лю Хuan получил присягу верности от правителей Шаншана (Лоб Нор), Турфана (Южная Кю-ши) и Карапара (Енки). Царь Кучи, названный по-китайски По Шен, попытался оказать сопротивление, но был разбит и изгнан в 383 г. Лю Хуан оккупировал Кучу и при своем возвращении взял с собой, как уже отмечалось ранее, буддистского монаха Кумараджива, чьи достижения как переводчика санскритских текстов на китайский были велики.

Фу Чен, разбив все варварские государства на севере Китая, строил планы для захвата китайской национальной империи на юге и намеревался, таким образом, объединить

страну под своей властью, как восемь веков спустя это сделал другой монгольский завоеватель — Хубилай. В 383 г. он в самом деле атаковал “Империю” вдоль реки Хвай, но на верховье реки получил удар, от которого мог никогда не оправиться. Моюн Чен, потомок древнего сяньбийского рода моюнов, уверенный в силе своего войска, восстал и захватил провинции Хопея и Шантуна. Таким образом, было основано царство поздней Ен (Хоу-Ен), которое существовало с 384 г. по 407 г., со столицей в Чуншане, современный ТиньЧоу на юге Патина в Хопее. В то же время (в 384 г.) другой член Моюнского рода основал западное Ен (Хси-Ен), царство в Шаньси, но в 394 г. это царство было присоединено Моюном Чуе к Хоу-Ен. Окончательно Шеньси и часть Хотана были отобраны у Фу Чена его бывшим подчиненным Яо Чаном, который был, более вероятно, тибетской ветви. На завоеванных территориях Яо Чан основал династию поздней Чин (Хоу Чин), которая имела свою столицу в Чангане, затем известную как Кинчаофу, и существовала с 384 г. до 417 г. Два других монгольских или тюркских генерала основали два княжества в Ганьсу: в западной Чин (Хси-Чин, 385-400 гг. и 409-431 гг.), с Лянчоу как столицей, и поздние Ляны (Хоу-Лян, 368-403 гг.), это княжество было основано Лю Хуаном.

ЦАРСТВО ТАБГАЧСКИХ ТЮРКОВ ИЛИ ТОБА И МОНГОЛЬСКИЙ КАГАНАТ ЖУАНЬ-ЖУАНЕЙ

Рядом с этими эфемерными ордами, чьи царства одного дня распадались одно за другим, была одна — табгачи или, по-китайски, тоба, которые укрепились в силе и преуспели в установлении прочного доминирования в северном Китае. В этом они схожи с франками, которые, пережив бургундцев, визиготов и ломбардов, основали Каролинскую империю на их руинах, которая была направлена на соединение германского настоящего с римским прошлым. Достижение тоба было подобным; объединив другие тюрко-монгольские государства на севере Китая, они окитаизировали их для слияния народа и династии с китайскими массами. Кроме того, их рвение к буддизму напоминает рвение меровингов и каролингов к христианству. Наконец, точно так, как франки назначили себя защитниками римских традиций против германских вторжений, так и

тоба установили свой “Взор на Рейн” на Желтую реку против монгольских орд, которые оставались как дикари в глубине своих родных степей. Предположительно в конце III в. н.э., как отмечалось, тюркские тоба обосновались на крайнем севере Шаньси в Татунском регионе. Тоба Кюй, предпримчивый вождь (386-409 гг.), принес большую удачу орде захватом у Моюнского Хоу-Ена сначала Цзиняна, наш Тайуань (396 г.), затем Чиншан, наш Тянчоу, юг Паотиня (397 г.) и, наконец, Е, наш Чанте (Аньян, 398 г.)¹³⁹. Он принял для своей семьи китайское династическое имя Вей и назначил постоянной столицей для своей орды Пингчен (Тай), восток Татуна. Таким образом, созданное Тобгачское царство Вей включало в себя Шаньси и Хопей до Желтой реки.

Тюркский тобгачский Китай был напуган новой волной варварских нашествий, жу-жуаней или, как китайцы пренебрежительно транскрибировали это имя, используя игру слов, как жуань-жуань, что означает “неприятно извивающиеся (кишащие) насекомые”. Они, согласно лингвистам, были настоящей монгольской ордой, как и древние сяньби, и некоторые предполагают, что они являлись родственными племенами. Около 402 г. Шо-Люен, один из их вождей, решил судьбу его народа разгромом соперника — Гаогюй, которые, как предполагают, находились близ Кобдо и Урунгу и, предположительно, представляли предков толачей и уйгурских тюрков. В то время жуань-жуаны властвовали во всем северном Гоби от Ляо на востоке, на корейской границе, и до верховьев Иртыша и подходов к Каравару на западе. Среди жуань-жуаньских правителей мы первый раз встречаем титулы “хан” и “каган”; они были монгольскими титулами, занявшими место древнего сюннского названия “шаньюй”, которое, согласно предположениям, было тюркским¹⁴⁰.

Столкнувшись с угрозой этой новой кочевой империи, тоба, или правители Вей Северного Китая, решились на наступление и проведение серии походов через Гоби. Тоба Гюй (386-409 гг.) показал пример удачной кампании, в которой жуань-жуаньский каган Шо-люен был отброшен обратно из великой петли Желтой реки (402 г.). Тоба Су (409-423 гг.), продолжая защищать подступы к Великой стене на севере, укрепил свои силы на юге захватом у национальной китайской империи большого города Лоуяня, со всей той частью Хонана, которая подчинялась ей (423 г.). Тоба Тао (423-452 гг.) сменил своего отца тоба Су и был сразу потревожен жуань-жуанями, которых он отразил (424 г.). В 425 г. он возглавил поход против них по направлению,

в котором пересек Гоби от юга до севера. Затем напал на другое варварское царство Ся, основанное в Шенъси холянским родом сюнну, и предпринял внезапную атаку на столицу или царскую ставку (Тунхван^{близ} Паоана в северной Шенъси, 427 г.), пока его командующие опустошали Чанган (426 г.). В 431 г. Холян был разрушен, и Шенъси была присоединена к владениям тоба. В 436 г. армия тоба Тао совершила подобный набег на царство Пей-ен (современный Жеколь), последние остатки Моюнских территорий, и завладела ими. В 439 г. тоба Тао предпринял захват государства Пей-Лян в Ганьсу (отнятой от Кутсая или Ханчоу). Царский дом Пей-Лян — хуннская семья, размещенная там с 397 г. и восходящая по отцовской линии к ту-ю, — переместились в Турфан, имея его в своем владении, и правили там с 442 г. по 460 г.

С присоединением Пей-Лянской территории тоба завершили захват всех тюрко-монгольских царств в Северном Китае¹⁴¹. Эти царства теперь составили часть большого (тюркского) владения тоба, царства Вей, как было названо на китайский манер. Единственное царство оставалось теперь отдельно от национальной китайской империи на юге, со столицей в Нанкине, как это было в Византии. В результате Римский мир в VIII в. был подобно разделен между франками, которые подчинили Запад, разрушив другие варварские государства, и Византийской империей, которая оставалась господином Европейского Востока.

Влияние этих нашествий на народы Центральной Азии было такого, что с этого времени Северный Китай был известен среди них как страна Тоба. Даже сами византийцы имели подобное имя для этого: табгач на тюркском языке, тамгаи на арабском языке, таугаст у средневековых греков¹⁴².

Объединив Северный Китай, тоба Тао возглавил большую конную экспедицию в Гоби против жуань-жуаней, которых он убил в больших количествах (429 г.). В 443 г. он повторил эту операцию с таким же успехом. В 445 г. армия тоба приняла ответные меры против Шаншана (Лоб Нор) для блокирования дорог, идущих с запада, и в 448 г. табгачский генерал Ван Ту-гей получил дань с Каравара и Куци. Тоба Тао совершил третий поход в Гоби в 449 г. для преследования жуань-жуаней.

История тоба или табгачских тюрков, которые властвовали над Северным Китаем в V в., является особенно интересной, потому что представляет собой отличный пример полуокитаизированной тюрко-монгольской орды,

которая сохранила свое естественное военное превосходство над китайцами и в то же время заимствовала у них организаторские способности, позволившие им обрести власть над все еще дикими ордами севера. Когда в 429 г. “табгачский” царь тоба Тао решил возглавить некоторые походы в восточную Гоби против монгольской жуань-жуаньской орды, несколько его советников указали ему на то, что китайцы в южном Нанкине могут получить преимущество от этого и совершил какое-нибудь диверсионное движение. На этот пункт его ответ был таков: “Китайцы — пешие солдаты, а мы на лошадях. Что может стадо жеребят и телят сделать против тигров или стаи волков? Что до Жуань-жуаней, они пасутся на севере во время лета; осенью они приходят на юг и зимой грабят наши границы. Мы имеем только одну атаку их летом на их пастбищах. В это время их кони бесполезны: жеребцы заняты кобылами, и кобылы с жеребятами. Если мы нападем на них там и выбьем всех из их пастбищ и от воды, то в пределах нескольких дней они будут все схвачены или уничтожены”.

Это двойное преимущество позже использовал чингисхановский Хубилай в отношении с Суньским Китаем и монголами Гайду, и первый Маньжу с китайскими восставшими и монголами. Но это двойное преимущество должно было быть своевременным; момент всегда наступал именно тогда, когда тоба, хубилаиды или маньчжу уже полностью окитаизировались. Впоследствии они были сначала разбиты ордами с севера, а затем уничтожены или абсорбированы китайцами. Таков основной ритм китайско-монгольской истории.

Тоба Тао был наиболее сильной личностью в этой энергичной тюркской семье, которая так храбро защищала древнюю китайскую цивилизацию от их все еще кочевых родичей. Он был человеком выдающейся храбости и нанес удар в сердце жуань-жуаней (они были противоположностью изнеженным китайским династиям), и те больше не решались тревожить границы. Таким образом, он положил конец великим нашествиям. Он впитал в себя часть китайской культуры, но отказался до конца окитаизироваться, чем предотвратил ослабление тюркского склада характера в своей орде. Он больше склонялся к перемене своих древних Пинченских стоянок близ Татунга на крайний север Шаньси на краю степи, нежели в исторические столицы древнего Китая, Лоуляна и Чангана, которые он захватил силой. Он оставался

также варваром, если соблюдал благоразумный тюрко-монгольский обычай, который требовал, чтобы перед вступлением на престол царя тоба мать нового правителя была предана смерти для избежания возникновения каких-либо амбиций, алчности или зависти со стороны будущей вдовы. Имея кочевой менталитет, он полностью не принимал буддизм, и здесь сантименты варварских воинов были укреплены противниками даосизма в его окружении. В 438 г. он приказал секуляризовать буддистских монахов и в 446 г. выпустил очередной указ, разрешающий их преследование.

Эти преследования (гонения) прекратились с восшествием на престол его внука тоба Суня, который сменил его после дворцового переворота (452–465 гг.). В буддистских пещерах Янкиня, близ Татунга, где художники работали с 414 г. по 520 г., прекраснейшие скульптуры и некоторые произведения, которые победили одаренное судьбой искусство Вей, датируются с времен этого правления¹⁴³. Религиозный пыл этих людей вдохновлял их создавать работы, наполненные таким глубоким мистицизмом от традиционных греко-буддистских форм, которые достигли их из Гандхары по Таримским дорогам, что они кажутся почти повторением римских и готических скульптур. В самом деле, более чем вероятно, что чисто китайские династии оставили их для свободного занятия мистическими техниками Индии из-за национальных предубеждений и конфуцианским классицизмом. Буддистские скульптуры, современные имперским династиям Нанкина, даже Лаянской династии, являются свободными от любого такого рвения, страсти. Благодаря варварскому происхождению, которое имели тоба (как и франки), существовала возможность создавать такие произведения в Янкане и позже в Лунмене, и это, возможно, один из наиболее неожиданных результатов захвата древнего Китая кочевниками степей. В добавление, великие нашествия Запада в V в., когда варварское общество попало под влияние христианства, способствовали средневековому расцвету. Великие нашествия Востока в IV в. имели подобный результат, хотя намного быстрее; не более чем через сто лет Вейский Китай абсорбировал достаточно буддистской религии для создания великих скульптур Яндана и Лунмена.

Несколько лет прошло до того, как тюркская энергия тоба стала уменьшаться под китайским влиянием и их обращением в буддизм. В период правления тоба Суня (452–465 гг.) тоба оккупировали оазис Хами (456 г.) и предприняли поход против жуань-жуаней в Гоби (458 г.). Жуань-жуани на их

части оккупированного Турфана сместили династию Цу-гю и заменили ее вассальной семьей (460 г.). При правлении тоба Хуна (465–471 гг.) табгачи одержали победу в китайской национальной империи на юге: Пинчен (Шиншен в Кянсу) был взят в 466 г., в 467 г. был захвачен бассейн Хвай, в 469 г. — Шантунь. В 470 г. тоба разбили Ту-ю-ен, сяньбийскую орду, которая обосновалась в Кукуноре с начала века.

Тоба Хун был так предан буддизму, что в 471 г. отрекся от престола в пользу своего юного сына, для того, чтобы стать монахом. Его сын, тоба Хун II¹⁴⁴ (471–499 гг.), по достижении совершеннолетия стал склоняться к буддизму, и под его влиянием выпустил более гуманное законодательство. В 494 г. он завершил окитаизацию тоба перемещением своей столицы из Пинченга в Лоулян¹⁴⁵, и это было именно в то время, когда по его инициативе начались работы по отправлению церковных служб буддистских подземелий (часовен) Лонменя, юг Лоуляна. Скульптуры из этих подземелий были выполнены в разное время в период 494–759 гг. Но в свободной адаптации к китайской культуре и буддистской вере тоба утратили стойкость, воинские качества своих тюркских предков. Их попытки завершить объединение Китая под своей властью подчинением национальной империи на юге окончились неудачей. Царь тоба Гао (499–515 гг.) предпринял одну из последних попыток, но его генералы не смогли форсировать реку Хвай, которая являлась границей между двумя империями, и за которой имперский форт Чунли (Феньян в Анвей) отразил все нападения (507 г.).

После смерти тоба Гао в 515 г., его вдова, императрица Ху, правила над территориями Тоба до 528 г. Этот потомок древних табгачей был последним звеном династии для проявления древней тюркской силы. Она была женщиной исключительной энергичности, кровожадности, и жаждой власти, хотя и благоволила буддизму. Она добавила к украшению Луньменя храмы и послала буддистского паломника Сунь Ена с миссией в северо-западную Индию; он оставил интересный отчет о государствах Центральной Азии того периода. Сунь Ен пошел по Шаншаньской дороге (Лоб Нор), Хотан, Памир и посетил хана тюрков-эфталитов в Бадахшане. Затем вошел в Угдиану и Гандара (нижний Кабул), откуда принес своей правительнице буддистские документы, которые заинтересовали ее (518–521 гг.)¹⁴⁶.

Тоба были теперь китайцами со своими собственными дворцовыми переворотами, семейными раздорами и гражданскими войнами. В 534 г. они разделились на две ветви: восточ-

ную Вей (Тун-Вей), которая владела Хопеем, Шаньси, Шантунем и Хонаном, со столицей в Чантене (534-550 гг.); и западную Вей (Си-Вей), которая имела Шеньси и Ганьсу, со столицей в Чангане (534-557 гг.). Оба государя были свергнуты их собственными министрами и произошло обоснование династии Пей-Чи (550-577 гг.) в Чантене, в местечке восточной Вей, пока западная Вей была смешена династией Пей-Чоу (557-581 гг.) в Чангане. Но эти императорские дома, став китайскими, были не больше чем частью степной истории. Интересной эту историю делает тот факт, что произошло постепенное ослабление тюркской силы, явно сказавшееся среди табгаческих правителей, их растворение и потопление в китайских массах. Этот пример повторится через века с киданями, джурчидами, чингизидами и маньчжурами. Влияние буддизма играло такую же большую роль в смягчающем процессе среди тоба, как и среди чингизидов, и позже среди хакассов. Эти свирепые воины, однажды прикоснувшись к изяществу бодхисаттвы, становились такими чувствительными к гуманитарным наставлениям и заповедям сраман, что не только утрачивали присущий им воинственный дух, но даже не заботились о собственной защите.

ПОЗДНЯЯ МИНУСИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Оставив этих полностью окитаизировавшихся тюрков с их собственным уделом, вернемся к кочевым племенам в азиатские степи. В связи с тоба мы говорили о монгольском племени жуань-жуаней, которые на протяжении V в. и первой половины VI в. правили во Внешней Монголии. Все, что мы знаем о них, получено только из китайских источников Вей и династии Сю, и прежде чем дискутировать об их цивилизации, необходимо дождаться систематических раскопок в их древних владениях. А пока следует отметить, что далеко к северо-западу от их территорий расцветала новая культура примерно в этот период на Енисее в Сибири, вокруг Минусинска. Эта культура, известная под названием “Кочевые Всадники”, оставила после себя бронзовые украшения, поясные пластины, пряжки, седла, а также стремена, кинжалы, ножи, сабли, топоры, копья и т.д. Все это в довольно большом количестве представлено в Минусинском музее, а также в Хельсинки (Коллекция Товостина)¹⁴⁷. Эта культура существовала одновременно с

культурой жуань-жуаней и может быть пережила их на некоторое время: в деревне Тюшта она ассоциируется с китайскими монетами начала периода Тан (VII в.), и скорее всего, не закончилась до IX в. Это представляет определенный интерес, и Нандор Феттих отмечал присутствие поразительных сходств с аварской культурой в Венгрии в VI-VIII вв., также сproto-венгерской или леведийской культурой IX в.¹⁴⁸ Это может не быть ценным аргументом для признания жуань-жуаней как прямых предков аваров Европы, однако является доказательством того, что эти два народа тяготели к одному культурному центру.

После жуань-жуаней следует рассмотреть родственные орды, такие как эфталиты, которые в тот же период были хозяевами Туркестана.

ХУННЫ-ЭФТАЛИТЫ

Хунны-эфталиты были тюрко-монгольской ордой; в этом случае, вероятно, более монголами, чем тюрками¹⁴⁹ и происходили согласно Сунь Юну, из Киншанских высот, т.е. с Алтая, откуда они спустились в степи современного Русского Туркестана. Их имя, данное византийскими историками как эфталиты, хаятелиты персидским историком Мирхондом, и Е-тай историками Китая, вероятно пошло от имени царского клана Эфта или Е-та¹⁵⁰. Византийские историки знали их также по имени “Белые Хунны”.

В начале V в. н.э. эфталиты были не более чем подчиненная орда, вассал монгольских жуань-жуаней, которые правили в Монголии. Во второй четверти V в. они приобрели значительную важность, расширив свои владения в западном направлении. Их власть простиралась от верховья Юлдуза на востоке (северо-запад Каравара) через бассейн Или до Балхаша, по степям Чу и Таласа и региона Сырдарьи, до Аральского моря. Согласно некоторым источникам, одна из ханских ставок находилась возле Таласского города. Около 440 г. они также оккупировали Согдиану (Самарканда) и, по-видимому, страну Балх, Бактрию или Тохаристан.

Некоторые востоковеды, особенно Ноельдек, склонны к тому, что во время правления царя Бахрама Гора в Персии (420-438 гг.) эфталиты расселились в Бактрии. Они даже полагают, что те захватили Сасанидскую провинцию Хорасана, откуда Бахрам Гор изгнал их обратно в ходе сражения у Кусмехана близ Мерва. Маркварт, с другой стороны, верит,

что Бахрам Гор и его преемник Иездегерд II (438–457 гг.) защищались не от эфталитской агрессии, а от хионитов, другого хуннского племени, которые вели кочевой образ жизни на севере Мерва¹⁵¹. Однако, несомненно, что это были эфталиты, которые во время правления Сасанидского царя Пероза (459–484 гг.) атаковали Хорасан, и, в конечном счете, убили этого монарха. Победитель — эфталитский вождь — был известен арабо-персидским историкам под именем Ахшунвар или Ахшунваз, близким к согдианскому титулу “Хшеван” или царь¹⁵².

После победы над царем Перозом эфталиты оккупировали не только пограничные районы Талехана (западный Талехан, между Балхом и Мервом), который до этого был пограничным городом Сасанидской империи на северо-западе, но также Мерв и Герат¹⁵³. Кроме того, они участвовали в дворцовых интригах Персидской Сасанидской династии. Это было тогда, когда сасанидский Кавад, свергнутый с трона Ктезифона, нашел у них убежище, женился на племяннице их хана и получил армию, с помощью которой вернул себе трон (489 г. или 499 г.). Эфталиты стали достаточно сильными для того, чтобы с ними считалась Средняя Азия. Лян Шу описывает посольство, которое было отправлено к китайскому императорскому двору в Нанкине царем эфталитов “Ие-тай-и-ли-то”.

Несмотря на поражение царя Пероза, Сасанидская Персия была хорошо защищена от эфталитов, которые намеревались захватить ее. Они повернули в юго-восточном направлении, на Кабул. Там первой реакцией на их появление явилось свержение Кушанской империи около середины V в. другим племенем тохарского или юечжи происхождения из Бактрии. Иранские источники говорят о “Кидаратской” династии, основанной приблизительно на юге Окса, между Балхом и Мервом¹⁵⁴, которая вела войну с сасанидами. Согласно этим источникам, Сасанидский Пероз (459–484 гг.) — тот, который погиб под ударами эфталитов, воевал с кидаратскими вождями: первый дал имя своей династии — Кидара и его сын Кунказ (Кунгаз). Это было после поражения, нанесенного ему Перозом, когда Кунгаз намеревался сохранить левую Бактрию, которую сразу захватили, прошел через Гиндукуш, вошел в Кабул, где сверг последних Кушанских правителей¹⁵⁵. В китайских источниках, в которых информация датируется 436–451 гг., записано, что “царь Юечжи” из “По-ло”, которое здесь, без сомнения, обозначает Тохара в Балхе, только что покинул Бактрию под натиском эфтали-

тов и переместился в Гандара, где он остановился в Пешаваре, подчинив под своей властью своих кузенов юечжи в Кабуле: т.е. последних кушанов. Китайцы зовут этого царя Ки-то-ло, который соответствует прямо нашему Кидара¹⁵⁶. Скорее всего это были эфталиты, нежели сасаниды, кто заставил Кидарата покинуть Бактрию и искать убежища в Кабуле. Кидарат, однако, вскоре подвергнулся преследованию со стороны эфталитов, которые, не теряя времени, пересекли Гиндукуш по той же дороге. Таким образом, вся древняя территория юечжи — Бактрия, Кабул и Кандагар — перешла в руки эфталитов. В добавление, с высот Кабульской долины авангард эфталитов прошел дальше, как это сделали до них кушаны, для захвата Индии.

Большая часть Индии — весь бассейн Ганги, Мальва, Гуджарат и северный Деккан — составляли в то время огромную империю коренной династии императоров Гупта. Эта династия достигла своего пика при правлении Кумарамагупты (ок. 414-455 гг.), после которого правил его сын Скандагупта (ок. 455-470 гг.). В последние годы правления Кумарамагупты и начала правления Скандагупты, эфталитские хунны, известные индусам по санскритской транскрипции “хуна”, захватив Кабул, спустились в Пенджаб и были вскоре остановлены напротив границ царства Гупта, недалеко от Доаба или Мальвы. В этом случае они были отражены Скандагуптой вскоре после его воцарения или немного раньше¹⁵⁷. Если раньше, то начало его правления могло совпасть со вторым хунским нашествием, которое было также отражено. После этого, как свидетельствует надпись 460 г., страна находилась в состоянии мира.

Тем временем эфталиты твердо закрепились на двух берегах Гиндукуша, в Бактрии и Кабуле. В 520 г. во время паломничества Сунь Юна, их хан жил на севере Гиндукуша, кочуя по сезону из Бактрии, где он проводил зиму, в Бадахшан, его летнюю резиденцию. В Кабуле в древней греко-буддистской провинции Каписа и Гандахара, разместился второстепенный эфталитский вождь — тегин, основавший там династию, которой второй монарх правил в 520 г. Здесь среди высокой культуры Гандахара, в которой эллинизм совместно с буддизмом объединили новую Элладу и Буддистскую святую землю, эфталиты вели себя как варвары, убивая жителей и в особенности уничтожая буддистские общины, грабя монастыри и произведения искусства, повергая в руины прекрасную греко-буддистскую цивилизацию, которая насчитывала пять веков. Персидские¹⁵⁸ и

китайские тексты единодушны между собой в описаниях тирании и вандализма этой орды.

В Пей-ши и истории, изложенной Сюнь Юном, который в 520 г. посетил сначала их хана в его летней ставке в Бадахшане, и позже тегина Гандахара, все эти хунны описаны как чистые кочевники: “Они не жили в городах; местонахождением их государства является кочевой лагерь. Их жилища из войлока. Они движутся в поисках воды и пастбищ, путешествуя летом в прохладные места, а зимой в теплые. Большой войлочный шатер является избранным для их царя, измеряемый в 40 футов в длину; внутри стены увешаны шерстяными коврами. Одежда их царя украшена шелковым орнаментом. И он восседает на золотом троне, ножки которого исполнены в форме четырех золотых фениксов. Его главная жена носит халат (плащ), также орнаментированный шелком, который лежит на земле три фута длиной. На голову она одевает корону 8 футов длиной, украшенную изысканными камнями пяти цветов”¹⁵⁹. Сунь Юн также отмечает эфталитские обычаи передавать жену по наследству и их враждебность буддизму. “Они не имеют веры в законы Буддизма и держат большое количество богословов. Они убивают все живое и едят мясо с кровью”. По свидетельству Сюан-цзяня, эфталиты вырезали до двух третей населения Гандарана, обратив оставшихся в рабство, и разрушили большинство буддистских монастырей¹⁶⁰.

От Кабула эфталиты обратили свои взоры на богатства Индии. Отброшенные назад индийским императором Скандагуптой, они стали выжидать время. Удобный случай представился, когда после смерти Скандагупты (ок. 470 г.) Индия пришла в упадок. Это явилось результатом разделения страны между двумя ветвями династии Гупта, одна правила в Мальве в лице Буддхагупты (ок. 476-494 гг.) и Бханугупты (ок. 499-543 гг.), другая — над Бихаром и Бенгалией, где Прагупта и Нарасимагупта успешно держали власть. Имея выгоду от этого ослабления династии Гупта, хунны продолжили свои нашествия на Индию. Хуннский вождь, который возглавлял их, и который известен в индийской литературе под именем Торамана (умер в 503 г.), не был ханом эфталитов, как об этом иногда спорят. Хан, как мы видели, жил на севере Гиндукуша, в Бактрии и Бадахшане. Этот человек был второстепенным принцем или тегином; без сомнения, кабульский тегин. Три надписи, найденные в Хевре (северо-восток Панджаба), в Гвалиоре и в Еране, доказывают, что он захватил не только бассейн

Инда, но и Мальву. Его монеты являются имитацией тех, на которых изображен индийский император Будхагупта, его современник¹⁶¹. Михиракула, сын Торамана и его преемник (известен только под его хвалебным индийским именем “Путь Солнца” в классическом санскрите), который, по-видимому, правил в своей орде с 502 г. до 530 г., был на самом деле индийским Атиллой. Он установил свою резиденцию в Сиалкоте в восточном Панджабе, и должен был быть тем гандахарским тегином, которого китайский паломник Сунь Юн встретил в 520 г. После завоевания Кашмира Михиракула вернулся в Гандахару, где совершил страшные зверства. Буддистский писатель описывает его как ужасного преследователя их религии. Суань-цан говорит, что Гуптский правитель Магадхи или Бихара, по имени Баладиту (возможно, идентично с Нарасимхагуптой, упомянутым выше), был единственным, кто отважился противостоять ему. Михиракула продвинулся в район Ганги в поиске своего противника. Сначала Баладиту заявил о своем отступлении, затем, внезапно напав, он, по-видимому, разбил и даже схватил его. Рассказ представлен как поучительная история. Имеющаяся надпись Ерана, в Мальве, датируемая 510 г., которая перечисляет победы Бханагупты — другого Гуптского принца, дает все основания полагать, что эти победы тоже были одержаны над эфталитами. В 533 г. третий индийский принц Ясадхарман, предполагается, что он был членом династии раджей Мандасура в Мальве, хвастается в своих надписях о захвате хуннов и о том, что заставил Михиракулу платить ему дань¹⁶². После этих поражений Михиракула отступил в Кашмир, где по неизвестной причине обрушил ужасную месть на гандахарских подданных, как это было описано китайскими паломниками. Буддистские тексты утверждают, что наказанием за его зверства была ужасная смерть.

Нам не известно, что стало с хуннскими родами, расположенными в Панджабе, после кончины Михиракулы. Они продолжали быть беспокойными, если не опасными, соседями для махараджи Прабхакара в Тханесаре¹⁶³ во второй половине VI в. (умер в 605 г.), завоевавшего признание народа, сражаясь с ними. Борьбу с ними продолжили: в 605 г. его старший сын Раджьявардхана и их преемник — великий индийский император Харша (606-647 гг.), воспетый поэтами за его победы над хуннами. Уже со второй половины VII в. хунны Индии исчезли из истории. Без сомнения, они были истреблены или абсорбированы панд-

жабцами. Некоторые из их родов, более вероятно, получили признание аристократии хинду, в манере клана “Раджпут” в Гурьяре, который имел подобное происхождение.

ХУННЫ В ЕВРОПЕ: АТИЛЛА

С 35 г. до н.э. мы потеряли следы западных сюнну. Это было тогда, когда Че-Че, инакомыслящий (диссидент) шаньюй, ушедший с несколькими хуннскими племенами Верхней Монголии в степи на севере Арала и озера Балхаш, был настигнут и убит китайскими войсками. Потомки племен, которых он привел в этот регион, остались там на века; но, так как они не имели цивилизованных соседей, которые могли записать их действия и основные события, то ничего не известно об их истории. До IV в. н.э. мы вновь услышим о них, когда их приход в Европу обусловил контакт с римским миром¹⁶⁴. Русские степи на севере Черного моря были захвачены в III в. до н.э. сарматами, которые сменили скифов и которые, как и они, принадлежали к северной ветви иранской расы. Большая часть их была кочевниками, перемещавшимися между низовьем Волги и Днестра. Некоторые сарматские племена развивались автономно. Среди них были: кочевые терекские аланы, которые кочевали до Кубани; роксоланы, которые с 62 г. н.э. основались на западе низовья Дона; и джазиги, которые в 50 г. н.э. захватили равнину между Тисой и Дунаем, что находились между Даками и римской провинцией Паннонией в сердце современной Венгрии¹⁶⁵. Сарматы были отделены от Римской империи, даже после присоединения Траяном Дакии (106 г.), бастарнайми — это восточный германский народ, который в 200 г. спустился к Днестру по дороге северных склонов Карпат до устья реки: движение, которое представлено первым известным Германским Drang nach Osten. Около 200 г. н.э. новый германский удар с низовьев Вистулы (это готы, которые произошли в Швеции) потревожил сарматское спокойствие на равнинах южной России. В 230 г. готы достигли границ их миграций и атаковали римский город Ольбия на Черном море.

Южная Россия была разделена в то время между готами на западе низовья Днепра и сарматами (аланами и другими) на востоке той же реки. Крым, на другой стороне, был все еще греко-римской областью в вассальной зависимости у цезарей. Сами готы были разделены на остроготов (между

низовьем Дона и низовьем Днестра) и визиготов (от низовья Днестра до Дуная). Третье племя готов, гепиды, захватили Дакию после их изгнания императором Аврелианом в 270 г. Это период готических захоронений Черняковской на юге Киева и в Николаевке близ Херсона на низовье Днепра (III век), а также период на сарматской стороне Кубанского могильника (Тбилисская, Воздвиженское, Армавир и Ярославская) с пластинами и пряжками, характерными для сарматского искусства. На севере, в лесах восточной и центральной России, в то время населенной, без сомнения, финно-угорскими народами, сарматское влияние все еще проявляется в культуре Пянобора в Казани (ок. 100-300 гг. или 400 г.), местный наследник Ананьевской культуры. Далее на запад Калужская группа обнаруживает кости германо-римского типа (III и IV вв.). Такой была этническая и культурная ситуация в южной России, когда прибыли хунны.

По какой причине хунны — потомки западных сюнну — покинули степи на севере Аральского моря и вошли в Европу, неизвестно. Около 374 г., перейдя низовье Волги, они под управлением вождя, которого Иордан называет Баламир или Баламбер, перешли Дон; разбили и покорили аланов на Тереке и в Кубани и атаковали на западе Днепра остроготов, старого короля Эрманариха, которого они разбили, тот в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Витимир, преемник Эрманариха, был также разбит и убит. Большинство остроготов подчинились хуннам, в то время как визиготы, убежавшие от нашествия, перешли Дунай и вошли в Романскую империю (376 г.). Большинство аланов Кубани и Терека были одновременно принуждены к повиновению хуннам и остались на земле, где почти в X в. они были обращены в Византийское христианство. Они были предками современных осетин. Другие аланы ушли на Запад и соединились с западными германцами в великих нашествиях. Некоторые из этих племен расселились в Гале на низовье盧ары¹⁶⁶, другие вошли в Испанию, смешались с сувами в Испанской Галиции или с визиготами, образовав составной этнический элемент, который мог, предположительно, дать Каталонии (“Гот-Алан”) свое имя.

Ужас, принесенный хуннским нашествием в римский и германский мир, был хорошо отражен Аммианом Марцелином и Иорданом. “Хуны, — пишет Аммиан, — превосходили все, что может воображаться под дикостью и варварством. Они резали щеки своих детей, чтобы препят-

ствовать росту бороды. Их коренастые тела, огромные руки и непропорционально большая голова придавали им вид монстров. Они жили как звери. Они никогда не готовили, не приправляли свою еду; они жили на диких корнях и мясе, подложенным под седло для смягчения. Они игнорировали использование плуга и укрепленных жилищ, домов или лачуг. Вечно кочуя, они были приучены с детства к холodu, голоду и жажде. Их стада следуют за ними повсюду, с несколькими животными, используемых для перевозки крытых повозок, в которых живут их семьи. Здесь их женщины пряли и шили одежду, рожали детей, и доводили их до половой зрелости. Если вы спросите этих людей, откуда они пришли и где они родились, то они не смогут вам ответить. Их одежда состояла из льняной туники и плаща из сшитых вместе крысиных шкур. Туника, которая была темного цвета, носилась до тех пор, пока сама не сваливалась с их тел. Они никогда не меняли ее до тех пор, когда она сама не разваливалась на куски. Шлем или шапка находилась на затылке и бурдюки кружились вокруг их волосатых ног, завершая их наряд. Их обувь, вырезанная без мерки и формы, не давала им ходить свободно: таким образом, они полностью не подходили для того, чтобы воевать пешими. В седле они казались прикованными к их маленьким уродливым лошадям, которые неутомимы и быстры как молнии. Они проводили свою жизнь на спине лошади, иногда верхом, иногда в стороне, как женщины. Они так проводят свои сборища; они покупают и продают, пьют и едят, даже спят, лежа на шее их коней. В сражении внезапно налетают на врага, издавая ужасающие звуки. Когда они рассыпаются, то только для возвращения с такой же скоростью, уничтожая и сокрушая все, что попадется у них на пути. Они не имеют понятия о том, как взять укрепленную позицию или укрепленный лагерь. Ничто не может сравниться с их умением, с которым — с огромных дистанций — они стреляют своими стрелами, которые с костяным наконечником так же смертельны, как и железные стрелы”¹⁶⁷.

Сидон Аполлинарий, который считает хуннский физический тип преднамеренно сформированным в детстве, говорит с не меньшим ужасом об этих *brachycephalic* людях с их плоскими носами, высокими скулами и глазами, тонувшими в их впадинах как в пещерах. Орлиные глазаnomадов, привыкшие смотреть на обширные просторы и разглядывать стада оленей или диких лошадей на далеком горизонте степей. У этого автора есть прекрасный стих, изображающий

вечных всадников степей: “Ниже среднего роста, когда стоят, хунны могущественны, когда сядут на своих коней!”

Интересно сравнить этот портрет с одним, оставленным китайскими историками о сюнну, которые по типу и образу жизни идентичны, а также с подобным портретом монголов XIII в., которые пришли с Китая и Христианского мира. Степные люди хунны, тюрки или монголы — люди с большими головами, сильным телом, короткими ногами, всегда кочующиеnomады, “конные лучники” из Азии, бродившие вдоль краев обрабатываемой земли — почти не изменились в походах XV в. против оседлых цивилизаций.

Подчинение аланов и остроготов и массовый отход визиготов сделали хуннов господами на огромных равнинах между Уральскими горами и Карпатами, Карпатскими переходами или Валачанскими долинами. Следующей они оккупировали равнину Венгрии, где гепиды стали их подданными и откуда они растянулись дальше до правого берега Дуная (405–406 гг.). В это время они разделились на три орды с тремя вождями, братьями Руем, Мундзуком и Октаром, которые около 425 г. одновременно правили. В 343 г. эти орды были управляемы двумя сыновьями Мундзука, Бледой и Атиллой, первый вскоре был смешен последним.

Затем Атилла начал свои нашествия. В 441 г. он объявил войну Восточной Европе. Пересек Дунай, перешел сербскую реку Мораву, взял Няссу (Нис), вторгся в Филиппополь (Пловдив) и опустошил Фракию до Аркадиополя (Лулебургаз), который он разграбил. В 448 г. империя уступила ему пролив на юге Дуная, растянувшийся в длине от современного Белграда до современного Свиштова, и в ширине до Нисы.

В январе-феврале 451 г., собрав свою армию на равнине Венгрии, Атилла пошел на Гаул, объединившись с германскими народами на правом берегу Рейна. После перехода Рейна, он атаковал ту часть Гаула, которая все еще принадлежала римлянам, управляемая римским патрицием Аэцием. Седьмого апреля он сжег Метц и осадил Орлеан. В июне 14 числа Орлеан был спасен прибытием римской армии под командованием Аэция и армии визиготов под королем Теодориком. Атилла отступил по направлению к Трое. На западе Трои, на Campus Mauriacus, он был остановлен римлянами и визиготами в тяжелой и решающей битве, которая тем не менее спасла Запад (конец июня 451 г.).

После этой остановки Атилла вернулся на Дунай, где он провел зиму. Весной 452 г. он вторгся в Италию, но

потерял очень много времени при осаде Аквелии, которую в конце ослабил и разрушил. Он также взял Милан и Павию и заявил о своем намерении идти походом на Рим, откуда Император Валентиниан III только что сбежал. Однако, вместо того, чтобы идти на столицу мира, он позволил епископу Рима, святому Лео Великому, отговорить себя от этого похода (6 июля 451 г.), пообещав ему дань и руку Гонории, дочери Цезаря. После Атилла вернулся в Паннонию и там умер в 453 г.

Иордан оставил нам поразительный портрет Атиллы. Он был типичный хунн: короткий, широкоплечий, с большой головой, маленькими глубоко посаженными глазами и плоским носом. Он был смуглый, почти чернокожий, и носил редкую бороду. Ужасным в его походах было то, что он использовал страх, который он вселял, как политическое оружие. В самом деле, у него был некоторый элемент расчета и хитрости, как у сюннских завоевателей Шести Династий, как описывали китайские историки. Его заявления с преднамеренным акцентом и мрачными угрозами были стратегическими подготовительными мероприятиями; его систематическое разрушение (Аквелия, разрушенная до основания, никогда больше не восстановилась) и устроенная им массовая резня явилось уроком для его противников. Иордан и Приск показывают его в разных моментах как справедливого и неподкупного судью среди своих людей, щедрый для своих подчиненных, мягкий для тех, кто искренне служил ему, и живший простой жизнью среди варварских богатств своих молодцов, используя деревянные тарелки, когда остальные ели из золотых блюд. К этим характеристикам можно добавить другие, которые содержатся в тех же источниках: он был глубоко религиозным, с легковерностью дикаря в своих шаманов, и его пристрастие к выпивке было причиной пиров, оканчивавшихся пьяными оргиями. Он заботился об окружении себя греческими министрами и писцами, таких как: Онегис, римский Орест, германец Эдеко. Помимо всего, весьма любопытной особенностью этого предводителя орд было частое использование хитрости и политической тактики в предпочтение войне. В самой войне он был больше похож на малоизвестного капитана, нежели на лидера народа. Со всем этим уживалась его необычная жажда законности, которая управляла им в поиске дипломатических предложений, оправдывающих его действия, в согласии с формальной практикой, так что он мог в любом случае доказать свою

правоту. Эти черты напоминают другого основателя кочевой империи, другого сына степей — Чингисхана¹⁶⁸.

Как империя Чингисхана вела под своими знаменами не только монгольских номадов, но и тюрков, и тунгусов из Высокой Азии (High Asia), так и империя Атиллы со своим хуннским (вполне вероятно, тюркским) центром абсорбировала и повела за собой сарматов, аланов, остроготов, гепидов и других, разбросанных между Уральскими горами и Рейном. В этом была их слабость. После внезапной смерти в 453 г. его разнородная империя распалась. Остроготы и гепиды немедленно восстали и разбили хуннов в великой битве в Паннонии, в которой был убит старший сын Атиллы Эллиас (454 г.).

Хуны, возглавляемые сыном Атиллы по имени Денгизих или Дингизих, отступили по направлению к русским степям. Другие его сыновья требовали земли у римлян, которые четвертовали одного из них, Эрнака, в Доброге (или Добруя), а двух других, Эмнедзара и Узиндура, убили в Месии. Денгизих снова поднял хуннов на Восточную Империю близ низовьев Дуная, но был разбит и убит. Его голова — голова сына Атиллы — была выставлена в 468 г. в Константинополе посреди цирка.

Другие хуннские кланы на севере Черного моря разделились на две орды: кутригурских хуннов, которые жили кочевой жизнью на северо-западе Азовского моря, и утургуротов или утригурских хуннов в устье Дона. Эти две орды быстро стали врагами, их ссоры были тайно раздутьы византийской дипломатией. Около 545 г. император Юстиниан подстрекал Сандилха, правителя утургуротов для того, чтобы начать поход против орды своего противника. Кутригуры были уничтожены Сандилхом (548 г.), но позже поднялись под своим королем Заберганом (или Замерганом) и попытались отомстить за поддержку, оказанную Юстинианом своим врагам. Во время зимы 558-559 гг. Заберган и его орда пересекли замерзший Дунай и внезапно появились под стенами Константинополя. Но Белизар отстоял столицу, и Заберган вернулся в Донские степи, где обрушился на Сандилха. Братоубийственная беспощадная война между двумя хуннскими ордами вспыхнула снова и продолжалась до тех пор, когда третья орда (авары пришли из Азии) разбила эти две орды и взяла в свои владения русские степи. Это новое нашествие было последствием волнений в Центральной Азии, повлекшим за собой появление ту-ю, или исторических тюрков.

Средние века: ту-гю, уйгуры и кидани

Глава 2

ИМПЕРИЯ ТУ-ГЮ

В 540 г. империя степей существовала в виде трех огромных тюрко-монгольских владений. Жуань-жуани, которые, по-видимому, относились к монгольской ветви, правили в Монголии от Маньчжурских границ до Турфана (даже, без сомнения, до восточных окраин озера Балхаш) и от Орхона до Великой стены. Эфталиты, очевидно, тоже монгольский народ, доминировали над современным Семиречьем, Русским Туркестаном, Согдианой, восточным Ираном и Кабулом, от верховья Юлдуза (север Карабара) до Мерва, от озера Балхаш и Аральского моря до сердца Афганистана и Пенджаба. Эфталиты и жуань-жуани были союзниками. Okolo 520 г. эфталитский хан женился на родственнице жуань-жуаньского хана Анахуана. Жуань-жуани, хозяева в своей родной Монголии, даже имели определенную власть над эфталитами, которые контролировали юго-западные границы. Наконец, как было только что отмечено, хунны Европы, которые были, без сомнения, тюркской ветви, держали в своей власти русскую степь в районе, примыкающем к Азовскому морю, и устья Дона, хотя соперничество кутригуров (на западе) и утургиров (на востоке) разрушило их власть.

Среди вассалов жуань-жуаней, как говорят китайцы, были ту-ю, тюркское племя, которое дало свое имя всей группе народов, говорящих на одном языке. Пельо говорит, что “китайское имя Ту-ю должно представлять монгольское (жуань-жуаньское) множественное число от “Тюркют”, в единственном числе — “Тюрк”. Дословно, это означает “сильный”¹. Согласно китайским источникам, тотемом ту-ю был волк². Они были потомками древних сюнну — это факт, подтвержденный прото-тюркским характером, приписываемым хуннам Пельо. В начале VI в. ту-ю населяли Алтайский район, где они занимались металлообработкой: “ремесло кузнецов”. Власть жуань-жуаней была

ослаблена гражданской войной, которая в 520 г. внесла раздор между их каганом Анахуанем и его дядей Поломеном, правителями восточной и западной ордами соответственно.

Анахуаню (522–552 гг.), как оставшемуся господину каганата, пришлось подавлять неповинование вассальных тюркских племен. В 508 г. одно из этих племен — гаогой — сейчас их идентифицируют с толосами или толачами, кочевниками, обитавшими на юге Алтая близ Урангу, и, по-видимому, предки уйголов, — разбили жуань-жуаней. В 516 г., однако, жуань-жуани убили царя гаогой и заставили их племя подчиниться. В 521 г. гаогой предприняли неудачную попытку использовать гражданский раздор среди жуань-жуаней с целью возвращения себе свободы. Вскоре, перед 546 г., планируя новое восстание, они были задержаны ту-ю, которые, хотя были с ними из одного рода, но сослужили верную службу общему господину — жуань-жуаньскому хану Анахуаню, предупредив его о заговоре. В награду за эту службу вождь ту-ю, который известен под своим тюркским именем Бумын и в китайской транскрипции Тумен, потребовал в жены жуань-жуаньскую принцессу³. Анахуань отказался. Тогда Бумын вошел в союз с династией Хси-Вей Тобасской ветви, наиболее вероятно, тюркской, в то время правившей в Чангане на северо-востоке Китая. Хотя и полностью окитаизированные, тоба смогли сохранить чувство родства с тюркским обществом. В любом случае, они должны быть рады альянсу, который давал возможность им для восстания против их старых врагов, жуань-жуаньских монголов, и они отдали за Бумына одну из своих принцесс в жены (551 г.). Имея, таким образом, окруженных жуань-жуаньских монголов, Бумын полностью разбил их и заставил Анахуаня, их кагана, покончить жизнь самоубийством (552 г.) Уцелевшие жуань-жуани оставили Монголию ту-ю и нашли убежище на китайской границе, где двор Пей-Чи, преемники Тун-Вей, поставили их как гвардейцев на границах⁴.

Таким образом, древняя имперская территория Монголии перешла от жуань-жуаней к ту-ю, или от монголов к тюркам. Бумын присвоил себе имперский титул кагана⁵. Расположение новой империи оставалось на верховье Орхона, в том горном регионе, который, со времен древних сюнну до Чингисхана, был так часто избиаем ордами как командный пункт⁶.

Бумын-каган, тюркский герой, ненадолго пережил свой триумф (552 г.). После смерти его владения были разде-

лены. Его сын Мухань получил Монголию и имперский титул (553-572 гг.). Таким образом, был основан каганат восточных ту-гю. Младший брат Бумына Истеми (по-туркски) или Ши-те-ми (в китайской транскрипции) наследовал титул ябгу, вместе с Джунгарией, страной Черного Иртыша и Имиля, и бассейны Юлдуза, Или, Чу и Таласа. Таким образом, был основан каганат западных ту-гю⁷.

Вождь западной группы, Истеми, столкнулся в Таласе с эфталитами с целью захватить их с тыла. Он заключил договор с их вечными врагами, персами, в то время управляемыми Хосроем I Ануширваном, величайшим государем Сасанидской династии. Истеми закрепил договор, женившись на одной из дочерей Хосрова. Атакуемые на севере тюрками и на юго-западе сасанидами, эфталиты были разбиты и исчезли (ок. 565 г.). Часть их (номады, обитавшие в Аральском регионе на северо-востоке) бежали на Запад; и это могли быть остатки жуань-жуаней, которые под именем орхонитов и аваров основали новый монгольский каганат в Венгрии⁸. В следующий период орда, ушедшая из Азии и известная греческим и латинским историкам под именем аваров, беспокоила Византийскую империю и Германский Запад, до их уничтожения Чарлеманом.

Эфталитские владения были разделены между западными ту-гю и сасанидами. Тюркский вождь Истеми взял Согдиану, пока Хосрой I Ануширван завладел Бактрией, тетта *ītredenta* Иранизма. Между 565 г. и 568 г. Бактрия, таким образом, была возвращена Сасанидской империи. Возвращение, однако, было кратковременным для ту-гю. Вскоре были захвачены Балх и Кундуз, т.е. та же самая Бактрия, у сасанидов, их прежнего союзника.

При таком стечении обстоятельств две тюркские области средних веков приняли свою окончательную форму: каганат восточных ту-гю, основанный каганом Моханем в Монголии и сосредоточенный близ будущего Каракорума на верховье Орхона, и каганат западных ту-гю на Или и в западном Туркестане, со своим летним лагерем на верховье Юлдуза на севере Карапшара и Кучи, их западные стоянки на берегах Иссык-куля или в Таласской долине. По существу границы двух каганатов были определены великим Алтаем и горами на востоке Хами.

С начала правления Моханя (553-572 гг.) восточные ту-гю имели несколько противников. В 560 г. или приблизительно в это время он разбил киданей, монгольское племя, которое занимало западный берег реки Ляо близ

современного Жэхэ приблизительно с середины V в. В Северном Китае Пей-Чоуский царь Чангана попросил руки дочери Муханя. Мухань в это время явно играл роль арбитра между двумя наследственными царствами империи Тоба (ок. 565 г.)⁹.

Истеми, ябгу или хан западных ту-ю, который правил с 552 г. по 575 г., известен для Табари как Синджибу и для византийского историка Менандра как Силзибул, искаленное от титула ябгу¹⁰. Византия искала в нем союзника. В самом деле, на современном сейчас Оксе ту-ю стали ближайшими соседями Сасанидской Персии. Это было в интересах Византии объединиться с ту-ю. Со своей стороны, Истеми, который показал себя как высокообразованный человек, подумывал использовать преимущество своей позиции на перекрестках Азии для приобретения свободной торговли шелком через Персию, от границ Китая до границ Византии. Для свершения этого плана согдиец по имени Маниах (в Центральной Азии согдийцы были величайшими караванными проводниками в то время) посетил Хосроя Ануширвана I по вопросу, интересовавшему Истеми. Стремящаяся держать свою монополию по продаже шелка в Византийскую империю, Персия отвергла его предложения. Истеми тогда решил договориться с Византией против Персии. В 567 г. он, следовательно, послал того же Маниаха к императорскому двору в Константинополь по низовью Волги через Кавказ. Император Юстин II был очень заинтересован предложениями тюркского посла. И когда посол был отправлен домой в 568 г., он сопровождался византийским посланником Земархом. Истеми принял Земарха в своей летней резиденции на севере гор Агтага (Тянь-Шань) в глубокой впадине верховья Юлдуза на северо-западе Карабара. Прочный союз был заключен против общего врага, Сасанидской Персии. Сасанидский посланник, который прибыл при таком стечении обстоятельств и встретил Истеми близ Таласа, был грубо отправлен обратно, и тюркский хан объявил войну Персии. В 572 г. византийцы сами начали войну против Персии, которая продолжалась двадцать лет (572-591 гг.). Тем временем западные ту-ю и византийцы поддерживали тесные отношения. Пока Земарх был в пути домой через низовые Волги, Кавказ и Лазику, Истеми послал второго посла, Ананкаста, в Константинополь. В свою очередь, Византия отправила ему в качестве посланников Евтиха, Валентина, Херодиана и Павла Киликийского.

С помощью этих послов Византия имела довольно точное представление об обычаях и верованиях ту-гю. “Тюрки, — говорит нам Феофилакт Симокатта, — сильно почитали огонь”. В самом деле, влияние иранского маздаизма было причиной адаптации, принятия ими даже бога Ормазда или Ахура-Мазду. “Они чтили также воздух и воду”, и, в сущности, среди людей Чингисхана почтение к бегущей воде сохранялось так долго, что мусульманские омовения и стирание одежд были запрещены, исключая особые случаи. “Для них существует только создатель небес и земли, которому они поклоняются и называют богом, приносят ему в жертву лошадей, быков и овец”. Таким на самом деле являлся куль Тенгри, небо в их священном выражении, общее для всех древних тюрко-монгольских народов. Наконец, Феофилакт говорит об их священниках, которые предсказывают им будущее, это относится к тюрко-монгольским шаманам, которые продолжали иметь большое влияние во времена Чингисхана¹¹.

В 576 г. византийский император Тиберий II опять послал Валентина с посольством к западным ту-гю. Но к тому времени, когда посол прибыл в царскую резиденцию на верховье Юлдуза, Истеми умер. Его сын и преемник Тардуш (575-603 гг.) (Ta-Toy у китайских историков) был сильно раздражен тем, что двор Константинополя заключил мир с аварами или, другими словами, с остатками жуань-жуаней, более вероятно, с эфталитами, которые нашли убежище в южной России. Тардуш принял Валентина очень холодно. Более того, в качестве ответной меры на то, что он рассматривал Византийский альянс как вероломство, он послал отряд кавалерии ту-гю под предводительством верного Бохана против византийских поселений в Крыму. С помощью Анагая, последнего главы утургурских хуннов, Бохан осадил византийский город на Боспоре или Панти-капе, близ Керчи (576 г.). В 581 г. ту-гю были под стенами Херсонеса и это продолжалось до 590 г., когда они надолго покинули страну¹².

Эта ссора между западными ту-гю и византийцами не препятствовала продолжению их войны против Персии. В 588-589 гг. они захватили Бактрию или Тохаристан и продвинулись до Герата. Если они были отражены персидским героем Бахрамом Чобином, как утверждает персидская традиция, то они должны были явно использовать преимущество в гражданской войне, которая вспыхнула в 590 г. между Бахрамом и Хосроем II Парвизом. В самом деле,

проиграв в этом споре, Бахрам, в конечном счете, нашел убежище среди них, и это было, без сомнения, в то время, когда ту-гю завершили захват севера Токаристана на Гиндукуше. В любом случае, в 597-598 гг. эта страна, со столицами в Балхе и Кундузе, больше не принадлежала Персии, но была в зависимости у западных ту-гю¹³. В 630 г., когда китайский паломник Суан-цань совершал свое путешествие, Токаристан был владением тегина или тюркского принца, жившего в Кундузе; он был сыном хана западных ту-гю.

Таким образом, в момент, когда на Дальнем Востоке чисто китайская династия Суй должна была окончательно объединить Китай (в 589 г.) после трех веков разделения, Центральная Азия была разделена на две огромных тюркских империй: империя восточных ту-гю, простиравшаяся от маньчжурских границ до Великой стены и до оазисов Хами, и империя западных ту-гю, которая лежала от Хами до Аральского моря и до Персии, от которой она была отделена границей, проходившей на юге Окса и между реками Оксом и Мервом. Весь Токаристанский север Гиндукуша был окружен тюркской территорией.

Надпись в честь Культегина в Кошо-Цайдаме, написанная веком позже, отмечает это тюркское величие следующим образом: "Когда вверху голубое небо и внизу бурая земля возникли, между ними были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими правили мои предки, Бумын-каган и Истеми-каган. Когда они сели на царство, они поддерживали и устраивали империю и законы Тюркского народа. Во всех четырех концах света они имели много врагов, но, пойдя в поход на них со своим войском, они подчинили и усмирили много народов во всех концах света. Они заставили склонить их головы и преклонить их колена. Они повели нас на восток до лесов Гадирхана (горы Хингана) и на запад на Железные Ворота (Трансоксиана). Над всей землей между этими крайними землями Голубые Тюрки держали власть как государи. Они были мудрыми каганами, храбрыми каганами; все их воины были мудрыми и доблестными; все их деяния и весь народ были справедливыми"¹⁴.

Моральные принципы, предполагаемые этой знаменитой надписью, привнесены их древней космогонией, которая формировала основу тюрко-монгольского шаманизма. Принципы этой космогонии были очень простыми, согласно заключению Томсена¹⁵. Вселенная состояла из нескольких

уровней, один над другим. Семнадцать верхних уровней формировали небо, или царство Света, и семь или девять нижних уровней определяли подземный мир, или место Темноты. Между двумя лежала поверхность земли, где жили люди. Небо и земля подчинялись верховной субстанции, которая находилась на самом верхнем небесном уровне, и была известна под именем Священного Неба или Тенгри¹⁶. Небо также было местом обитания добродетельных душ, как подземный мир был адом для грешников. Тюркская мифология насчитывала множество других божеств, одним из которых была богиня Умай, покровительница детей¹⁷. В добавление, бесчисленное количество духов населяли “землю и воду” (такими были йер-суб или на современном турецком языке яр-су). Значительными среди последних были духи, обитавшие в горах, и реки, которые считались священными местами, и чей кульп сохранялся в жизни и законах в орде Чингисхана.

Китайские историки дали физический портрет ту-ю. Автор, писавший в 581 г., описывает их следующим образом: “Они позволяли своим волосам ниспадать свободно, и они жили в войлочных шатрах. Они передвигались с одной стоянки на другую, согласно воде и пастбищам, найденным в каждом месте. Их главными занятиями являются размножение скота и охота. Они оказывают малое внимание своим старикам¹⁸, пока мужчина во цвете лет они держат его в высоком почтении. Они игнорируют церемонии и правосудие, и в этом отношении сходны с древними сюнну. Их главные воины ие-пи (ябгу), ше (шад), те-кин (текин или тегин), су-ли-пат и то-тун-пат (тудун), и другие главные начальники. Эти главные публичные лица из двадцати девяти отдельных классов, все назначения передаются по наследству. Их оружие состоит из лука, стрел, свистящих стрел, щита, копья, сабли и меча. На своих поясах они носят украшения, выдолбленные или вырезанные рельефом. Их флагшток украшен в виде головы волчицы, сделанной из золота. Царские телохранители назывались фу-ли, слово, означающее волк (кок боре). Когда человек умирал, каждый из его родственников резал овцу или лошадь и клал их перед его шатром, как если посвящал ему жертву. Они объезжали семь раз вокруг шатра на конях, проливая слезы, и когда они подходили к двери шатра, то резали себе лица своими ножами, так что кровь стекала вместе с их слезами. ... В день похорон, родственники и другие, близкие ему люди, приносили жертву, скакали на своих лошадях и резали свои лица как в день смерти. После похорон, камни на могиле

соответствовали числу людей, убитых покойным. При смерти отца, старшего брата, или дяди, сын, младший брат и племянники женились на вдовах и сестрах. Ханский шатер открывался на восток, на ту сторону, где восходило солнце. Они чтят демонов и духов и верят колдунам (шаманам). Для них считается славным умереть в бою, и они считают постыдным скончаться от болезни”¹⁹.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ ТУ-ГЮ

Двойная империя ту-гю недолго находилась на вершине своей власти. Великие каганы, отмеченные в Кошо-Цайдамской надписи, были сменены другими, которым не хватало их гениальности. “Их младшие братья и сыновья не были созданы как их старшие. Каганы без мудрости или доблести сели на трон и тем самым принесли смерть Тюркской империи”²⁰.

В реальности мощь ту-гю разрушило соперничество между двумя ханствами: восточным на Орхоне и западным на Иссык-Куле и Таласе. Две тюркские империи, которые правили над половиной Азии от Маньчжурии до Хорасана, должны были быть непобедимыми, если они были способны сохранить свой союз на основе 552 г., посредством чего глава восточных ту-гю взял первенство, с имперским титулом кагана, в то время как западный правитель довольствовался вторым местом и титулом ябгу. Но восточный каган, тобо, брат и преемник Муганя, был последним в своем роду для получения подчинения с запада²¹. Между 582 г. и 584 г. Тардущ, западный ябгу, как это утверждается в сообщении Валентина, был очень вспыльчивого характера. Он порвал отношения с новым восточным государем и взял себе титул кагана. Китай, где сильная династия Суй возобновила большую политику династии Хан по отношению к Центральной Азии, поощряла Тардуша в этом восстании, которое подорвало тюркскую силу в двух ханствах. Впоследствии восточные и западные ту-гю никогда больше не соединялись, и, в самом деле, оставались враждебными друг для друга²².

Таким образом, в то время, когда Китай вновь объединился, тюрки разделились. Эта полная перестановка создала условия для победы китайского империализма в Центральной Азии под династиями Суй и Тан (с VII по IX вв).

Ханство ту-гю на востоке не только столкнулось с восстанием западных ту-гю, но и раздиралось внутренними спорами. Их новый каган, Шаболио (581-587 гг.)²³, взял власть в споре со своими кузенами Ен-ло и Тало-пеном. В то же время он был атакован с запада Тардушем, новым “каганом” западных ту-гю, и с востока киданями из Ляоси. Такое развитие событий, однако, встревожило китайцев, поскольку, разбив тюрков в Монголии, Тардущ мог стать очень сильным. Нельзя было допустить, чтобы Тардущ восстановил тюркский союз. Поэтому китайский император Ян Чиен, основатель династии Суй, внезапно отменил союзные отношения и поддержал восточного кагана Шаболио против Тардуша (585 г.). Восточные ту-гю, занятые своими внутренними раздорами, были в любом случае не опасны. Брат Шаболио и преемник Мухо, более вероятно, являлся соперником для Тало-пена (587 г.), но вскоре умер; и каган, который последовал за ним, Тулан (587-600 гг.), оказался в противостоянии с ханом Тули, который был поддержан китайцами. Это правда, что Тулан изгнал своего соперника в 599 г., но император Ян Чиен поспешил приютить Тули и его сторонников и установил их как конфедератов в Ордосе. Восточные ту-гю остались безнадежно разделенными.

После смерти Тулана Тардущ, западный каган, предпринял еще одну попытку использовать преимущество в деморализации восточных ту-гю для того, чтобы разбить их, установив свою власть над Монголией и Туркестаном, и вновь объединить тюрков²⁴. Для того, чтобы опередить китайскую интервенцию, он начал действовать. В 601 г. он потревожил Чангтан, имперскую столицу, и в 602 г. атаковал Тули, китайского протеже, в его ордосских лагерях. Но китайская сторона неуклонно проводила свою политику. Внезапно в 603 г. одно из западных племен — толос или толаш, предков уйгуров, которые вели кочевой образ жизни в районах Тарбагатая, Урунгу и Джунгарии, восстали против Тардуша. С этого времени его сила была подорвана даже в собственных владениях. Тардущ нашел убежище в Куку Норе, где он исчез (603 г.). Его ханство — могущественное ханство западных ту-гю, которое заставляло дрожать Персию и Византию, и которое несколько лет назад грозило китайской столице, было немедленно разделено. Внук Тардуша Ши-куй сохранил только самую западную часть его наследства, вместе с Ташкентом, пока определенный антихан Чуло сделал себя господином Или. Чуло, в самом деле,

планировал продолжать дело Тардуша, но китайцы оказались способными остановить его вовремя. Пей Кию, имперский уполномоченный, секретно содействовал его противнику Ши-Кую²⁵. Чуло, потерпев поражение от них, взял службу при дворе Китая (661 г.). Ши-Куй, который был обязан своим успехом китайской политике, больше никогда не предпринимал каких-либо действий против этой страны. Тем временем, среди восточных ту-гуо власть оставалась в руках китайского протеже, хана Тули (умер в 609 г.) и позже перешла к его сыну Ши-пи (609-619 гг.). В Монголии, как в Западном Туркестане, китайская династия Суй, таким образом, достигла своей цели без большой войны, занимаясь не более чем традиционными интригами в расколе тюркской силы, устранив непокорных ханов, и отдав власть тем ханам, которые подчинились китайскому господству.

Подобная ситуация сложилась в Коко Норе. Там сяньбийцы Ту-ю-ена, чье присутствие беспокоило китайские пограничные посты в Ганьсу почти три века, были разбиты в 608 г. китайскими легионами и бежали в Тибет²⁶. В тот же год Китай вновь занял оазисы Хами, и в 609 г. царь Турфана, Кю Пайя, прибыл платить дань императору Яньди.

Эта вся структура распалась, когда неудачные походы Яньди в Корею (612-614 гг.) подорвали престиж династии Суй. Ши-пи, хан восточных ту-гуо, восстал и почти захватил самого Яньди в крепости Янмень, на северо-востоке Шаньси (615 г.). Гражданские войны, которые затем разразились в Китае (616-621 гг.), повлекли за собой упадок династии Суй и полностью восстановили былую силу ту-гуо. Когда в результате уничтожения всех соперников новая династия Тан поднялась на трон Китая, дело династии Суй возобновилось. Степь угрожала своими ордами в самом сердце Шаньси. В 624 г. новый хан восточных ту-гуо, Хилу или Ель (620-630 гг.), использовал хаос, привнесенный гражданской войной, и сел на коня во главе своего войска для угрозы Чанганду, имперской столице.

К счастью, династия Тан имела отличного воина, принца Ли Ши-миня, который, при всей своей молодости, был настоящим основателем своего дома. Смело Ли Ши-минь продвинулся до Пинчоу по Царской реке навстречу варварам и устрашил их решительными действиями. На время главы орд были вынуждены собраться, а затем уехали, не нанося удара. Несколькими часами позже ливень пронесся по всему этому району. Сразу Ли Ши-минь созвал своих капитанов. В Тан-шу записаны его слова: "Соратники! Вся

степь теперь стала морем. Ночь скоро настанет, и вскоре все пропадет во тьме. Теперь время для похода. Ту-гуо страшны только тогда, когда они могут направлять свои стрелы. Давайте пойдем на них, с саблей и пикой в руке. И мы разобьем их прежде, чем они смогут защитить себя!”. Так и было сделано. На рассвете тюркский лагерь был взят, и китайская кавалерия проложила себе дорогу через шатер самого хана Хили. Хили ушел обратно в Монголию (624 г.)²⁷. После этого геройского поступка, в возрасте двадцати семи лет, Ли Ши-минь занял китайский трон, и с этого времени был известен в истории под имперским именем Тай-цзун (626 г.).

УНИЧТОЖЕНИЕ ХАНСТВА ВОСТОЧНЫХ ТУ-ГЮ ИМПЕРАТОРОМ ТАЙ-ЦЗУНОМ

Император Тай-цзун (627-649 гг.) был настоящим основателем китайского величия в Центральной Азии. Он разрушил ханство восточных ту-гуо, способствовал разделению западных ту-гуо, захват которых завершил его сын, и распространил свою власть до индоевропейских царств Тарима.

В год вступления на престол Тай-цзуна, каган восточных ту-гуо, Хили, опять возглавил поход на высокие стены Чангана. 23 сентября 626 г. его 100 000 человек показались перед мостом Пенкяо, у северных ворот города. Здесь Хили оскорбительно потребовал дань, угрожая уничтожить город. Тай-цзун, который имел с собой только небольшое войско, действовал решительно. Созвав всех способных сражаться, он разместил их напротив ворот, пока сам с группой всадников продвинулся вдоль реки Вей по направлению к враждебной армии. Впечатленные его храбростью, вожди ту-гуо спешились и приветствовали его. Тем временем китайцы разворачивались на равнине позади него, “заставляя их оружие и доспехи сверкать под солнцем”. Тай-цзун поехал вперед в пределы тюркского лагеря и обратился с речью к хану и его командующим, упрекая их в нарушении перемирия. Хили, смущенный, заключил мир на следующий день после традиционного жертвоприношения белой лошади²⁸.

Для ослабления силы Хили, Тай-цзун оказал поддержку восстанию двух отколовшихся тюркских племен: толос или толач и сыр тардуш. Первые уйгуры (в позднее время) основались на Тарбагатае, а последние возле Кобдо (627-

628 гг.)²⁹. В то же время, в самой восточной Монголии Тай-цзун одобрял отделение анти-хана по имени Тули, который пошел против Хили (628 г.). Способствуя созданию таким образом враждебного кольца вокруг Хили, в 630 г. великий император бросил китайскую армию против него под командованием Ли Циня и Ли Ши-цзы. Столкнувшись с Хили во Внутренней Монголии, на севере Шаньси, китайские командующие внезапно атаковали его лагерь и разбили его войска. Сам Хили был взят в плен. На пятьдесят лет (630-682 гг.) ханство восточных ту-гу было в подчинении у Китая. “Сыны тюркских великих, — говорит тюркская надпись Кошо-Цайдама, — стали рабами для китайцев, и их невинные дочери были отданы в рабство. Достойные люди, отбросив свои тюркские титулы, приняли китайские и подчинились китайскому хану, посвятив свой труд и их силу на его службу на пятьдесят лет. Для него, в сторону восходящего солнца и на запад на Железные ворота, ходили они походами. Но для китайского хана они подчинили свою империю и свои законы”³⁰.

С такими наемными войсками как эти Тай-цзун, разбив тюрков Монголии, в последующие двадцать лет подчинил тюрков Туркестана и индоевропейские оазисы Гоби. В его образе удивленная Азия увидела неизвестный, героический Китай. Надолго успокоив варваров и возвратив награбленное ими золото, Тай-цзун побил их собственным оружием и заставил дрожать. На протяжении трех веков тюрко-монгольских нашествий, китайцы ассимилировали победоносные орды. Укрепившись вливанием новой крови, они теперь обратились против жителей степи, от которых получили (наследовали) их силу, добавив к этой силе неисчислимое превосходство древнейшей цивилизации.

КОНЕЦ ХАНСТВА ЗАПАДНЫХ ТУ-ГЮ

Преобразовав территории Ордоса и Внутренней Монголии как границы в 630 г., Тай-цзун обратил свое внимание на западных ту-гу. Они, как мы видели, вновь объединились из-за хана Ши-куя. После подчинения сыртардуша на Алтае, Ши-куй, который жил возле Текеса и верховья Юлдуза, правил в 611-618 гг. от Алтая до Каспия и Гиндукуша. Его брат и преемник, Тун Ши-ху, другими словами, Тун Ябгу (между 618 г. и 630 г.) распространил его власть. Уже завоевав толачай на северо-востоке, он вновь

подтвердил свою власть над Токхаристаном или Бактрией на юго-востоке и достиг гегемонии в части Таримского бассейна.

Во время путешествия китайского паломника Суан-цаня, который встретил его близ Токмака в начале 630 г., Тун Ши-ху был на вершине своей славы. Он вел кочевой образ жизни, кочуя по сезонам между долинами верховья Юлдуза, где, как и его предшественник, он проводил лето, и берегами Иссык-Куля, “горячего озера”, близ которого были его зимние стоянки. Он также любил кочевые далеко на западе близ Таласа, сегодняшний Джамбул. Царь Турфана был одним из его заказчиков-правителей, и его собственный сын Тарду-шад был царем Токхаристана, с резиденцией в Кундузе. Тан-шу отмечает, что “он держал гегемонию над западными землями. Никогда раньше варвары запада не были так сильны”¹¹. Император Тай-цзун, который на время был сконцентрирован на разрушении восточных ту-ю, подумал, что ему следует “объединиться с теми, кто далеко, против тех, кто близко”; и в результате обратился к Тун Ши-ху как к союзнику.

Описание Тун Ши-ху, оставленное Суан-цанем, подобно описанию Атиллы или Чингисхана. “Лошади этих варваров весьма многочисленны. Хан носит халат из зеленого сатина и позволяет всем его волосам быть видными, только его бровь, связанная несколькими оборотами шелковой лентой десять футов длиной, концы которой свисают на спине. Он сопровождался двуустами воинами, одетыми в парчовые халаты, у всех волосы заплетены. Остальные войска состояли из воинов на верблюдах или лошадях; они были одеты в шкуры и отличные шерстяные одежды, и носили длинные копья, знамена и прямые луки. Так было их много, что глаз не мог различить их конец”¹².

Тун Ши-ху дал приказ принять китайского паломника. В самом деле, он всегда оказывал почтение буддизму. Несколько годами раньше он имел в качестве гостя индийского миссионера по имени Прабхакарамитра, который пришел с целью обратить в веру ту-ю, перед проповедованием в Китае в 626 г.¹³ Тун Ши-ху оказал Суан-цаню подобный прием в его Токмакской головной ставке, о которой паломник оставил яркое описание: “Хан находился в огромном шатре, украшенном золотыми цветами, которые слепили глаза. Его офицеры разложили длинные ковры у входа и сидели там в два ряда, все одеты

в великолепные наряды из шелковой парчи. Позади них стояли царские телохранители. Хотя это был варварский правитель, укрывшийся под войлочным шатром, никто не мог созерцать его без почтения". Интересно вспомнить, читая эти строки, что почти идентичное впечатление создавалось у путешественников с Запада о вождях Чингисхана. Другая сцена, найденная также в Рубруковских описаниях монголов в XIII в., это пиры, содержащиеся в описаниях иностранных послов. Пока Суан-цань оставался с ним, Тун Ши-ху принял посланников из Китая и от царя Турфана. "Он пригласил этих послов садиться, и предложил им вина под сопровождением музыкальных инструментов. Хан пил вместе с ними. Затем все начали пить один с другим, с возрастающей веселостью, чокаясь своими кубками вместе, и наполняли, и опустошали их, опрокинув. Тем временем музыка восточных и западных варваров звучала громкими аккордами. Хотя эти песни были полуудикими, они услаждали слух и задевали сердце. Вскоре были принесены свежие блюда, части сваренной баранины и телятины, которые лежали в изобилии перед пировавшими".

Несколько месяцев спустя после визита Суан-цаня, эта могущественная империя западных ту-гу распалась. В тот же 630 г. одно из западных племен, кочевники карлуки, которые кочевали между восточной точкой озера Балхаш и Чугучакским районом Тарбагатая, восстали против Тун Ши-ху и убили его³⁴. Ханство западных ту-гу было разделено на две группы, имена которых известны только в китайской транскрипции: племена нушуби на западе и юго-западе Иссык-Куля, и племена дулу на северо-востоке этого озера. Нушуби и дулу изнурили себя в бессмысленных войнах. Дулусский хан, называвший себя Дулу (638-651 гг.), попытался в один момент воссоединить две группы, после чего он сделался сильным для атаки китайских военных колоний в области Хами. Но китайский генерал Кую-Хиако разбил его возле гор Богдо Ола, между Кученгом и современным Урумчи (около 642 г.). Более того, император Тай-цзун поддержал орды нушуби против дулу, и измученный хан бежал в Бактрию, где исчез (651 г.)³⁵.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОАЗИСЫ ТАРИМА ВО ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ТАНСКОЙ ДИНАСТИИ

Уничтожив ту-гу, император Тай-цзун восстановил китайскую гегемонию в Таримских оазисах, которые были частично индоевропейскими, в особенности Турфан, Карапар, Куча, Кашгар на севере, и Шаншань, Хотан, Яркенд на юге.

Древние караванные города, важные как сменные станции на Шелковом Пути между Китаем, Ираном и Византийским миром, были не менее важными ступенями на пути буддистского паломничества из Китая в Афghanistan и Индию. Этот аспект был хорошо описан китайским паломником Суан-цанем, который, покинув Ханшу в 629 г., для своего дальнего путешествия (629-630 гг.) выбрал северный путь через Турфан, Карапар, Кучу и Аксу, пройдя оттуда в Токмак, Ташкент и Самарканд. При возвращении в 644 г. он избрал южный путь, через Памир, Кашгар, Яркенд, Хотан, Шаншань и Тунхван. Его записи показывают, что эти мелкие царства Тарима находились полностью под влиянием буддизма, который принес так много индийской культуры, что санскрит стал религиозным языком этого региона, рядом с местными индоевропейскими языками: другими словами, турфандским, карапарским, кучанским (древний “тохарский”) и “восточный иранский”, на котором, предположительно, говорили в Хотанской области³⁶.

Манускрипты, найденные экспедициями Пельо, Аврелем Сteinом и Ле Когом, также доказывают, что буддистские тексты были переведены с санскрита на различные местные индоевропейские диалекты, в то время как на другом индоевропейском языке, согдийском, представленном караванами из Бухары и Самарканда, говорили вочных караван-сарайах от Тянь-Шаня до Лоб Нора, где Пельо обнаружил остатки одного из таких согдийских поселений VII в.³⁷ Как было отмечено, караванщики и торговцы Шелкового Пути, также как и буддистские миссионеры, прибывшие с индийских границ, смешались для представления искусства Ирана и Индии в Таримских оазисах, где они слились в странный синтез в произведениях буддистского направления. В этой связи отмечены различные выполнения: греко-буддистские, индо-гангетические, или ирано-буддистские, которые могут быть распознаны во фресках Кызыла близ Кучи, и относятся больше к тому, что называет Хаккин, — первому кызылскому стилю (около 450-650 гг.) или ко

второму (около 650-750 гг.)³⁸. Там присутствует также особенный сасанидский характер буддистских художеств на деревянных панелях в Дандан-Уйлике, на востоке Хотана (около 650 г.). Наконец, второй сасано-буддистский стиль Кызыла. Параллельный с индийским влиянием, напоминающий Аджанту, он распространился даже на фрески турфанской группы: в Базеклике, Муртуке и Сангиме. В добавление к этому индийскому, эллинистическому, иранскому влиянию, китайское влияние, как наблюдает Хаккин, проявляется в Кумтуре близ Кучи, и кроме этого, в Базекликском направлении и других фресках турфанской группы, находящейся близко к китайской границе³⁹.

Во время путешествия Суан-цзяня (630 г.) культура этих перекрестков цивилизаций была в расцвете, особенно в Куче. Из всех индоевропейских оазисов Гоби, Куча, без сомнения, один из тех, в котором индоевропеизм представлен наиболее явно, хотя обнаружена многочисленная буддистская литература на кучанском языке экспедициями Пельо, Аврелем Сteinом и Ле Когом. Транскрипции названия Кучи на санскрите (*Kuchi*) и на китайском (*Kuche*) показывают большую близость в произношении Кутси (*Kutsi*), которое является подтверждением существования родного (или, как было отмечено раньше, тохарского) языка⁴⁰. Под буддистским влиянием кучанский диалект (т.е. особенный индоевропейский диалект, определяемый на время востоковедами как тохарский, сегодня известен просто как кучанский) стал литературным языком, на который с V по VII вв. была переведена часть санскритских канонов. Имея выгоду от контакта с буддистской цивилизацией — интеллектуальным наследием Индии, и также от богатства, накопленного от караванных связей с Ираном, кучанское общество, как обнаруживается во фресках и текстах Кызыла и Кумтуры, представляет феноменальное достижение в своем развитии, почти парадокс во времени и пространстве. Это как мечта, когда представляешь элегантное и изысканное общество, прекрасный цветок арийства в Центральной Азии, который расцвел недалеко от тюрко-монгольских орд, у самых границ варварских миров. Кажется чудом, что на краю степей, защищенных только отдаленностью, при ежедневной угрозе свирепых нападений кочевников, это общество было способно сохраняться так долго.

Блестящее кучанское рыцарство, ожившее на фресках Кызыла, очевидно пришло, вопреки хронологии, из

персидских миниатюр. Правильные овалы этих утонченных лиц, тщательно выбритых, кроме небольших усиков. С их длинными, прямыми носами и хорошо изогнутыми бровями, с изящной талией и длинными, стройными телами, которые, кажется, сошли с миниатюром Тимуридовского Шах-наме — все сочетания выказывают чисто иранский физический тип. Это справедливо и в отношении костюма. Во-первых, дворцовое платье: длинные, прямые халаты, перетянутые в талии металлическим поясом, округленные, открытые на груди большими отворотами, уже отмеченных в Афганистане на фресках сасанидского типа; отделки тесьмой, бусинами, цветами, заимствованные из древнего иранского стиля украшения. Затем военное платье: Сасанидская Персия и уже элегантность “Персидского”, что вызывает воспоминания о гордых всадниках на кызылских фресках, с их коническими шлемами, длинными пиками и большими мечами. Наконец, прекрасные девушки и жертвовательницы Кызыла и Кумтуры с их узкими талиями и широкими юбками напоминают несмотря на буддистскую тематику таких же во всех караван-сарайах вдоль Шелкового Пути. Во всех богатых караванных городах Тарима Кучи славилась как город удовольствий и тем, что до Китая люди говорили о его музыкантах, танцующих девушках и куртизанках.

СТАНОВЛЕНИЕ ТАНСКОГО ПРОТЕКТОРАТА В ТАРИМСКОМ БАССЕЙНЕ

Находясь под влиянием буддизма, материальная цивилизация Кучи оставалась по существу иранской. Турфан (Каочан) сильно поразил в этом отношении Китай⁴¹. Сравнение фресок из региона Кучи с турфандскими (Муртук, Сангим, Безеклик) убеждает нас в этом. Здесь индо-иранские характеристики, прошедшие через Кучу, слились постепенно в танскую эстетику. Китайское соседство, так же как и местная история, объясняет этот культурный плавный переход. Страна Турфан была управляема после 507 г. Кию, династией китайского происхождения. В 609 г. Кию Пайя пошел платить дань китайскому императору. Его преемник Кию Вентай (около 620-640 гг.) принял китайского паломника Суан-цаня с энтузиазмом — с таким сильным энтузиазмом, что он почти отказался позволить своему гостю уходить (конец 629 г. до начала 630 г.). Этот

хорошо известный эпизод дает по крайней мере представление о стремлении монарха к китайской культуре и буддистской вере. В тот же год (630 г.) Кию Вентай пошел платить дань императору Тай-цзуну, но к концу своего правления он восстал против Танского господства (640 г.). Тай-цзун послал генерала Хеу Кунци против него. При приближении китайской армии Кию Вентай умер от шока. Турфан был захвачен и присоединен, и стал местом китайской префектуры и позже китайской провинцией "Мирного Запада", Аньси (640 г.).

Царство Каашар ("Агни" в санскритской транскрипции, "Йенки" в китайской) было таким же великолепным, как и индоевропейский центр Кучи⁴². Как в Куче, религиозная культура, благодаря буддизму, была принесена из Индии, материальная цивилизация получена частично из Ирана, и большая доля искусства напоминает греко-буддистский Афганистан. Каашарские изделия из гипса в Берлине являются схожими с теми, которые находятся в Хадде в Гюиметском Музее. В 632 г. Каашар признал господство императора Тай-цзуня, но в 640 г. правящий государь (известный на китайском как Ту-ки-че), без сомнения, расстроенный присоединением Турфана, вступил в союз с западными ту-гу и поднял флаг восстания. Тай-цзун послал против него генерала Куо Хяоко, который достиг Каашара против течения Юлдуза под покровом ночи и внезапно атаковал и захватил город. Там он посадил на трон брата смешенного царя, про-китайского принца по имени Ли-по-чиен (640 г.). Несколько годами позже Ли-по-чиен былмещен своим кузеном Сие-по Аначе, который имел поддержку кучанцев и ту-гу. Императорский генерал Ашина Шо-еул (ту-гу принц на службе у Танской империи) был отправлен Тай-цзуном усмирить восставший город. Он пошел на Каашар, обезглавил узурпатора и отдал трон другому члену царской семьи (648 г.).

После Каашара китайская армия повернула на Кучу⁴³. Куча управлялась династией, названной на кучанском диалекте семья Сварна (на санскрите Суварна; в китайской транскрипции Су-фа), что означает Золотая семья. В 618 г. царь, известный на китайском языке как Су-фа Пу-ши (на санскрите Суварна Пушпа: Золотой цветок), платил дань Яньди, императору Китая. Его сын, Су-фа Тай из китайских источников (Сварнатеп на кучанском, и на санскрите Суварна Дева: Золотой Бог), ревностный буддист, в 630 г. оказал великолепный прием Суан-цаню, китайскому

паломнику, вопреки тому факту, что он и его народ твердо держались той формы буддизма, известной как Lesser Vehicle (Хинаяна), тогда как Суан-цань придерживался направления Greater Vehicle (Махаяна)⁴⁴. В тот же год Сварннатеп открыто признал себя вассалом императора Тай-цзуна, но позже, недовольный танской политикой вмешательства, он объединился с западными ту-ю в оппозицию Китаю. В 644 г. он отказался платить дань и помог народу Каравара в восстании против Китая. Он умер до того, как на него могло обрушиться наказание, и был сменен в 646 г. его братом, которого китайские историки называют Холи Пуши-пи (на санскрите хари Пушпа — Священный цветок)⁴⁵. Новый царь, осознающий приближение шторма, поторопился послать уверения о своей лояльности китайскому двору (647 г.). Но было поздно. Ашина Шо-еул, тюркский принц на службе у китайского императора, отправился на запад с китайской регулярной армией и наемными войсками из тюрков и толачей.

Ашина Шо-еул начал с того, что лишил Кучу ожидаемой поддержки, разбив два тюркских племени, союзников восставшего города: чу-уе и чу-ми, первые кочевали близ Кученга, а последние на реке Манас. Оттуда он обрушился на Кучу. Царь Холи Пуши-пи вышел со своей армией и Ашина Шо-еул, следя древней тактике кочевых орд, сделал вид, что отступает, и заманил его в пустыню, где нанес сокрушительное поражение. Тюркский наемник, нанятый Китаем, вошел в Кучу как завоеватель. Затем, преследуя царя Священный Цветок до западных аванпостов Аксу, он осадил это место и захватил его. Тем временем Кучанский правитель (по имени На-ли в китайской транскрипции), который пошел отбиваться на укреплениях от западных тюрков, возвратился неожиданно и убил китайского генерала Куо Хяоко. В беспощадной ответной мере Ашина Шо-еул обезглавил 11 000 человек. “Он разрушил пять больших городов и с ними бесчисленное множество мужчин и женщин. Земля запада была охвачена террором” (647-648 гг.). Царский пленник Холи Пуши-пи пришел бить челом об пол перед Тай-цзуном в Чангане. Ябгу, брат этого принца, был посажен китайцами на трон Кучи, но содержался под строгим надзором.

Блестящее индоевропейское общество Кучи и Кызыла никогда больше не оправилось от этого бедствия. После векового китайского господства, когда во второй половине VIII в. Китай вновь потерял интерес в Куче, это была не

индоевропейская аристократия прошлых дней, а, как в Турфане, уйгуры тюрки. Древняя индоевропейская страна — этот Внешний Иран — стал Восточным Туркестаном. На западе Тарима лежит царство Кашгар (Шу-фу на китайском), населенное, без сомнения, потомками древних саков и, возможно, говоривших на своем языке, т.е. на восточном иранском. Китайский паломник Суан-цань отмечал, что кашгарцы имели голубые глаза, или, как он выражается, “зеленые зрачки” — прекрасное свидетельство постоянства (живучести) среди этого народа того, что германские писатели называли “Арийством”. Суан-цань также упоминает, что их письменность была индийского происхождения, и преобладающей религией было течение Хинаяна в буддизме, хотя сасанидский маздаизм также исповедовался или во всяком случае был принят. В царстве Яркенд (“Соче” на китайском), с другой стороны, превалирующей формой буддизма было течение Махаяна. Наконец, Хотанский (Хотиен) оазис, богатый шелковичными плантациями, обрабатываемыми для тутового шелкопряда, ковровыми мануфактурами и изделиями из яшмы, был также важным буддистским центром, где санскрит рьяно изучался, и где превалировало махаянское обучение. Имя правящей династии теперь известно только по китайской транскрипции — Вей-чо.

Со времени вступления на престол императора Тайцзуна три царства платили дань Китаю: Кашгар и Хотан в 632 г., Яркенд в 635 г. В этом последнем году царь Хотана отправил своего сына к императорскому двору. В 648 г., когда имперский генерал Ашина Шо-еул подчинил Кучу, он послал своего лейтенанта Сай Ван-пей в Хотан в сопровождении быстрой конницы. Объятый страхом, царь Хотана, названный в китайских источниках Фу-шо Син, был приглашен во двор Китая, откуда он был отправлен домой с дополнительными титулами и привилегиями⁴⁶.

ТАНСКИЙ КИТАЙ — ПОВЕЛИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В заключение этих завоеваний китайская власть распространилась до Памира. Гордость императора Тайцзуна, покорителя Центральной Азии, объяснима. Тан-шу передает нам его слова: “Единственными людьми, которые в былые дни подчинили варваров, были Чин Ши Хуаньди

и Жан У-ди. Но, схватив мой трехфутовый меч, я покорил Двести Царств и заставил замолчать Четыре Моря, и один за другим дальние варвары приходили подчиниться”⁴⁷. Среди тюрков также его влияние (престиж) было велико. Завоевав их, он объединил их, присоединив к себе, связав персональной верностью на тюрко-монгольский манер. В самом деле, как это записано в тюркской надписи в Кошо-Цайдаме в следующем веке, он знал, как стать “Китайским каганом”.

Наиболее характерным примером его способности собирать тюрков вокруг себя является история Ацины Шо-еула, написанной в Тан-шу⁴⁸. Этот хан, который принадлежал к царской семье восточных ту-гу (он был братом кагана Хили), встал на стороне Китая в 636 г. Он стал одним из лучших генералов Тай-цзуна, и в награду ему император дал в жены танскую принцессу. Мы видели роль, которую он сыграл в китайских завоеваниях: захват Карапара, Кучи и т.д. Такой была его преданность, что он пожелал убить себя на могиле Тай-цзуна, на манер кочевников, “для охраны загробного ложа императора”.

Для всех ветеранов кампаний в Центральной Азии могут подойти строки поэта Ли По в “Человек походов”(“The Man of Marches”): “На протяжении всей своей жизни человек в походе никогда не открывал много книг, но он может охотиться (воевать), он искусен, силен, и храбр. Осенью его лошадь упитанная, для степей трава годится для совершенствования. Когда он скакает, как великолепен и высокомерен его вид! Его звенящий кнут ударяет снег или побрякивает в позолоченном футляре. С приподнятым настроением от крепкого вина, он зовет своего сокола и едет вдали. Его лук, натянутый с силой, никогда не стреляет в пустоту. Люди делают дорогу перед ним, для его доблести и его боевого духа, хорошо известного в Гоби”.

В ранний период правления император Гао-цзун (650-683 гг.), сын и преемник Тай-цзуна, завершил дело своего отца. Он направил свои усилия против ту-гу на западе, т.е. против двух групп племен, на которые западные ту-гу теперь были разделены: нушуби (юго-запад Иссык-Куля) и дулу (на северо-востоке). Это разделение соответствовало китайской политике. Дулу хан по имени Холу (651-657 гг.) получил быстрое признание от нушуби, таким образом, восстановил каганат на западе, и не теряя времени, поднял восстание против китайского господства. В ответ на это китайцы заключили альянс с уйгурами тюрками — бывшие толос или

толач, которые кочевали в соседстве с горами Хангай, и чей хан Пожуан умело поддерживал имперскую политику. Укрепившись этой поддержкой, китайский генерал Су Тин-фан отправился в суровые просторы северо-запада. Приближалась зима и земля была покрыта глубоким снегом. Китайский генерал сказал своему войску: “Туман рассеивает темноту повсюду. Ветер ледяной. Варвары не верят, что мы можем воевать в такую пору. Давайте поторопимся и захватим их врасплох!” И врасплох он их и взял, встретив Холу на реке Боротала, близ Иби Нора в Джунгарии; затем он разбил их снова на Чу, запад Иссык-Куля (657 г.) и заставил их бежать в Ташкент. Это был конец Холу, народ Ташкента передал его в Китай⁴⁹. Императорский двор затем назначил Ашину Мишо (657-662 гг.), тюркского подчиненного на китайской службе, новым ханом дулу, в то время как нушуби взяли себе в ханы Ашина Пучена (659-665 гг.).

ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА ТЮРСКОГО МОГУЩЕСТВА: ХАН МОЧЖО

Тогда, когда Танский Китай достиг всех намеченных целей в Центральной Азии, ситуация резко изменилась. Во время последней половины своего правления с 665 г. по 683 г. император Гао-цзун, слабый правитель, управляемый гаремными интригами, стал очевидцем большого спада китайского влияния в тех регионах. С 665 г. и далее две группы западных ту-гу: нушуби и дулу восстали против ханов, поставленных Китаем, и получили независимость. Следующие тибетцы, в то время народ немного больше чем дикий⁵⁰, напали на Таримский бассейн и захватили у Китая местность, которая называется “Четыре Гарнизона”: Карапар, Куча, Хотан и Кашгар (670 г.). Еще более важное ханство восточных ту-гу, разрушенное в 630 г. императором Тай-цзуном, было восстановлено одним потомком древней царской фамилии ханом Кутлугом (“Счастливый”); он отмечен в Кошо-Цайдамской надписи под именем Ельтериш каган.

Эта надпись, которую мы относим к сыну Кутлуга, показывает, что восстановление тюркского каганата на Орхоне явилось следствием роста национального самосознания⁵¹. “Весь тюркский народ говорит так: “ Я был народом с моей империей. Где теперь моя империя? Я был народом с моим каганом. Где теперь мой каган? Так они говорили, и,

так говоря, они стали врагами китайскому кагану и начали опять хранить надежду восстановления своего государства. Затем сказали китайцы: “Мы уничтожим тюркский народ и вырежем их потомство”, и они пошли убивать их. Но бог Тюроков высоко на небе, и почитаемые земные и водные духи сделали так, что тюркский народ не смог уничтожиться, но смог вновь стать народом, они подняли моего отца кагана Ельтериша и мою мать хатун Ильбильге, держали их на суде у небес”. Как подтверждается надписью, восстановитель Орхонской империи начал как лидер простой банды. “Мой отец каган отправился с двадцатью семьью людьми; затем их стало семьдесят. Как Тангри дал им силу, армия отца была как волки и их враги как овцы. Когда число его людей выросло до семи сот, он подчинил народы, сместил ханов, положил людей в рабство, управлял ими согласно законам наших предков, и зажег их сердца. На юге китайский народ был нашими врагами; на севере Девять Огузов были нашими врагами, Киргизы и Курлыканы⁵², Тридцать Татар и Хитай, были врагами. Мой отец каган сделал сорок семь походов и воевал в двадцати битвах. Как Тангри благословил его, он лишил их империй тех, кто имел империи, и тех, кто имел кагана, лишил кагана. Он усмирил своих врагов и заставил их согнуть их колена и головы”⁵³.

Таким образом, ханство восточных ту-юю было восстановлено с традиционным центром у истоков Орхона и гор Отukan (предпочтительно цепь Хангая)⁵⁴. В этом достижении Кутлуг был поддержан хитрым политиком Тонюокуком, тюрком, чья семья в одно время занимала наследственный пост в китайской администрации в пограничном районе Юнчуна, близ современного Квейва-чена, север Шаньси. Надпись на могильной плите Тонюокука, которая была обнаружена в 1897 г. в долине верховья Тулы, помогает восстановить историю этой интересной личности, особенно, когда добавляются данные из Тан-шу⁵⁵. Как многие тюркские знатные лица во времена правления Тай-цзуна, Тонюокук получил китайское образование. Но когда Кутлуг восстановил тюркскую независимость, Тонюокук присоединился к нему и стал его советником и лучшим помощником. Распространяя на службе нового кагана знания, он использовал китайские обычай, менталитет и политику, и кроме всего этого слабеющее государство, в котором дворцовые интриги победили императора Гао-цзуна. В 682 г. Кутлуг и Тонюокук выступили против Китая опустошением северной Шаньси. В марте 683 г. Кутлуг опустошил

район Квейчоу⁵⁶. Каждый следующий год был отмечен набегом на границы Шаньси или Хопея. В апреле 683 г. Кутлуг и Тонюкук разорили район Шанью, сегодняшний Суйюянь. В июне они убили префекта Ючоу или Вейчоу, захватили губернатора Фунгчуо (Юлинь в северной Шеньси) и ограбили Ланчоу на северо-западе Шаньси⁵⁷. Осенью 684 г. они совершили набеги в направлении Сучоу (Шопин, север Шаньси). В мае 685 г. атаковали Хинчоу, север Тайуана, где китайские корпуса были разбиты. В апреле 687 г. они дошли до Чанпиня, северо-запад Пекина. Осенью того же года, однако, тюрки, которые еще атаковали близ Шопина в Шаньси, вдруг повернули обратно.

Тем временем, после смерти императора Гао-цзуна (26 декабря 683 г.), его вдова Ву Хоу (или Ву Цзо-тиен) захватила власть. Она была беспринципной, свирепой, тираничной женщиной, но полной энергии и жажды власти (684-705 гг.). Деспотичная, хотя могла держать себя в руках, она восстановила бывшую китайскую внешнюю политику. В Таримском бассейне, например, ее генералы отбили Четыре Гарнизона у тибетцев: Карапашар и Кучу в 692 г., Кашгар и Хотан в 694 г.⁵⁸ Она была менее удачлива против восточных тюрков, чей каган Кутлуг делал набеги и грабил пограничные районы Шаньси и Хопея почти каждый год. Она пыталась залить с тыла при поддержке тюргешей⁵⁹ — тюркское племя, теперь размещенное в Семиречье вдоль нижних подступов Или. Попытка оказалась неудачной: тюргеский хан Учело был разбит и взят в плен Кутлугом, чье господство он вынужден был признать (689 г.)⁶⁰.

Кутлуг умер между августом и ноябрем 691 г.⁶¹ Он был смешен не одним из своих сыновей, а своим братом Мочжо, или Мочо (китайская транскрипция тюркского Бакчор, как утверждает Пельо). Это тот Мочжо, кого Орхонские надписи упоминают под именем Капаган-хан, правитель, который принес удачу восточным тюркам до их пика (691-716 гг.)⁶². Взяв на себя роль судьи в дворцовых драмах Танского двора, он действовал весьма умело как защитник Танской законности против узурпирующей императрицы Ву Хоу. Она со своей стороны попыталась расположить его к себе, предложив брак между ее племянником и его дочерью. Но когда молодой человек прибыл ко двору кагана, расположенного в Черных песках (Кара-Кум), юг современного Сайн Нояна, Мочжо пренебрежительно отказал ему (698 г.). Его дочь, он заявил, предназначена не для племянника Ву Хоу, а для законного императора, который был отстранен

узурпирующей императрицей (703 г.). Он даже объявил, что если она сместила семью Тан, то он должен войти в империю со своими ордами.

Притворившись защитником Тана против грозной вдовы, Мочжо тем не менее продолжал свои набеги на китайскую территорию. В 694 г. он опустошил область Линчоу близ Нинся, в 698 г. район Вейчоу, в области между Суанхва и Линкию, запад Пекина. В промежутке он дал себя уговорить на короткое сотрудничество с двором Китая против киданей, монгольских кочевников Ляоси и Жеколя, которые начали свою южную экспансию атакой китайских границ вокруг Юньпиня. В 696 г. один из киданьских вождей, хан Ли Цзин-чун, был разбит китайской армией в этом регионе. Этот вождь был союзником Мочжо. Вскоре после его смерти кидани прогнали его сына и вышли из тюркского альянса. Мочжо вошел на киданскую территорию с целью его восстановления, но потерпел неудачу. Затем он присоединился к Китаю в совместной операции против киданей. В связи с этим получил щедрые подарки в виде шелка, риса, оружия, сбруи и т.д. Захваченные Мочжо и китайцами, кидани были разбиты (696-697 гг.).

Императрица Ву Хоу, надеясь, что он на долгое время останется на ее стороне, поблагодарила его за помощь, которую он ей оказал. В ответ он совершил набеги в район Линву, близ Нинся. Китайский двор отверг отказом на его оскорбительные требования. Вследствие этого он совершил беспощадный поход на юг Суанва, штурмовал Вейчоу, разбил Тенквоу в сердце Хопейской провинции между Паотинем и Чентинем, взял Чаочао и не отступал до того, пока не увел тысячи пленников, которых он намеревался предать смерти в момент своего отхода⁶³. В 702 г. он опустошил район Тайчоу в северной Шаньси. В 705 г. разбил силы китайского генерала Ша-ча Чун-ю в Мин Шанской области, на востоке Тунхвана, и осадил пограничный пост Лянчоу близ современной Нинся. Победа в Мин Шане отмечена в эпических темах на стеле Кошо-Цайдама, которая отмечает роль племянника Мочжо Культегина в этом: “Мы воевали против Ша-ча Сенгуна. Сначала он (Культегин) сел на серую лошадь Тадикинчур и поехал воевать. Лошадь была убита там. Следующим он сел на серую лошадь Ишбара-Яматар и отправился. Эта лошадь была убита там. Третьим, он сел на Кедимлика гнедого скакуна и отправился. Одевшись в свои доспехи, он убил более чем сто врагов своими стрелами. Его подвиг в памяти многих из вас, О,

Тюркские достойные сыны. Но эту (китайскую) армию мы разрушили там!”⁶⁴

После каждого из этих набегов на китайскую территорию Мочжо возвращался в Монголию с длинными рядами пленников и огромной награбленной добычей. “В те дни, — говорит Кошо-Цайдамская надпись, — рабы стали иметь рабов, и работники стали иметь собственных работников; так много было наших побед и наше хорошее государство!”⁶⁵

Мочжо был не менее удачлив в войне против тюркских племен. На востоке он победил племя байырку на верховье Керулена, и на севере киргизов на верховье Енисея. “Пройдя снег, что лежал для смерти наших воинов, — сказано на стеле Культегина, — мы прошли лесные горы Когмана (современный Танну-Ола), мы напали на киргизский народ и воевали с их каганом в далеких лесах. Культегин сражался, верхом на белом скакуне. Он пронзил одного стрелой и проколол двоих в рукопашном поединке. В этом сражении белый жеребец упал, но киргизский каган был убит, и мы подчинили народ”⁶⁶. На западе Мочжо подчинил одновременно две ветви западных ту-гу: дулу и нушуби (699 г.). В результате тюрки были вновь объединены в громадный союз, и великая тюркская империя 550 г. была почти полностью восстановлена. В низовье Или, юг озера Балхаш, тюргешский хан Соко (706-711 гг.), сын и преемник Учело, попытался сопротивляться и объединил западных ту-гу против Мочжо, но в 711 г. был разбит и убит последним, который, таким образом, оставался единственным господином тюркских племен от китайских границ до Трансоксианы⁶⁷. “Каган тюргешей, — говорит стела Культегина, — были моими Тюрками, моим народом. Потому что он был без мудрости, и предал нас, он был убит ... Мы пошли против тюргешей, прошли лесные горы Алтуна (Алтай) и пересекли верховье Иртыша. Мы напали как завоеватели на тюргешский народ. Войско тюргешского кагана напало на нас как огонь и буря, и мы сражались. Культегин сражался, сев на серую лошадь Башгу. Мы убили тюргешского кагана и покорили народ.” Такие победоносные походы были совершены и против карлуков, другого тюркского племени в Илийском районе. “Мы воевали в Караколе. Сев на белую лошадь, Культегин сражался... Мы покорили Карлуков”⁶⁸.

Но Мочжо состарился, и тюрки начали уставать от его жестокости и тирании. Много вождей предложили свои услуги Китаю, и байырку на верховье Керулена восстали.

Мочжо разбил их на берегах Тулы, но пока переходил через лес при своем возвращении, на него напали вражеские силы и убили его (22 июля 716 г.). Его голова была подарена ханом байырку китайскому послу, который отправил ее в Чанган.

КУЛЬТЕГИН И МОГИЛЯН

Смерть Мочжо повлекла за собой серьезные волнения среди тюрков. Его племянник, энергичный Культегин, сын старого кагана Кутлуга, совершил обычный дворцовый переворот. Укрепившись престижем, которого он достиг благодаря его победам и особенно ролью, которую он играл как лейтенант своего дяди, Культегин умертвил сына Мочжо Бугу со всей его семьей и всех советников прежнего кагана⁶⁹. Тонюкук один был оставлен в живых, будучи тестем брата Культегина.

Культегин не занял престол, а посадил своего старшего брата Могиляна (в китайской транскрипции) как кагана, человека, которого орхонские надписи называют бильгекаган, “мудрый император”, который правил над Монгoliей с 716 г. по 734 г.⁷⁰

Тем временем, ободренные смертью Мочжо и семейными беспорядками, которые за этим последовали, все вассальные орды восстали против Орхонской династии. Культегин и Могилян ослабли в борьбе за восстановление порядка и повиновения. Кошо-Цайдамская стела, воздвигнутая Могиляном в честь Культегина, перечисляет серию кровавых битв против Девяти Огузов (Тогуз Огуз) и Девяти Татар (Тогуз Татар)⁷¹, которые, возможно, обитали на средних и нижних протоках Керулена, и против уйголов и карлуков⁷². “Народ Тогуз Огузов был мои собственным народом. Сотрясением на небесах и на земле они стали нашими врагами. В один год мы воевали пять раз. Оседлав белую лошадь Азман, Культегин отправился. Он прокалывал шесть человек. В рукопашной схватке он вонзил свою саблю в семерых. Мы победили, но тюркский народ гибнет от усталости и теряет сердце”. Если бы в ходе этих безжалостных битв восточные ту-ю были вынуждены отказаться от их господства над западными ту-ю, то они преуспели бы в удержании царства на Орхоне. Могилян поздравляет (хвалит) себя на Культегинской стеле: “Если бы я не трудился так мужественно, вместе с моим младшим братом Культегином, то тюркский народ должен был исчезнуть”⁷³.

Могилян смог залечить последние оставшиеся раны, нанесенные гражданской войной, для этого он всегда советовался со старым Тонюкуком, которому было семьдесят лет. Могилян хотел начать свое правление, атакуя Китай, но Тонюкук отсоветовал делать это. Великий император, Суан-цзун (713–755 гг.), только что взошел на трон Тана. Испытывая недостаток личной храбрости Тай-цзуна Великого, не желая отрывать себя от дворцовой жизни (для этого был золотой век, эпоха не имеющая себе равных во дворе Чангана), новый Сын Небес тем не менее показал огромное желание славы, и стремился восстановить китайское господство в Центральной Азии. Тонюкук, который был всегда хорошо информирован о внутренней политике Китая, поведал своему хану, что тюрки обессилены, как они были, гражданской войной, с их разогнанными стадами, их истощенными лошадьми, и их люди голодают, и что они должны быть очень осторожны, чтобы атаковать возрожденную мощь Тана. Обратившись затем в другую крайность, Могилян пожелал расселить своих тюрков на постоянное жительство, построив город со стенами на китайский манер на Орхоне, и обосновать буддистские и даосские монастыри. Тонюкук подсказал ему, что это тоже может быть ошибкой. Главным преимуществом тюрков является их подвижность как кочевников, которая давала им возможность предпринимать внезапные атаки и уклоняться от захвата в случае неудачи. “Ту-гю, — так отмечал китайский историк, — насчитываются один к одной сотне китайцев. Они ищут воду и пастища, они охотятся; они не имеют постоянных жилищ и они практикуются в войне. Когда они чувствуют, что сильны, они наступают. Если они верят, что они слабы, они отходят и скрываются. В этом пути они возмещаются для преимущества, которое китайцы имеют в их превышающем большинстве, преимущество, которое они не могут использовать. Если ты поместишь ту-гю в укрепленный город и хоть один раз будешь бит китайцами, ты станешь их пленником. А что касается Будды и Лао-цзы, то они учат мягкости и человечности, и такое учение не подходит для воинов”⁷⁴.

Это было такое проявление секрета тюркской силы, что сам Могилян передал своим потомкам на Кошо-Цайдамской стеле. Он отметил деморализующий эффект китайских обычаев на восточных ту-гю следующего века. “Соблазны, очарования китайского народа, который без показа дает нам так много золота, так много серебра, так много шелка

так мил, в самом деле, и их богатства ослабляют. Этими сладкими соблазнами и их богатством, китайцы притягивают тюркский народ к себе. Уступив соблазнам, много людей из твоего рода погибли, О Тюркский народ! Покинув темный лес, многие посмотрели вперед на юг, и сказали: “Я буду жить на равнине”. Могилян пошел на заклинание Тюрков оставаться Тюрками: “Если ты пойдешь в эту страну, О Тюркский народ, ты погибнешь! Но если ты останешься в лесах Отукана (Хангай и Орхон), где ни богатств, ни соблазнов, ты сохранишь вечную империю, О Тюркский народ! ... Все, что я хотел сказать тебе, я записал на твердом камне”⁷⁵.

По совету Тонюкука Могилян предложил мир Китаю (718 г.). Император Суан-цзун отклонил его предложение и дал приказ атаковать. Басмылы, тюркское племя из района Кученга (старый Пейтин), и кидани Ляоси и Жеколя, имели общую цель с Китаем и подготовились взять ту-ю со стороны, с юго-запада и юго-востока. Каган Могилян беспокоился, но Тонюкук успокоил его, указав на то, что басмылы, китайцы и кидани были очень далеко, чтобы быть способными согласовать их атаки. В самом деле, Могилян нашел время, чтобы разбить басмылов в Кученге перед тем, как пойти на разрушение китайских границ современной Ганьсу, близ Канчоу и Лянчоу (720 г.). Мир был, наконец, заключен в 721-722 гг., и установлены дружеские отношения между ту-ю и империей⁷⁶.

После смерти в 731 г. своего брата Культегина, которому он отдал трон, Могилян велел написать элегию на его могиле, которая находится между озером Кошо-Цайдам и Кокшун Орхон, около сорока миль на севере Каракорума. Несколько строк этой элегии уже процитированы, она может быть принята за национальную эпическую поэму древних тюрков. К этому император добавил в 732 г. китайскую надпись в знак дружбы между двумя правительствами”.

Эти надписи — наидревнейший датированный монумент литературы — сделаны в той манере письменности, которой мы ошибочно приписывали “рунический” характер. Более вероятно, эта письменность пришла из арамейского, а алфавит древнесогдианский (хотя, как утверждает Бартольд, некоторые из этих “рун” имеют отдельное происхождение и являются идеографического вида). Другие надписи на “руническом” тюркском были обнаружены в Сибири, в Енисейском бассейне. Бартольд приходит к выводу, что эта первая тюркская надпись может датироваться VII и даже

VI в. н.э. Как будет рассмотрено в дальнейшем, это было восстановлено в VIII в. уйгурской письменностью, также пришедшей через согдийский язык из северных семитских алфавитов.

РАЗРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ ВОСТОЧНЫХ ТУ-ГЮ. РАСЦВЕТ УЙГУРСКОЙ ИМПЕРИИ

Уровень развития культуры восточных тюрков, о которой свидетельствуют алфавит и надписи Орхона, решительный характер их кагана Могиляна говорят о том, что они, по-видимому, находились в стадии вхождения в русло великих цивилизаций, когда Могилян был отравлен в 734 г. одним из своих министров. Его смерть вызвала серию беспорядков, в результате которых империя тюрков должна была развалиться. Вскоре его сын И-ян (китайская транскрипция) также умер. На смену ему пришел брат Тангри каган, молодой человек, который правил с вдовой Могиляна как его советник. В 741 г., однако, Тангри каган умер от руки одного из своих офицеров, который хотел провозгласить себя царем под именем Озмиш каган. Это говорило о конце тюркской империи и Озмиш сразу столкнулся с восстанием трех принципиальных вассальных тюркских племен: басмылы, уйгуры, карлуки, которые соответственно населяли регион вокруг современного Кученга, область между Кобдо и Селенгой, и восточный конец озера Балхаш близ реки Имиль. Озмиш каган был убит в 744 г. басмылами, которые послали его голову ко двору в Чанган. Остатки царского клана восточных тюрков бежали в Китай в 743 г.⁷⁸

Империя Монголии была готова к тому, чтобы ее завоевали. Басмылы попытались захватить ее, но потерпели неудачу (744 г.). Уйгуры, очевидно, с помощью карлуков, добились успеха. Уйгурский хан, известный в китайской транскрипции как Кули Пейло, поставил себя каганом в имперской провинции на верховье Орхона под именем Кутлуг Бильге. Его вступление на престол было поддержано Танским двором, и император Суан-цзун даровал ему титул Хуай-иен. Танские хроники свидетельствуют, что его господство простипалось от Алтая до озера Байкал. Он умер в следующий год (745 г.), согласно другим источникам — в 756 г., но его дело пережило его.

Таким образом, уйгурская империя сменила империю восточных тюрков. Это заняло почти целый век (744-840 г.).

Действительно, все, что произошло, явилось заменой одного тюркского племени другим, близко родственным. Тем не менее, в противоположность тюркам, которые постоянно угрожали китайцам, уйгуры были первыми явно лояльными подданными, затем полезными союзниками, и, наконец, неоценимыми, хотя иногда требовательными, защитниками Танской династии.

Столица уйгурских каганов находилась в Карабалгасуне, город известный затем как Ордабалык, на верховье Орхона близ древних резиденций сюнннского шаньюя и тюркских ханов, в соседстве с ними позже был Каракорум Чингисхана⁷⁹.

ПИК ТАНСКОЙ ВЛАСТИ. ПОКОРЕНИЕ ЗАПАДНОГО ТУРКЕСТАНА

В 714 г. генерал Ашина Хиен, тюркский наемник на китайской службе, одержал победу в Токмаке, на западе Иссык-Куля, таким образом, сделав племена дулу в Джунгарии и карлуков Имиля и Тарбагатая подданными Китая. Тюргешские тюрки, которые, по-видимому, пасли свои стада в районе дельты Или, озера Балхаш в Семиречье, по-видимому, проявили непокорность. Их хан Сулу (717-738 гг.) нашел союзников против Китая в тибетцах и арабах, народе, который появился неожиданно как захватчик на ирано-трансоксианских границах. Позже мы вернемся к этому новому фактору в истории Центральной Азии. Здесь же следует отметить, что Сулу использовал беспорядки, которые принесли мусульманские легионы, завладел Таримом, который в 692-694 гг. был под управлением Китая, осадил город Аксу (717 г.) и несколько месяцев тревожил Четыре Гарнизона: Карапшар, Куча, Кашгар и Хотан. Он был способен, несмотря на кампанию, развернутую в том регионе имперским генералом Ашиной (719 г.), держать Токмак, запад Иссык-Куля, далеко от постов Китая в Туркестане. Китайский двор в отчаянии попытался умиротворить Сулу наделением титулов и почестей (722 г.). В 726 г. этот укоренившийся грабитель все еще опустошал территорию Четырех Гарнизонов. Наконец, в 736 г. китайский генерал Кай Кия-юн, губернатор Пейтина или Димса, близ Кученга нанес сокрушительный удар по Сулу. Около 738 г. Сулу был предательски убит Бага-тарханом, кулчуром Чумукена ("Ch'u-mi-kuen"), маленького тюркского племени, которое кочевало между территориями тюргешей и карлуков, на юго-востоке озера Балхаш⁸⁰.

Бага-тархан соединился с китайским генералом Кай Киа-юном в 739 г. для препятствования восстановлению тюргешского претендента на трон Тухосена, сына Сулу. Но история всех этих мелких тюркских каганов, которые стремились объединить западных тюрков, является одинаковой. Бага-тархан вскоре порвал с Китаем и в 742 г. убил Ашина Хиена, окитаизировавшегося тюрка, которого Китай послал в страну тюргешей как вице-короля⁸¹. Китай оставил за собой последнее слово. В 744 г. имперский генерал Фумун Лин-ча разбил и обезглавил Бага-тархана⁸². Этой победой было установлено господство над долиной Или и районом Иссык-Куля. В 748 г. китайский генерал Ван Чен-киен построил китайскую крепость в Токмаке, на верховье Чу, северо-запад Иссык-Куля⁸³. В 751 г. другой имперский генерал, знаменитый Као Сиен-чи, представил ко двору Китая другого захваченного тюргешского главу⁸⁴.

В Таримском бассейне маленькие царства Карапар, Куча, Хотан, Кашгар, оккупированные китайскими войсками, известные как Четыре Гарнizona, были лояльными вассалами. В 728 г. китайские титулы были дарованы царю Кашгара, династия, известная в китайской транскрипции как Пей, и царю Хотана, известном (также в китайской транскрипции) как Вей-чо Фу-шо, династия Вей-чо⁸⁵. Эти древние индоевропейские жители Тарима как быстро восстали против китайского господства, так и с живостью объединились с ним, поскольку для них китайский протекторат был защитой против двойного натиска арабов и тибетцев.

Около века прошло с тех времен, когда Сасанидская Персидская империя пала под ударами арабов. В результате битв при Кадисе (637 г.) и Нехавенде (642 г.) могущественная Сасанидская монархия была свергнута и западный Иран был захвачен. В 651 г. Герат был оккупирован арабами, и Йездегерд III, последний сасанид, умер в Мерве. В 651 г. арабы вторглись до Балха. Удовлетворившись этим завоеванием всей старой империи, завоеватели какое-то время не продвигались далее. Они начали свои походы в начале VIII в. под руководством Кутайбы ибн Муслима, который правил Хорасаном от имени Омейядовского халифата с 705 г. по 715 г.⁸⁶ В 705 г. Кутайба пошел против Тохаристана, прежняя Бактрия, тогда управляемая династией тюркских буддистских тегинов, и основанная молодой ветвью древней царской фамилии западных ту-гу. Династия, которая, согласно Суан-цзаню была обычно размещена близ Кундуза. Кутайба тогда имел преимущество для входа в Хорезм и

Согдиану. С 706 по 709 гг. он вел войну в ирано-тюркском государстве Бухара, и в последний год заставил их покориться. Посадил на трон Бухары законного царского наследника, Тугшада, который правил с 710 г. по 739 г. и с начала до конца был арабским подданным и последователем мусульманской религии⁸⁷.

В 709 г. местный тархан Самарканда заключил мир с Кутайбой на условиях выплаты дани и возвращения заложников, но был затем свергнут с трона своими подчиненными, которые были рассержены его трусостью, и был сменен Ихшедом Чуреком. Кутайба, после долгой осады Самарканда, заставил Чурека подчиниться, несмотря на интервенцию тюрков Ташкента и Ферганы, которые были разбиты (712 г.).

В 707 г. народ Бухары и в 712 г. народ Самарканда обратились к Мочжо, сильному кагану восточных ту-гу, который тогда был господином всей Монголии. На каждое прошение Мочжо послал армию на помощь согдийцам под командованием одного из своих племянников, знаменитого Культегина⁸⁸. В 707 г. Кутайба разбил и выгнал каганского племянника в бою между Бухарой и Мервом. В 712 г. ту-гу быстро оккупировали всю Согдиану, и арабы остались только в Самарканде; но в 713 г. Кутайба заставил их отступить. Победоносный Кутайба держал Чурека как вассального царя в Самарканде, но установил арабский гарнизон в городе. После изгнания ту-гу в 712-713 гг., он послал карательный отряд против Ташкента и сам продвинулся в Фергану в направлении Ходжента. В 714 г. был в Ташкенте. В 715 г. он был предательски убит собственными войсками. (Согласно Табари, Кутайба дошел до Кашгара, но это очень спорный момент)⁸⁹. Смерть Кутайбы, единственного арабского генерала тех дней, который имел реальное желание завоевать Центральную Азию, совпала с гражданскими войнами, которые ослабили халифат последних омейядов, и дала согдийцам определенную передышку. В это самое время восстановление китайской силы в Монголии, на Или и в Тариме императором Суан-цзунем дало им надежду о поддержке с этой стороны. В 712 г. царь Ферганы⁹⁰, изгнанный арабами, нашел убежище в Куче, откуда он попросил Китай об оказании помощи для своего восстановления. В 715 г., сразу после смерти Кутайбы, китайский генерал Чанг Хяо-сун восстановил его, после изгнания из Ферганы царя, поставленного арабами⁹¹. В 718-719 гг. Тугшада, царь Бухары, хотя и поставленный на

трон арабами, признал себя вассалом Китая, обратился к китайской интервенции и послал своего брата Арслана (“лев” по-туркски) ко двору императора Суан-цзуня в 726 г. Чурек, царь Самарканда (около 710-739 гг.), также был вынужден признать арабское господство и несколько раз просил китайской помощи (719 г., 731 г.)⁹². Далее на юге тюркский правитель или ябгу Тохаристана (Кундуз и Балх) сделал подобное обращение о китайской протекции от арабов (719 г., 727 г.)⁹³.

Несмотря на желание императора Суан-цзуня на территориальную экспансию, Китай не решался послать армию в Согдиану или Бактрию и начать открытую войну против Омейядовского халифата. Конфликт между двором халифов и двором Чангана, о котором тюрко-иранские Самарканда, Бухара и Кундуз мечтали как о единственной возможности изгнать мусульманских захватчиков, не возник (по крайней мере до 751 г.). Суан-цзун довольствовался укреплением сопротивления согдийцев и тохарцев, наделив их привилегиями дворянства. Тюркский вождь, тюргешский царь Сулу (717-738 гг.), который правил над Или, также поддержал местные восстания против мусульманского господства. Благодаря такой поддержке и ободрению в 728 г. начался большой подъем против арабского господства. В 728-729 гг. бухарский народ восставал при помощи турков тюргешей. В 730-731 гг. Чурек, царь Самарканда, поднял восстание также с помощью тюргешей. Самарканда не был окончательно подчинен арабами почти до 737 г. или 738 г.⁹⁴

КИТАЙЦЫ НА ПАМИРЕ В 747-750 ГГ.

В действительности, император Суан-цзун позволил Бухаре и Самарканду снова попасть под арабское господство. Причиной этому было то, что в Ганьсу и в Тариме китайцы находились в противостоянии с более опасными противниками, тибетцами или ту-фанами.

Тибетцы, разбитые в 700 г. китайским генералом Тан Хиу-ином, попросили мира в 702 г., но война вспыхнула снова почти сразу. В 737 г. китайцы одержали большую победу над ними на западе Коко Нора, и в 746 г. китайский генерал Ван Чун-цзу разбил их повторно в том же регионе. Наградой в участии был форт Ши-пу-чен, близ Шинина на границах Ганьсу: крепость, которая была отобрана у тибетцев китайским генералом Ли Ю, вновь захваченная

немного позже, и снова возвращенная другим имперским генералом Ко Шу-ханом в 748 г. На другом конце Тибета жители угрожали маленьким царствам Памира: Гилгит (на китайском Маленький Пулу), Байтистан (Большой Пулу) и Вахан (Хуми), через которые проходила дорога, связывавшая китайский протекторат Тарима с Индией. Для Танского Китая, связанного с Индией торговыми узами и буддистским паломничеством, было очень важно оставить свободным проход через эти высокие долины Памира. Правители Кашмира Гандрапида (умер в 733 г.) и Муктапида (733-769 гг.) противостояли тибетским бандам как лояльные союзники двора Китая, который даровал им награды (720 г., 733 г.). Это также относится к тюркской буддистской династии Шахи, которая правила над Каписой (Ки-пи в Танском китайском) в Кабульской долине. Китайские почести, награды были дарованы им в 705 г., 720 г. и в 745 г.⁹⁵ Когда тибетцы завоевали Гилгит, имперский генерал Као Сиен-чи пересек Памир в 747 г., вошел в Гилгит через проход Барохил и захватил в плен тибетского вассального царя. В 749 г. ябгу Тохаристана (турецкий буддистский правитель Кундуза, названный китайцами Ши-ли-ман-киало, от санскритского Шри Мангла) искал помощи империи против мелкого горного вождя (в союзе с тибетцами), который перерезал пути сообщения между Гилгитом и Кашмиром. Као Сиен-чи вновь перешел Памир с китайскими карательными войсками и выгнал тибетцев (750 г.)⁹⁶

Два похода Као Сиен-чи на западе Памира определили никитайского вторжения в Центральной Азии под Таном. Китай в это время был господином бассейнов Тарима и Иссык-Куля, Ташкента. Он командовал над Памирскими долинами и был протектором Тохаристана, Кабула и Кашмира. Со своего места в Куче Као Сиен-чи управлял как действительный вице-король в Центральной Азии.

Внезапно все это разрушилось при содействии самого Као Сиен-чи, который держал армии Китая в таких отдаленных районах.

РАСПАД ТАНСКОГО ГОСПОДСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тюркский царь или тудун Ташкента, названный в китайском Кию-пи-шо, регулярно платил дань Китаю (743 г., 747 г., 749 г.). В 750 г. Као Сиен-чи, затем “протектор” (т.е. губернатор или имперский ставленник) Кучи, упрекнул

его в невыполнении обязанностей как охранника границ. Као Сиен-чи прибыл в Ташкент, обезглавил тудуна и присвоил его сокровищницу. Этот акт насилия спровоцировал восстание на западе. Сын жертвы позвал на поддержку карлуков тюрков, чьи территории были в Тарбагатае и на реке Урунгу и простирались от восточного конца озера Балхаш до Иртыша; он также просил о помощи арабские гарнизоны в Согдиане. Арабский генерал Зияд ибн-Салих, который только подавил восстание в Бухаре, поспешил с юга, пока карлукские войска пришли с севера. В июле 751 г. Као Сиен-чи был разбит этими соединенными войсками на берегах Таласа, современный Аулие-Ата (Джамбул). Традиционным было то, что Зияд ибн-Салих привел тысячи пленных назад в Самарканд⁹⁷. Согласно Бартольду, этот исторический день детерминировал судьбу Центральной Азии. Вместо того, чтобы стать китайской, как предзначалось общее направление развития событий, эта область стала мусульманской. Карлуки после победы выразили стремление расширить свои владения по всему Илийскому региону на юге Балхаша и на севере Иссык-Куля. Древние царские резиденции западных ту-гю попали под их власть, и их вождь был доволен взятием меньшего титула ябгу, без сомнения, чтобы избежать раздражения и оскорблений кагана уйголов⁹⁸.

Китайское бедствие в Таласе, возможно, могло быть остановлено, но из-за внутренних стычек и восстаний, которые произошли в конце правления Суан-цзуна, Китай стал жертвой гражданских войн продолжительностью в 8 лет (755-763 гг.) и потерял в одном ударе империю Центральной Азии.

УЙГУРСКАЯ ТЮРКСКАЯ ИМПЕРИЯ

Восстание, которое произошло после падения Танской династии, управлялось киданьским наемником, монголом на китайской службе по имени Ань Лушань. Этот авантюрист быстро присвоил две китайские столицы: Лоулян (755 г.) и Чанган; император Суан-цзун бежал в Цечван. Сын Суан-цзуна, император Су-цзун (756-762 гг.), предпринял попытку возвращения своего государства и позвал на помощь тюрков уйголов, в то время правящих в Монголии⁹⁹.

В 744 г., как было отмечено, уйгуры вытеснили восточных ту-гю из Монгольской империи. Уйгурский каган по

имени Моюнчур¹⁰⁰ по-китайски или Коло (Гэлэ) каган (745–759 гг.) сразу отозвался на призыв императора Су-цзуна, и в ответ был награжден рукой китайской принцессы. Уйгурская армия, прибыв из Монголии, соединилась с имперскими войсками и оказала им большую помощь, отвоевав у восставших город Лоуян (757 г.). Император Су-цзун одарил уйгурского главу почестями и титулами и перед отправлением обещал им ежегодный подарок в 20 000 м. шелка.

Но гражданская война еще не была окончена для других восставших, подвергавших опасности Танский трон. Преемник Моюнчура, новый уйгурский каган, названный в китайских источниках Тенгли Меую (759–780 гг.), обманутый посланниками восставших, подумывал сначала использовать тот момент, когда Танский Китай находился в затруднительном положении¹⁰¹. Он даже начал наступать на Китай с его армией с целью соединения с восставшими, но по дороге хитрый китайский дипломат заставил его изменить свое решение. Он вернулся в имперский альянс и от имени империи отнял Лоуян у восставших (20 ноября 762 г.) и разграбил его. Являясь несомненным спасителем Танской династии, он стал неким обременительным защитником и опасным союзником. В марте 763 г. он окончательно вернулся к себе домой.

Долгое пребывание уйгурского хана в Лоуяне имело важные последствия в духовной сфере. Он стал знакомиться с манихейскими миссионерами, без сомнения, согдийского происхождения, которых взял с собой в Монголию и которыми был обращен в манихейство. Эта древняя персидская религия, возникшая при странном маздо-христианском синкретизме и преследуемая в Ираке и Иране арабами, получила, таким образом, неожиданный удачный поворот в своей судьбе: переход в веру Уйгурской империи, хозяйки Монголии и союзника Китая. Манихейство стало государственной религией уйгуров. Этот самый каган упоминается в Карабалгасунской надписи как “эмансация Мани” (*zahag i Mani*). Высокопоставленное манихейское церковное лицо, “мушо” (китайская транскрипция титула “мойак” на согдийском и “мойе” в Пахлави), имело резиденцию на уйгурской территории как глава новой государственной церкви¹⁰². Манихейское духовенство играло значительную роль в политике. Китайский танский текст этого периода гласит, что “Уйгуры всегда совещаются с манихеями по государственным вопросам”.

Уйгурская империя оставалась доминирующей силой в Центральной Азии под сменяющимися каганами. Алл-

Кутлуг, которого китайцы называют Хо Ку-ту-лу (780-789 гг.), просил и получил руку китайской принцессы. Танский двор не мог отказать этим тюркам, чья враждебность могла уничтожить его, чей союз спас его, и кто вел переговоры с Китаем на равных¹⁰³.

Карабалгасунская надпись перечисляет число других каганов, описанных в следующих эпитетах: Tangrida bulmysh kulug bilga (789-790), Tangrida bulmysh alp qutlug ulugh bilga (795-805), Tangri bilga (805-808), Ai tangrida qut bulmush alp bilga (808-821). Во время правления этого последнего “великолепного, божественного кагана”, как панегирик для него была оставлена надпись на трех языках — китайском, тюркском и согдийском — близ Карабалгасуна на левом берегу Орхона¹⁰⁴. Он также просил руки китайской принцессы, но она вышла замуж за его сына и преемника Kun tangrida ulugh bulmysh kutshlug bilga chung-to, который правил с 821 по 824 г.

Проповедование манихейства с христианскими, мазда-кидскими и иранскими художественными элементами было направлено на развитие цивилизации уйгуров. Карабалгасунская надпись объясняет, что эта “страна варварских обычаяв, пропитанная запахом крови, была сменена на землю, где народ жил на овощах; от земли убийств к земле, где добрые деяния поощрялись”¹⁰⁵. В разные времена (770 г., 771 г., 807 г.) уйгурские посольства во дворе Тана объявляли себя защитниками манихейских общин, уже основанных в Китае и тех, которые только создавались. В 768 г. каган получил от Сына Небес указ, разрешающий манихеям проповедовать в Китае. Манихейские храмы были вследствие этого построены для уйгурских дипломатов (771 г.) в Кинчоу в Хопее, Янчуо в Кянсу, Шаохине в Чекиане и Нанчане в Кянси. Уйгурское посольство 807 г. просило разрешения на строительство других манихейских храмов в Лоуюне и Тайуане.

Земля Турфана¹⁰⁶, объединенная с уйгурскими владениями, могла также гордиться процветающими манихейскими общинами, что подтверждают фрески и миниатюры этого региона, особенно в Идикутчай, обнаруженные миссией Ле Кога. Интересно отметить, что в миниатюрах рядом с портретами уйгурских господ даны портреты манихейских священников в белых робах, тем более, что это были ранее известные персидские миниатюры¹⁰⁷. Из Персии манихейские проповедники принесли наряду с религией эту изобразительную технику, которую они использовали

только с целью пропаганды. Уйгурские властители также фигурируют в некоторых буддистских фресках турфанской группы, особенно в Муртук-Безеклике¹⁰⁸. Нарисованные в церемониальных одеждах, включая прекрасные дворцовые халаты и митру как головной убор, в сопровождении дам, несущих цветы, и слуг, и музыкантов, они свидетельствуют о богатстве и великолепии уйгурской культуры. Далее в этих самых буддистских фресках другие бородатые патроны — тюрко-иранского типа, напоминающие современных кашгарцев, носящие плоские шлемы и следуемые верблюдами и мулами в манере буддистских маги — напоминают согдийских караванщиков, через которых уйгурская империя имела контакт с религиями Ирана¹⁰⁹. Наконец, в уйгурском Турфане можно найти несколько прекрасных несторианских фресок. Но это было в следующий период, после 840 г., во второй половине IX-начале X в., когда развивалось уйгурское турфансое искусство, особенно в Безеклике; тогда уйгуры были изгнаны из Монголии и бежали в огромном количестве в Турфан, где они основали новое княжество. Прекрасные образы этого региона, по всей видимости, датируются этим вторым периодом¹¹⁰.

Перенимая манихейскую религию из Ирана или Внешнего Ирана, уйгуры также заимствовали из этой области, а именно, из Трансоксианы, согдийский алфавит, который был получен из Сирии и на основе которого они развили свою уйгурскую письменность. В IX в. эта письменность заменила древнетюркский (ту-ю) алфавит Орхона¹¹¹. С его помощью они создали национальную литературу, перевели из иранского несколько манихейских текстов, из санскрита, кучанского и китайского языков множество текстов буддистского содержания¹¹². Таким образом, уйгуры опередили в развитии другие тюрко-монгольские племена.

Тем не менее, происходило постепенное ослабление могущества уйголов. В 840 г. их столица — город Карабалгасун был взят, каган убит, и империя была свергнута теми тюрками, которые остались в более диком состоянии, киргизами с верховья Енисея (между Минусинском и озером Косоколем)¹¹³. Двор Китая, который сто лет преклонялся перед этими сильными союзниками, использовал падение для карательного похода на их сподвижников манихеев (843 г.).

Киргизы пришли, чтобы вытеснить уйголов из “имперской Монголии” на верховье Орхона, в соседстве с Карабалгасуном и современным Каракорумом. Эти сибирские

племена явились причиной возвращения к варварству в Монголии. Киргизы оставались хозяевами этих территорий примерно до 920 г., когда они были покорены монгольскими киданями и отступили в степи Енисея.

Уйгуры, лишившись Монгольской империи, расселились в северной области Таримских оазисов, в Кара-коя или Хочо — древний Турфан, в Дзимзе, которая стала тюркским Бешбалыком, в Карабаше и в Куче (843 г.)¹¹⁴ Другая уйгурская группа, с этих пор известная под именем сары-уйгур, основалась в западном Ганьсу, вокруг Ханчоу¹¹⁵, около 860 или 866 гг. Уйгурское княжество существовало до 1028 г., когда оно было захвачено тангутами. Процветающее государство буддизма в Тунхване в X в. явилось доказательством того, что эта уйгурская группа быстро отказалась от манихейства в пользу местной буддистской веры¹¹⁶. Уйгурское царство Бешбалыка существовало до прихода Чингисхана в XIII в.; на древней тохарской (или более точно, на кучанской) основе, которую они приняли, уйгуры этой области создали интересную буддистско-неисторианско-манихейскую цивилизацию, продолжая культуру Кучи. Там также манихейство было устранино достаточно быстро, и во времена Чингисхана уйгуры Бешбалыка-Кучи остались буддистами или неисторианцами.

Вероятно то, что расселение уйголов на турфанской и кучанской территории способствовало тюркизации этих древних индоевропейских земель и привело к смешению уйголов и местных жителей, в результате народ какое-то время был билингвом. Так во всяком случае утверждают мусульманские источники, что кроме их тюркского диалекта жители Уйгурстана имели долгое время другой язык, на котором они говорили между собой¹¹⁷. Возможно, что уйгуры извлекли пользу из письменных сокровищ на “тохарском” языке, которым они продолжали пользоваться. Уйгурская литература, выгравированная на дереве, встречающаяся так же часто, как и написанная, которая была обнаружена германскими, французскими и английскими экспедициями в современном Синкяне, показывает, что во время тюркской трансформации эта страна держала в действии их прежнюю интеллектуальную активность¹¹⁸. Таким образом, уйгуры заслужили роль “учителей цивилизации” для тюрко-монгольских государств Алтая и Орхона: для найманов в XII в. и для Чингисхана в XIII в., которых они снабдили рукописями, “канцеляриями” и письменным языком.

ТЮРКИ ШАТО

Китайская Танская династия, которая была свергнута в 907 г., начала приходить в упадок в 880 г. в результате крестьянского восстания, возглавляемого неким Хуан ЧАО. Чанган, имперская столица, как и великий город Лоуян, перешли в руки восставших, и двор призвал на помощь новую тюркскую орду — чол, Чу-уе в китайской транскрипции и в китайском переводе ша-то: “народ из пустыни песков”¹¹⁹.

Бартольд относит этих шато к племенам тогуз огузов, из которых, по крайней мере, часть кочевала на севере Аральского моря с X по XII в.¹²⁰ В действительности, шато отделились от группы западных ту-ю в VII в. для проживания на востоке озера Барколь. В 712 г., когда тибетские банды опустошили Баркольский регион, шато двинулись на запад в направлении Кученга. В 808 г., изгнанные с этих стоянок тибетскими вторжениями, они обратились к Китаю с просьбой о защите. Танский двор основал их как конфедератов на северо-востоке Линчоу (близ Ниньсиа), в северной части Ордоса.

Шато оставались в Ордосе до 878 г. В этот год, используя гражданская раздор в Китае, один из их лидеров — Ли Ко-юн — захватил пограничную землю Та-тунга на севере Шаньси, где он разместился. В 880 г., когда ужасное восстание, управляемое Хуан ЧАО, вырвало столицу Чанган из рук Тана, последний обратился к Ли Ко-юну. Этот молодой лидер (ему было тогда 28) описывается китайскими историками как храбрый и верный воин. Он взял на себя роль спасителя Тана и его верность никогда позже не вызывала сомнений. Он изгнал восставших из города Чанган в 883 г. и в качестве вознаграждения был назначен министром в имперском правительстве, которое он только что спас. Возможно, более важным для него было то, что в это же самое время он был награжден губернаторством в Тайуане, современная Шаньси. В это время этот окитаизировавшийся тюрок мог достичь успеха в уничтожении Танской династии и занять престол Китая; но от данного шага, возможно, его удерживало чувство верности. Вместо этого бывший бандитский главарь, Чу Ен, который расположил к себе китайцев, захватил власть. Сменив последнего из Танской династии, он провозгласил себя императором и основателем династии Хоу-лян (907 г.). Тем не менее, Ли Ко-юн оставался хозяином Шаньси, и после его смерти в 908 г. его сын Ли Цзун-су (умер в 926 г.) сменил его как

император под титулом царь Чина, со столицей Тайуанем. В 923 г. Ли Цзун-су участвовал в свержении династии Хоу-лян и стал императором Китая (его столицей был Лоулян) как основатель эфемерной династии Хоу-Тан, которая существовала не более чем тринадцать лет (923-936 гг.). В 936 г. последний Хоу-Тан был смешен благодаря помощи орды киданей генералом Ши Кин-таном, другим тюрком шато, который провозгласил себя императором Китая и основал династию Хоу-Чин со столицей в Хайфене (Пиен). Но она была обречена на более быстрое исчезновение, чем предыдущая, и существовала только десять лет (936-946 гг.). В 946 г. эта древняя, но полностью окитаизированная, ветвь тюрков была свергнута настоящими варварами киданями, монгольским народом.

КИДАНИ

Кидань (в китайской транскрипции), или хитай (в арабо-персидских источниках), или китат (на монгольском языке) отмечены в китайских анналах в 405-406 гг., в то время, когда они основались на западе реки Ляо¹²¹. Они принадлежали к монгольской семье, их язык был “монгольским диалектом, сильно палатализированным контактом с тунгусскими формами речи”¹²². В 696 г., пройдя через переход Шанхай-хван, они напали на Хопей в районе Юньпин, достигли равнины Пекина, но Танский двор (под управлением императрицы У Хоу) призвал против них Мочжо, кагана восточных ту-ю, тогда находившегося в расцвете сил, который взял их с тыла и нанес такой разрушительный удар в 697 г., что, как было отмечено, их экспансия была остановлена на три века.

Пограничная война между киданями и китайцами в 734-735 гг. не изменила ситуацию. В 751 г. кидани разбили китайскую армию на северо-востоке Пинлу (близ современного Пинчуана), которая находилась под командованием человека из их собственного рода, печально известного Ань Лушаня, который был принят на китайскую службу и стал фаворитом Танского императора Суан-цзуна. Это был тот самый Ань Лушань, который позже попытался сместить Суан-цзуна и сменить его как император (755 г.).

Кидани оккупировали северо-западный бассейн Ляо и регион ее протоков Сара Мурен и в начале X в. были возглавлены энергичным вождем по имени (в китайской

транскрипции) Е-лу, (его клановое имя) Апаоки (умер в 926 г.). Согласно поздним аналитикам, Апаоки начал вводить внешние китайские атрибуты внутри своей орды, для которой в 947 г. его преемник взял династическое имя Ляо. Под этим именем кидани известны в истории Китая. В 924 г. он вошел в Монголию, продвинулся до верхнего Орхона, вошел в Карабалгасун и выгнал киргизов, которые населяли этот район с 840 г., заставив их вернуться на верхний Енисей и степи запада¹²³. Странно, что он предложил восстановить страну Орхон для уйголов западной Ганьсу. Древние уйгурские каганы владели этими землями с 743 г. по 840 г., но их потомки, приняв оседлый образ жизни, отвергли идею возвращения к кочевой жизни¹²⁴. На востоке Апаоки, который умер в ходе этого похода, разрушил в 926 г. Тунгусо-Корейское царство Бохай, которое включало в себя северную Корею (север по 40-й параллели) и часть Маньчжурии, лежащей на востоке Ляотуна (от Харбина и Владивостока до Порт Артура). Джурчиды тунгусы с Маньчжурского северо-востока, в лесах Уссури, сами стали вассалами киданей.

Апаоки также попытался использовать гражданские войны, раздиравшие Китай, с целью захвата Хопея, но был изгнан обратно в Ванту, юг Паотиня, вышеупомянутым Ли Цзун-су, основателем династии Хой-Тан (922 г.).

После смерти Апаоки его вдова¹²⁵, хатун неутомимой энергии, как многие тюрко-монгольские леди (включая мать Чингисхана), ухитрилась сделать любимого второго сына избранным ханом. “Она собрала вместе Совет народа (курультай у монголов Чингисхана), приказала старшему сыну Ту-ю и ее второму сыну То-куаню (китайские транскрипции) сесть на лошадей, и затем сказала для собравшихся достойных людей, что известили о ее желании: “Я люблю этих двух моих сынов одинаково и не могу решить между ними. Схватите узду того, который кажется для вас достойным!” Естественно, они схватили узду То-куаня, и То-куань стал ханом (927-947 гг.). Сначала его мать правила вместе с ним, но согласно ее собственным идеям. Каждый раз, когда вождь расстраивал ее, она посыпала его “спросить новости у ее последнего мужа”. Воины спешали к могиле Апаоки, затем посыпали такие послания от жизни к смерти. Китайский сановник, Чао Суен, будучи посланный с таким поручением, заявил, что такая честь должна принадлежать сначала вдове. Хатун ответила, что, к несчастью, ее продолжающаяся жизнь была необходима для орды; тем не менее, она публично отрезала руку и похоронила в царской могиле¹²⁶. Этот обычай следования в фамиль-

ные гекатомбы после смерти главы является древним обычаем степей, существовавшим у скотов, хуннов, монголов. Несмотря на соблюдение этих варварских обычаев, хатун не колебалась в том, чтобы доверять китайскому министру Хан Ен-хуену.

Новый киданьский хан, Е-лу То-куан, вскоре создал условия для внедрения китайских традиций. В 936 г. он взял под свою протекцию имперского генерала Ши Чинтана, который восстал против династии Хоу-Тан, напал на Хопей по переходу Купехоу во главе 50 000 человек и помог Ши Чин-тану разбить имперские войска и занять престол Китая как основатель династии Хоу-Чин.

Став, таким образом, императором Китая при помощи киданей, Ши Чин-тан отдал им в благодарность северную часть Хопея, включая Енчоу (современный Пекин) и крайний север Шаньси, с Юнчоу (936 г.). Варвары стали размещаться в пределах Великой стены, в тех северных границах, в которых они могли вести наблюдение за китайской политикой. Вероломство Ши Чин-тана образовало первую брешь в целостности древней империи и дало возможность ордам захватить север Китая в XII в. и весь Китай в XIII в. Пекин, покоренный То-куаном, перешел от киданей к джурчидам, от джурчидов к Чингисхану, и, таким образом, оставался во властиnomадов с 936 г. по 1368 г. В 938 г. То-куан сделал Пекин своей южной резиденцией ("нанкин" по-китайски), северной стала Линхван на Сара Мурене и восточная — в Ляояне¹²⁷.

Ши Чин-тан, император Китая по милости киданей, оставался послушным им до самой смерти в 942 г., но его племянник и преемник Ши Чун-куей (943-946 гг.) пытался освободиться от этого попечительства. Это был очень необдуманный поступок. Кидани разбили его войска близ Хокиена, перешли Желтую реку и показались перед Кайфеном (затем Талиан), императорской столицей, куда их хан То-куан вошел в первый день 947 г.

Киданьский хан, без сомнения, собирался провозгласить себя императором Китая, и в захваченном им Кайфене он одел китайское платье. Но за его спиной китайцы восстали, уничтожив изолированные киданьские группы, особенно в Чантене. В виде ответной меры То-куан истребил жителей Чантена, и, столкнувшись с всеобщим подъемом, вернулся в Жэхэ, захватив с собой полностью китайский двор в качестве пленников. Вскоре, дойдя до Чентина, он умер. Его внезапная смерть в 947 г. породила волнения среди киданей и таким образом лишила их возможности завоевать Китай.

Во время отступления киданей китайский генерал, командовавший в провинции Шаньси, Лиу Чи-юань, который имел происхождение из тюрков шато, был провозглашен императором в феврале 947 г. Активно поддерживаемый китайскими народными массами, он взошел на императорский трон в Кайфенге в апреле того же года как основатель династии Хоу-Хан.

То-куан как правитель киданей был сменен Е-лу Юанем (947-951 гг.) и Е-лу Кином (951-968 гг.). Кидани должны были потерять всякую надежду на вмешательство в дела Китая, если бы сами китайцы не дали им возможность сделать это. В 951 г. имперская семья Хоу-Хан, изгнанная с трона новой династией Хоу-Чоу, нашла убежище в центральной Шаньси, где они основали местное княжество, известное как Пей-Хан, которое существовало с 959 по 979 г., со столицей в Тайване. Продолжительная война затем вспыхнула между династиями, правящими последовательно в Кайфене, с одной стороны, Хоу-Чоу (951-960 гг.) и Сун (960 г.), и с другой, правители Пей-Хан в центральной Шаньси, которые правили в Тайуане. Из-за вражды с теми, кто отнял у них трон, и с целью защитить их маленькое царство в Шаньси, Пей-Хан поставил себя под протекцию киданей. Кидани были готовы присоединиться к этой игре и их армии поторопились на помощь Пей-Хану, когда имперские войска попытались взять Тайуан.

Такой была ситуация до великой национальной династии Сун, взошедшей на престол в 960 г. В 975 г. она восстановила союз всех китайских государств, с единственным исключением — царство Пей-Хан в Тайуане.

Основатель династии Сун, великий император Тайцзу (его личное имя было ЧАО Куан-юн), уже пытался захватить в 968 г. Тайуан, но ему помешали кидани, которые как обычно успели прийти на помощь. Второй Сунский император, Тай-цзун, был более удачлив. В 979 г. несмотря на киданьскую интервенцию, он добился успеха во взятии Тайуана для присоединения царства Пей-Хан в Шаньси. Затем он решил выгнать киданей с территорий, которые они занимали с 936 г. на юге Великой стены: Татун и Пекин. Но правящий киданьский государь Е-лу Сиен (968-982 гг.) и его генералы оказали сильное сопротивление и разрушили его попытку захвата этих территорий. Китайский император продвинулся до Пекина и осадил его, но был разбит киданьским генералом Е-лу Хио-ко у реки Каолян, северо-запад Пекина, и поспешно вернулся в Чоучоу по Пекин-Паотин-

ской дороге (979 г.). Кидани в свою очередь попытались завладеть китайской частью Хопея, но их генерал Е-лу Хиоко был разбит перед Чентином.

В 986 г. император Тай-цзун совершил новую попытку захвата. Киданьский хан Е-лу Хсиен только что умер и был заменен двенадцатилетним мальчиком, Е-лу Лунь-су (983-1031 гг.), под регентством королевы матери Сяо-ши. Момент казался благоприятным. Китайская армия под командованием генералов Цао Пин, Пан Мей и Янь Е была разделена на несколько колонн, некоторые из них пошли на Татун, а другие на Пекин. Колонны с левой стороны имели успех во взятии Татунского региона, но с правой стороны смогли продвинуться не дальше чем Чоучоу и были в конечном счете разбиты киданьским генералом Е-лу Хиоко в Ки-коу-куане, юго-запад Чоучоу и отступили обратно к реке Киума, на половине дороги между Пекином и Паотином¹²⁸. Остатки китайских войск бежали на юг. Е-лу Хиоко догнал их, отмечает Тан-чен-кан-му, когда они переходили реку Ша, север Чентина и Хокиена. Он сбросил китайцев в реку, где они погибли в большом количестве. Кидани взяли Шенчоу (близ Чентиня), Точоу и Суенто, но к счастью для Китая, они не воспользовались своим преимуществом, чтобы пойти дальше на юг. Это было до 989 г., когда китайцы были способны восстановиться для того, чтобы разбить киданей у Паотиня.

Китайские несчастья умножились тангутами, народом тибетской ветви. В начале XI в. тангуты основали новое государство в Ордоце и Алашани: царство Си-Сиа, которое стало постоянной опасностью для китайской провинции в Шенъси. Основатель этого государства ЧАО Пао-ки, также известный под именем Ли Кицен (умер в 1003 г.), был признан как правитель Си-Сиа в 990 г. киданями, которые были тогда хозяевами всех орд в восточной Гоби. В 1001 г. он захватил у Китая важную крепость Линчоу или Лунву, близ Ниньсиа. Это было недалеко от того места, в Халачаре, где цари Си-Сиа имели свою столицу. Империи Сунь, таким образом, угрожали одновременно кидани на северо-востоке и Си-Сиа на северо-западе.

В 1004 г. во время правления третьего суньского императора, киданьский царь Е-лу Лунь-су возглавил поход через южный Хопей с целью захвата Паочоу (современный Паотинь), Кичоу (Таминь) и также Тоцинь, или современный Циньфен, напротив Кайфена — китайской столицы, от которой он был отделен только Желтой рекой (как она протекала в 1000 г., ее течение изменилось в 1007 г.). В

Кайфене боязливый придворный посоветовал императору Чен-цзуну переместить свою столицу в Нанкин или в Шечван. Он не только отказался сделать это, но и предпринял решительный шаг. На северном берегу Желтой реки укрепленное место в Шенчоу или Чнечоу все еще крепко держалось¹²⁹. Храбрый китайский капитан, Ли Ки-лунь, осажденный в этом месте киданями, заманил их в засаду, где они понесли тяжелые потери. По карте было видно, что Шенчоу преграждает дорогу в Кайfen. Если Ли Ки-лунь был бы разбит, то кидани могли бы достигнуть Желтой реки напротив столицы. Император Чен-цзун был достаточно храбр, чтобы оставить Кайfen и перенести войска в Шенчоу на "фронт". Его решительные действия подействовали на киданей, которые в 1004 г. подписали мирный договор в этом же городе. Граница оставалась такой, какой и была в 936 г.: Пекин и Татун были отданы киданям, а Паотин и Нинву китайцам. Эта граница шла через Хопей вдоль северных окраин Пачоу (которые оставались в китайском владении), и через Шаньси, север гор Утай, которые также продолжали быть частью китайской территории¹³⁰.

Мир 1004 года был сохранен в течение ста лет. Кидани, правя в Пекине и Татуне, больше ничего не требовали, и Суньская династия, которая, только за этим исключением, владела всем Китаем, оставила идею вновь захватить эти два города. Кидани направили свои амбиции на Корею и Гоби. Но их атаки на Корею были отражены в 1014 г., когда корейцы согласились на диверсионную акцию, предпринятую джурчидами, тунгусский народ из Уссури. В Гоби кидани изгнали уйгуров из Канчоу и Сучоу, города западной Ганьсу. Около 1017 г. они попытались захватить Кашгию и Иссык-Кульский регион, страну, которая принадлежала исламизированному тюркскому правящему дому Караканидов. При продвижении восьмидневным маршем в пределах одной из караканидских столиц, Баласагун на верховье Чу, запад Иссык-Куля, они были отражены караканидским ханом Кашгара, Тугханом¹³¹.

Тангутское царство Си-Сиа также обратило свои взоры в западном направлении. Их царь Чао То-мин (1006-1032 гг.) в 1028 г. захватил город Канчоу у уйгуров. (Кидани в 1009 г. потерпели неудачу в удержании этого города). В 1036 г. его сын Чао Ян-хао (1032-1048 гг.) также захватил у тибетцев города Сучоу и Тунхван. В 1044 г. он отразил атаку киданей близ Ордоса. Во время его правления тангуты овладели собственной письменностью, письменностью Си-Сиа,

взятой из китайского языка. Вся библиотека написанных работ и манускриптов в Си-Сиа была обнаружена миссией Козлова в Каракото, древний И-цзи-най, “Этзина” Марко Поло, в северной Ганьсу¹³².

Кидани подобным образом создали собственную письменность, но долгое время не был найден ее след¹³³. Наконец, в 1022 г. две надписи на киданьском языке, датируемые первыми годами XII в., были обнаружены в Монголии¹³⁴.

ДЖУРЧИДЫ

Идея захватить у киданей районы Пекина и Татуна все еще была актуальна для китайцев. Император Хуи-цзин (1101-1125 гг.), один из выдающихся суньских правителей, любитель искусства и сам художник, совершил ошибку, “поставив варваров против варваров, и тех кто далеко, против тех, кто близко”. В этом просматривается традиционная китайская тактика, так часто используемая с неизменным успехом, особенно в начале Танского периода Тай-цзуном Великим. Но в данном случае она была ошибочной. Кидани, эти варвары, которые стали цивилизованными и явно окитаизировавшимися, были хорошими соседями. В их тылу, в Уссурийских лесах, в Маньчжурском северо-востоке и в современной Российской приморской провинции, жил тунгусский народ по имени джурчиды (жу-чен в китайской транскрипции, журче в арабо-персидской)¹³⁵. В 1124-1125 гг. китайской посол Хиу Кан-цзун описал этих джурчидов как явных варваров¹³⁶, их ханский центр был окружен пастбищами и пасущимися стадами. Это скопление домов не имело улиц или даже аллей и укрепленных оборонительных стен, кроме одной, окружавшей царскую ставку или бараки. Хан восседал на троне, покрытом двенадцатью тигровыми шкурами. Он описал множество варварских пиров, с музыкой, танцами, изображением охоты и битв, а также верховное богатство для этих лесных жителей — разрисованных женщин, жонглирующих с зеркалами, от которых отражались блики света на зрителей. (Это была игра богини молнии, аналогичной японской сцене, в которой Аматерасу является героиней.) С этими варварами, которые “хуже чем волки или тигры”, согласно корейскому послу во двор Китая, Китай вступил в союз для того, чтобы разрушить киданей.

Именно в это время энергичный вождь по имени Акута из царского рода Ван-уен был занят организацией джурчидов(1113-1123 гг.).¹³⁷ В 1114 г., обнаружив скрытую слабость киданьских правителей, которые питали так много из китайского образа жизни, он восстал против их господства и возглавил свою орду для захвата их владений. В течение девяти лет он изгнал их из всех крепостей, захватив от севера до юга следующие центры: в 1114 г. Нинкиан (юг современного Харбина); в 1116 г. Ляоян, падение которого принесло всю современную Маньчжурию в руки джурчидов; в 1120 г. Линхван, северную столицу киданей (на Сара Мурене на севере современного Жеколя); в 1122 г. Татин, их центральную столицу (близ Цифенга, северный Жэхэ), и в тот же год, Татун, в северной Шаньси. В договоре о союзничестве, так необдуманно заключенном китайским императором Хуи-цзуном с джурчидами, было поставлено условие, что при разделе киданьских владений Пекин должен быть возвращен Китаю. Но китайцы оказались неспособными вернуть город и джурчиды захватили его (1122 г.), после чего они в несколько презрительной форме даровали его Китаю (1123 г.). Последний киданьский царь, Е-лу Енши, который бежал по направлению в Куку Хото, попытался закрепиться вокруг Вучоу (близ Шопина, 1124 г.) до его захвата джурчидами (1125 г.).

Захватив, таким образом, киданьское царство, джурчиды, под мудрым руководством царского клана Ван-уен, приложили усилия для создания постоянного государства на китайский манер. В связи с этим они дали династии Ван-уен название Золотой: алчун на тунгусском языке, кин на китайском, так китайские историки называли их впоследствии¹³⁸.

Смещение монгольских киданей тунгусской ветвью не приученных к цивилизации варваров вскоре сказалось на китайцах, которые так необдуманно поощряли уход киданей. Кинский правитель Акута, который умер в расцвете своего триумфа (1123 г.), был сменен его братом Укимай, очень амбициозным человеком, который правил с 1123 по 1135 г. Двор Китая поступил достаточно неблагоразумно, вступив в спор о владении некоторыми пограничными городами на севере Пекина, и пошел на то, чтобы поддержать восстание против Кина. Это привело к войне. В течение нескольких месяцев кинский генерал Ниен-мохо захватил Пекин и долину Хопей у китайцев, затем Тайван и сердце Шеньси (1125 г., 1126 г.). Другой кинский генерал, Валипу,

воссоединился с Ниен-мохо, пересек Желтую реку и появился перед Кайфеном, китайской столицей. Их защитники, жалкий Хуи-цзун и его сын Кин-цзун, сдались (конец 1126 г.). Два несчастных правителя со всей свитой, багажом и сокровищницей были отправлены в кинскую "столицу" в Нинкиане, юг Харбина, в дебрях Маньчжурии (начало 1127 г.)¹³⁹.

Некий член имперской суньской семьи, Као-цзун, избежал этого бедствия. Он объявил себя императором на юге в Нанкине под защитой Янцзы (1127 г.). Тем временем кины закончили покорение последних крепостей в северном Китае, которые все еще находились в имперских руках: Хокиен и Тамин в Хопее, Цзинан в Шантуне, Чанте в Хонане (Пучоу) в юго-западном углу Шаньси, а также Кайфен, который имперские войска, пользуясь отсутствием кинского гарнизона, вновь оккупировали.

После захвата севера они повернули в Центральный Китай. В 1129 г. кины под командованием Ниен-мохо покорили страну между низовьем Хвай и низовьем Янцзы. Затем двумя армиями они атаковали низовья Янцзы. Западная армия пересекла реку Хванчоу в Хапе, обрушилась на Кянчоу (Киукиян в Кянси), север озера Поян, и на Хунчоу (Нанчан) юг озера. Отсюда они двинулись до Киенчо (Канчо в южной Кянси). Таким образом, они стремительно прошли почти весь южный Китай. Даже монголы в следующем веке не передвигались так быстро. Вторая кинская армия, которая действовала в низовье Янцзы, пересекла эту реку близ Тапина и заставила Нанкин капитулировать. Император Гао-цзун бежал в Нинпо (тогда известный как Минчоу) и позже в порт Венчоу, юг Чекиана. Из Нанкина кинский генерал Ву-чу начал преследование и захватил Нанчоу и Нинпо (конец 1129 г.- начало 1130 г.).

Кинская армия, состоящая полностью из конницы, отважилась пройти так далеко до этого китайского юга с его затопляемыми землями, разливающимися реками, рисовыми полями и каналами, и плотным населением. Ву-чу, глава кинских войск, искал путь для отхода на север, но был остановлен Янцзы, теперь разлившейся и ставшей широкой как море, которую патрулировала китайская флотилия. Наконец, изменник показал ему как можно перейти реку близ Ченкиана, восток Нанкина (1130 г.). После того, как юг стал свободным от кинов, император Гао-цзун вернулся в 1130 г. и поселился в Нанчоу, и этот город оставался столицей Китая до монгольского нашествия.

Кины были расстроены этой неудачей. Китайские генералы начали возвращать свои владения между реками Янцзы и Желтой, и храбрейший из них, Ио Фей, отобрал у кинов важный город Сянгуган (1134 г.). В 1138 г. он совершил поход на Кайфен, когда император Гао-цзун, имея слабый характер, устав от этой войны, заключил мир с кинами. Кинский царь Холома (1135–1149 гг.), который только что сменил своего кузена Вукимаи, также хотел мира, потому что опасность угрожала ему с севера. Монголы, которые теперь появились, наконец под именем, которым они известны в истории, только что создали союз под предводительством хана Хубилая и атаковали кинов с тыла, в районе восточного Гоби (1135–1139 гг.). В 1147 г. кины были вынуждены сдать им часть пограничных районов¹⁴⁰.

В сложившейся ситуации сразу был заключен мир между Кинским царством и китайской империей Сунь (1138 г.). Граница прошла по направлению Хваи и высот между бассейном Желтой реки (и Вей) и верховьем Хана. Желтая река и бассейн Вей принадлежали кинам, а Ханский бассейн — китайцам. Таким образом, кины держали Хопей, Шантун, Шаньси, почти всю Шеньси и Хонан и часть районов севера Аньхея и Кянсу, так что их владения в Китае были значительно больше, чем владения киданей.

Китай, следовательно, был теперь разделен между национальной китайской империей Сунь на юге, которая имела Нанчоу как столицу, и джурчидским (т.е. тунгусским) царством Кин на севере. Сначала кины держали их северную столицу (пей-кин по-китайски) в Хвайнине близ Харбина, в Маньчжурии, которая оставалась главной резиденцией их царей до 1153 г. Наш Пекин был их второй, южной столицей (нанкин в китайском). Они также имели центральную столицу (чун-кин) в Татуне, север Жеколя. В 1153 г. кинский правитель Тикунай сделал Пекин своей основной резиденцией, и с этого времени и далее Татин в провинции Жеколь признавалась как столица севера, Ляоян как столица востока, Татун как столица запада, наш Пекин как центральная столица, и Кайфен как столица юга.

Необходимо отметить роль, которую сыграл в основании Кинского царства принц царской фамилии Ван-уен У-ши (без сомнения, Гоши на тангутском языке джурчидов), способный государственный деятель, имевший влияние на правительство как шаман¹⁴¹. Это он, адаптируя китайские иероглифы для тунгусских звуков, создал джурчидские “великие иероглифы”. Возросший престиж сделал его

подозрительным в глазах царя Холома, который умертвил его в 1139 г.

Царь Тикунай, который взошел на кинский престол после убийства его предшественника Холома и части царского рода (1149 г.), был варваром, которого цивилизация просто извратила, чувственным зверем, чьи приступы гнева напоминали дикий темперамент древних джурчидов и чья любовь к удовольствиям заставила оставить маньчжурское место первых кинов — его родные леса — ради дворцов Пекина. Это было главной ошибкой, приравненной к гибели, в то время, когда татары и монголы стали увеличивать свои походы в Маньчжурский район. Но Тикунай хотел стать настоящим императором Китая и отобрать южный Китай у суней. В 1161 г. он атаковал суней, вошел в низовье Янцзы и попытался пересечь реку в главе дельты напротив Янчоу, близ островка Киншана и современного города Ченкиана. Но потерпел неудачу. Его войска, доведенные тиранней, убили его, и другой царь, У-ло, объявил себя царем в Ляояне (1161 г.).

Новый кинский государь не терял времени в создании мира с сунами, заключенного в результате переговоров, проходивших между 1163 и 1165 гг. на основе *status quo ante*. Источники описывают его как мудрого принца, который со своего трона в Пекине перебрался в леса современной Маньчжурии, на собственную землю. Он умер очень старым, оставив трон своему внуку Матаку (1189 г.).

Матаку (1189-1208 гг.), как сообщают китайские источники, позволил джурчидскому народу отдохнуть от войн. Последствия этого пришлось испытать его преемнику во время монгольского нашествия. Тем временем в 1206 г., когда суны необдуманно начали вражду, кины пересекли Хвай, который обозначался границей между двумя государствами, и продвинулись до Янцзы. Матаку потребовал голову того, кто хотел войны, но в 1208 г. согласился вернуться к территориальному *status quo* на условиях увеличения количества подарков, серебра и шелка, которые китайский двор посыпал Кину ежегодно, и которые были ничем иным как тонко замаскированной данью. Во время правления его преемника Чун-хэй (1203-1213 гг.) началось монгольское нашествие.

Перед рассмотрением истории монгольского народа, которая так сильно повлияла как на мусульманский тюркский мир, так и на Дальний Восток, необходимо вернуться назад к истории тюрок, которые обосновались на исламской территории с XI в.

**Тюрки
и Ислам
в XIII веке**

Глава 3

ИРАНСКИЙ БАРЬЕР ПРОТИВ ТЮРКСКОГО МИРА В X ВЕКЕ САМАНИДЫ

Укрепление арабского владычества над Трансоксианой после сражения при Таласе в 751 г., как уже отмечалось, обеспечило защиту иранскому народу. Освободив Трансоксиану от двойной опасности: тюркского мира (тогда языческого) и Китая, арабские губернаторы полагали, что они действовали только в своих интересах от имени халифата. Но в третьей части следующего века власть в Бухаре и Самарканде перешла от арабских завоевателей к настоящим иранцам, потомкам древних исторических согдийцев. Чисто иранские Саманиды (правящий дом, произошедший в Самани близ Балха), таким образом, с 875 по 999 гг. стали хозяевами Трансоксианы со столицей в Бухаре. Эта передача власти произошла без революции или насилия, в узком кругу мусульманского общества в рамках все еще официально признаваемого владычества халифата. Саманиды были удовлетворены скромным титулом эмира и хотели быть не более чем представителями халифа Багдада. В действительности все шло так, как если они полностью были бы независимы, и их требования, связанные с Бахрамом Чобином, древним царем Персии, показали настоящий характер национального иранского восстановления под некоторым прикрытием ортодоксального ислама¹.

Великий период Саманидской династии начинается с правления Наср ибн Ахмеда, который в 874-875 гг. получил Трансоксиану как феодальное поместье от халифа Мутамида, с резиденцией в Самарканде². В тот же год Наср назначил своего брата Исмаила вали или губернатором Бухары. Однако вскоре между двумя братьями разразился конфликт (885 г., 886 г.) — пагубная тенденция, общая для Трансоксианских династий. После смерти Насра в 829 г. Исмаил остался единственным государем, и с этого времени его царская ставка в Бухаре стала саманидской столицей.

Исмаил (Исмаил ибн-Ахмед, 829-907 гг.) был великим государем. Он увеличил (удвоил) протяженность владений благодаря победе своих войск близ Балха весной 900 г., одержанной над сафаридским правителем Амир ибн-эль-Латифом, государем Хорасана, которого он взял в плен³. Исмаил отметил этот триумф присоединением Хорасана, в 902 г. отнял Табаристан у другого царского дома, включая Раи (современный Тегеран) и Казвин. В 893 г. на северо-востоке он руководил кампанией против тюркского региона Талас. При захвате города (Талас или Аулие-Ата) он преобразовал церковь основанного там христианского общества, возможно, несторианского, в мечеть⁴. Иранский принц вернулся домой из похода в тюркские степи с огромной добычей лошадей, овец и верблюдов, захваченных у кочевников. Следует отметить, что действуя таким образом, он придерживался политики предотвращения походов, проводимой древними сасанидскими царями на северном берегу Окса (Амударья). Этот взгляд на Сырдарью (Джаксарт) — “Взгляд на Рейн” древних господ Ирана — имел теперь религиозный подтекст: персидская исламская война против тюркского мира, все равно, языческого или несторианского. Ситуация изменилась, когда приграничные тюркские орды были обращены в ислам. Это изменение веры, к которому Саманидская династия так стремилась, обернулось против их покровителей, потому что после этого ворота мусульманского общества были широко открыты для кочевников.

Пик власти Саманидской династии с территориальной точки зрения наступил при правлении Насра II ибн-Ахмеда (914-943 гг.). Ташкент (Шаш) на севере, Фергана на северо-востоке, Раи на юго-западе (этот последний город с 928 г.) — все составляли часть Саманидского государства, влияние которого простипалось до Кашгарии. Но обращение Насра в шиитский ислам привело к росту серьезных беспорядков, которые явились результатом его отречения. В это время иранцы Трансоксианы были все еще приверженцами суннитов, и были склонны проводить религиозное различие между ними и собственно персами⁵.

Правление Нуха I ибн-Насра (93-954 гг.) ознаменовалось началом падения династии. Иранская военная аристократия возглавила восстание. На юго-западе Саманиды выступили против другой иранской династии — Баидов, которые правили в Западной Персии. Конфликт был обострен религиозными размолвками: Саманиды были суннитами, а Баиды — шиитами. Это религиозное различие явилось поводом к

войне, главной целью явилось овладение городом Раи, который менял правительство несколько раз. Это была война, отразившаяся только на внутренней истории Ирана, исключая опасное ослабление Саманидской династии в ее противостоянии тюркскому миру. В этот момент, однако, происходило обращение в ислам многих тюркских племен, что дало им право членства в обществе Трансоксианы, в которое они допускались как наемники, и таким образом, иранцы постепенно сами отдали в руки тюрков ключи от иранской твердыни.

Таким был случай с газневидами. В правление саманида Абд аль-Малика I (954-961 гг.) тюркский раб по имени Алптигин, который получил командование над гвардейцами, назначил себя губернатором Хорасана (январь-февраль 961 г.). В правление следующего саманида, Мансура I ибн-Нуха (961-976 гг.), он был смешен со своего поста и отступил в Балх. Затем, вытесденный из этого города саманидской армией, он нашел убежище в Газни, в Афганистане (962 г.)⁶. Его семья обосновалась там, признав саманидское господство в этой новой области. Это было первое государство, основанное на мусульманской иранской территории тюрками. Алптигин вскоре после этого умер (около 963 г.?). Тюркская наемная армия, которую он увеличил в Газни, и которая была уже глубоко проникнута идеями ислама, в 977 г. была возглавлена другим бывшим тюркским рабом, мамлюком по имени Себуктигин, который сделался господином Тохаристана (Балх-Кундуз) и Кандагара и начал захват Кабула⁷.

В правление саманидского правителя Нуха II ибн-Мансура (977-997 гг.) феодальная анархия, явившаяся результатом неповиновения иранской военной знати, достигла такого размаха, что в 992 г. один из баронов, Абу Али, призвал на помочь против его господина караханида тюрка Бугра-хана Харуна, который правил в Баласагуне, на Чу. Бугра-хан совершил военный поход в Бухару, в которую он вошел в мае 992 г., хотя и не делал попытки остаться там. Для противостояния этим восстаниям и опасности со стороны караханидов тюрков, Нух II призвал на помочь тюрков газневидов, которые в то время находились под командованием энергичного Себуктигина (995 г.). Себуктигин, поспешив из Газни, взял саманидов под свою защиту, но присвоил Хорасан⁸. Таким образом, иранские владения были сокращены в Трансоксиане и граничили, с одной стороны, с тюрками газневидами, господами Афганистана и Хорасана, и с другой

стороны, тюрками караханидами, которые держали власть над степями Чу, Или и Кашгарии. В результате возник вопрос: какая из двух групп тюрков нанесет решающий удар?

Удар был нанесен с двух сторон во время правления саманидского правителя Абд аль-Малика II (февраль–октябрь 999 г.). Газневид Махмуд, сын и преемник Себуктигина, разбил Абд аль-Малика II близ Мерва и заставил его покинуть Хорасан навсегда (май, 16). Осенью сама Трансоксиана была захвачена караханидом Арсланом Илек Насром, царем Ургенча в Фергане, который вошел в Бухару 23 октября 999 г., взял в плен Абд аль-Малика и присоединил Трансоксиану⁹.

Таким образом, иранское царство восточного Ирана и Трансоксианы было теперь разделено между двумя мусульманскими тюркскими державами: караханидскими ханами Кашгарии, которые захватили Трансоксиану, и газневидскими султанами Афганистана, которые взяли Хорасан. Краткое изложение истории этих двух групп, которые играли большую роль в постоянной тюркизации двух регионов, является предметом следующего раздела.

ТЮРКИЗАЦИЯ КАШГАРИИ И ТРАНСОКСИАНЫ. КАРАХАНИДЫ

Тюрки уйгуры, после потери ими власти в Монголии, расселились в северной части Тарима, в Кочо (Турфан), Бешбалыке (Дзимса сегодня), Карапшаре и Куче. Они превратили эту древнюю тохарскую страну в тюркскую; тем не менее, они уважали ее буддистский и несторианский характер. Но тюрки караханиды, которые в следующем веке основались на западе и юго-западе Кашгарии и в районе Или и Иссык-Куля, основательно изменили характер региона, потому что обратили его в ислам. Это объединенное мусульманское и тюркское воздействие не допускало ничего из прошлого.

Немного известно о происхождении Караханидского царского дома, хотя эта династия господствовала в Кашгарии с середины X в. до начала XIII в. Возможно, как отмечает Бартольд, что караханиды были одним из кланов тогуз огузов, которые захватили Баласагунский регион (запад Иссык-Куля) у тюрков карлуков¹⁰. Первым караханидом, упомянутым в мусульманской литературе, был Саток Бугра-хан, царь Кашгарии, который умер около 955 г. Он способствовал распространению мусульманской веры среди людей. В конце X в. и в

течение всего XI в. оазисы западного Тарима и Чу, долин Таласа были поделены между членами его семьи, которые тогда были мусульманами. Несмотря на их веру караханиды не забывали о наследственной борьбе между тюрками и иранцами и не прекращали войны против саманидских эмиров Трансоксианы, хотя те были официальными союзниками суннитского ислама или мусульманского ортодокса. Как отмечалось выше, караханидский Бугра-хан Харун, который правил в Баласагуне на Чу, начал ряд тюркских завоеваний походом в Бухару в мае 992 г., который не принес быстрых результатов¹¹. Другой караханидский правитель, Арслан Илек (или Илиг) Наср в Узгене в Фергане (умер в 1012 г. или 1013 г.), был более удачлив¹². 23 октября 999 г. он вошел в Бухару как победитель, захватил последнего саманида (Абд аль-Малика II) в плен и присоединил Трансоксиану.

Юг Амудары, Хорасан, другая часть саманидского наследия, попал в руки второй тюркской династии — Газневидов, представленной в то время султаном Махмудом (998–1030 гг.), завоевателем северо-западной Индии. Отношения между этими двумя тюркскими мусульманскими домами были сначала мирными и даже гармоничными. Арслан Илек Наср, победитель Бухары, отдал Махмуду свою dochь в жены, но их согласие было кратковременным. Караганиды, которые правили не только Кашгарией, но также древними тюркскими странами Или и Чу, считали газневидов, бывших рабов, за высокочек. Махмуд Газни, с другой стороны, только что присоединил Пенджаб (1004–1005 гг.) к афганским и хорасанским владениям и обогатил себя сокровищницами Индии. Теперь до конца иранизированный, находясь на высоте своей власти, он смотрел на тюрков караханидов как на варварских кузенов, представлявших постоянную угрозу его величественной индо-иранской империи. В данном случае он не ошибался. В 1006 г., пока Махмуд задерживался в Индии, караханид Арслан Илек Наср захватил Хорасан и разграбил Балх и Нишапур. После возвращения в Иран Махмуд разбил Илек Насра в Шархияне близ Балха (4 января 1008 г.) и выгнал его из провинции¹³. В этой битве Илеку Насру помог его кузен Кадир-хан Юсуф, принц Хотана; но третий караханид, Тутхан-хан, брат Илека Насра встал на сторону Махмуда.

Караганиды, воевавшие вдоль течения Амудары против Махмуда Газни, были взяты с тыла киданьскими царями Пекина, которые в 1017 г. послали армию в Кашгирию. Это нашествие было отражено правящим караханидом в Кашгаре, Тутхан-ханом. Минорский нашел свидетельство посольства,

посланного киданьским правительством Пекина к Махмуду Газни, по-видимому, для достижения соглашения с ним против караханидов¹⁴. В это время Махмуд был занят захватом Индии (захват Танесара, 1014 г., разграбил Матуру в 1019 г., осада Гвалиора в 1020-1021 гг., разграбил Сомнатх в 1025 г.). Расширив свои владения до Ганга и Мальвы, в 1025 г. он вернулся для сведения счетов с Али-тигином, караханидом, правителем в Бухаре и Самарканде. Несспособный сопротивляться, Али-тигин отступил, и Махмуд вошел в Самарканд. В этот самый момент другой караханид, Кадир-хан Юсуф, царь Кашигара, вошел в Трансоксиану. Он и Махмуд встретились перед Самаркандром для заключения договора о разделе страны между ними (1025 г.). В действительности никто из них не выиграл. Вскоре Махмуд вернулся в Хорасан, Али-тигин вновь завладел Бухарой и Самаркандром (1026 г.)¹⁵. Сын и преемник Махмуда, газневидский султан Мазуд (1030-1040 гг.), послал другую армию против Аль-тигина и вновь оккупировал Бухару, но не смог удержать ее (1032 г.). Аль-тигин оставался господином Трансоксианы до его смерти в том же году. Вскоре после этого страна перешла в руки караханидов другой ветви: Бури-тигина, известного как Тамгач-хан, который правил в Бухаре с 1041 (или 1042 г.) по 1068 г.¹⁶

Тем временем серьезная революция произошла на Иранском востоке. 22 мая 1040 г. газневиды были разбиты в сражении при Данданакане близ Мерва другой тюркской ордой, сельджуками, которые захватили Хорасан и выгнали их обратно в Афганистан и Индию. Сельджукский хан Тогрул-бек, победитель Данданакана, затем покорил остаток Персии, и в 1055 г. вошел в Багдад, где был признан Аббасидским халифом как султан, царь Востока и Запада. Эта огромная тюркская империя, которая вскоре распространилась от Амударья до Средиземноморья, допускала независимость мелких караханидских ханов в Трансоксиане. Караханид Шамс аль-Мульк Наср, сын Бури и его преемник, который правил в Бухаре и Самаркандре с 1068 г. по 1080 г., испытал нашествие на его владения в 1072 г. второго сельджукского султана, Аллп Арслана. В этой кампании Аллп Арслан был убит и его сын, великий султан Маликшах, пошел на Самаркандр, но дал согласие на мир с Шамсом аль-Мульком, который стал его вассалом (1074 г.). В 1089 г. Маликшах возобновил нашествия, оккупировал Бухару, захватил Самаркандр и пленил караханида Ахмеда, племянника и второго преемника Шамса аль-Мулька, которого позже восстановил как зависимого от него правителя. С этого момента караханиды, которые правили в Бухаре и

Самарканде, действовали как подчиненные сельджукских султанов. Трансоксиана была теперь не более чем зависимой областью в Сельджукской империи.

Пока караханиды Трансоксианы боролись и уступали, караханиды на Или и в Кашгарии, далекие от этих великих исторических драм, имели более мрачную судьбу. Как отмечалось, один из них, Кадир-хан Юсуф, вновь объединил владения его семьи в этом регионе: Баласагун, Кашгар и Хотан. После его смерти Баласагун, Кашгар и Хотан перешли к одному из его двух сыновей, Арслан-хану (около 1032-1055 гг.?). Около 1055 г. Бугра-хан вновь объединил страну, отобрав Кашгию у Арслан-хана, хотя потом дальнейшее разделение территории было продолжено. В конце XI в. Баласагун, Кашгар и Хотан были, возможно, вновь объединены караханидом Бугра-ханом Харуном (умер в 1102 г.), которому посвящена известная книга Кутадгу билиг, написанная около 1069 г. Юсуфом Хасс Хаджиб Баласагунским.

Благодаря караханидам, мусульманское тюркское государство стало глубоко укореняться в Кашгарии и бассейне Иссык-Куля, когда в 1130 г. эти регионы были захвачены монголами, "языческим" народом, киданями из Пекина. Но перед описанием этих событий обратимся к истории сельджукских тюрков в Западной Азии.

РОЛЬ СЕЛЬДЖУКОВ В ТЮРКСКОЙ ИСТОРИИ

В X в. персидская география Худуд аль-Аlam рассказывает нам, что страна киргиз-казахов, на севере озера Балхаш, т.е. степь рек Сара-Су, Тургай и Эмба, была населена тюркскими народами: огузами или гузами, известными в византийских хрониках под именем оузой¹⁷. Лингвисты относят этих гузов наряду с древними кимаками с середины Енисея и Оби к древним кипчакам, которые позже эмигрировали в южную Россию, и к современным киргизам, особенной тюркской группе, отличающейся от остальных мутацией внутреннего "й" на "дж"¹⁸. Эти гузы известны со времен Чингисхана как туркмены¹⁹.

Гузы XI в., как современные туркмены, сформировали группу свободно соединенных племен, которые часто воевали между собой. Во второй половине XI в. они искали свою судьбу в южной России и в Иране. Русские хроники первый раз отмечают их появление в южной России около 1054 г. Изгнанные кипчаками — ветвь кимаков из среднего Иртыша

или Оби, эти узы, как византийцы называют их (Ouzoi), вторглись в низовье Дуная, перешли его и захватили Балканы, где они окончательно были разбиты (1065 г.). Другой гузский клан, сельджуки, двигаясь в ином направлении, имели более удачливую судьбу: они захватили Персию и Среднюю Азию.

Давший свое имя народу герой сельджуков, соответственно Сельджук²⁰ (или Сальджук), был сыном некоего Дугага, прозванного Тимириалык — “железный лук” — в дальнейшем глава гузского племени киников (Qiniqs). Перед 985 г. он и его клан отделились от основной массы гузов и установили лагерь на низовье Сырдарьи, в направлении на Джент, современный Перовск (сейчас Кызылорда). Его сыновья имели имена: Микаил, Муса, Исраил, поэтому некоторые делают вывод, что он исповедовал несторианскую веру. Для этого предположения нет основания, этим библейским именам соответствовали мусульманские; по всей видимости, при расселении на границах Саманидской Трансоксианы, сельджукский клан был вынужден оставить их древний тюрко-монгольский шаманизм для принятия ислама.

В этот период иранская Саманидская династия Трансоксианы испытывала большую трудность по обеспечению защиты против тюркской Карабахидской династии Иссык-Куля и Кашгарии. Сельджуки примкнули к иранскому принцу против их собственных родственников. Тем не менее, как отмечает Бартольд, эти гузы, только что появившиеся из степей Сары-Су и Иргиз, и до недавнего времени исповедовавшие язычество, должны были быть большими варварами, чем карабахиды, которые следовали исламским законам около века и стали сравнительно цивилизованными под двойным влиянием саманидов на западе и уйгуров на востоке.

После падения саманидов, их наследство было предметом спора между тюрками карабахидами, правителями Трансоксианы, и газневидами, которые правили в Хорасане. Тюрки сельджуки продвигались шаг за шагом, в манере современных туркменских племен, пользуясь общей неразберихой, и поселились в сердце Трансоксианы, где в 985 г. поставили свои шатры на северо-востоке Бухары²¹. Около 1025 г. один из их вождей, Арслан (“Лев” его тюркское имя), Исраил (мусульманское имя), имел титул ябгу и действовал в качестве наемника местного карабахида, Али-тигина, против Махмуда газневида. Махмуд захватил Арслана в плен, отоспал его в Газни и попытался суровыми репрессивными методами подчинить остаток его племени. Но кочевой образ жизни позволял кочевникам противостоять любым действиям

оседлых народов. Газневид был вынужден оставить Али-тигина государем Трансоксианы. После его смерти (1032 г.) сельджуки, которые оставались лояльными по отношению к нему до конца, восстали против его сыновей, и начиная с этого времени и далее вели войну по своим интересам. Их вожди Тогрулбек, Дауд и Пайгу (“ябгу”?) требовали у газневидского султана Мазуда земли в Хорасане. Получив отказ, Тогрулбек захватил Нишапур (август 1038 г.) и нанес сокрушительный удар в Данданакане близ Мерва (22 мая 1040 г.), после которого газневиды возвратились в Афганистан и оставили весь Хорасан сельджукским потомкам²².

Сельджуки, орда без определенных традиций, менее цивилизованные из всех кочевых кланов, что недавно приняли ислам, в ходе истории стали господами восточного Ирана. Их неожиданная удачная судьба могла завершиться бедствием для цивилизации, если бы кланом не управляли малообразованные вожди, которые бессознательно высоко ценили верховенство арабо-персидской культуры и стали не разрушителями этой культуры, а ее защитниками. После входа в Нишапур Тогрулбек заставил произносить в его имени “кутба”, таким образом, объявляя о намерениях следовать мусульманским законам. Захват происходил в манере степей, когда каждый член семьи стремился захватить что-либо для себя по собственному усмотрению. Брат Тогрулбека Чагрибек, его кузен по отцовской линии Кутулмиш или Кутлумиш, и его двоюродный брат по материнской линии Ибрахим ибн-Инал действовали в этом направлении, пока все еще признавая верховную власть самого Тогрулбека. Чагри-бек, например, в 1042-1043 гг. захватил Хорезм (Хива). Ибрахим ибн-Инал разместился в районе Раи, но проявился темперамент кочевника и его войска бросились в такие крайности, что Тогрулбек был вынужден войти и восстановить порядок. Чем дальше Тогрулбек углублялся в арабо-персидский мир, тем больше его поражали эти древние цивилизованные страны; они превратили его из лидера банды в лидера государства, сделав абсолютным правителем над другими вождями, его родственниками.

Западная Персия долгое время управлялась персидским домом — Байдами (932-1055 гг.). Персидской была династия, которая продолжала проповедовать сектантскую мусульманскую доктрину шиизм, несмотря на тот факт, что байдские принцы правили как эмиры эль-омара рядом с суннитскими халифами Багдада, для которых они действовали как правители дворца. Но в XI в. байды находились в упадке.

В 1029 г. Махмуд Газни вытеснил их из великой части Ирака Аджами. Во время сельджукского нашествия последний из них, Хосроу Фируз ар-Рахмин (1048–1055 гг.), все еще держал — под титулом эмира эль-омара — Багдад и Иракские Араби, Шираз и Фарс, пока один из его братьев правил в Кермане. Является странным, что этот последний персидский принц XI в. накануне тюркского нашествия носил имя двух великих царей Сасанидской Персии.

Тогрулбек некоторое время был занят захватом Иракского Аджами, вопреки анархии, господствовавшей в стране, его орды огузскихnomадов не знали, как брать города. Исфаган не был захвачен около года, он капитулировал только потому, что его жителей морили голодом (1051 г.). Тогрулбек, плененный прелестями оседлой жизни, сделал этот город своей столицей. В обстановке политического раскола, феодальной дезинтеграции и анархии он установил порядок, которому подчинился народ, без сомнения, с меньшим сожалением. В 1054 г. Тогрулбек получил дань от правителей Азербайджана (Табриз, Ганджа и т.д.). Он был призван в Багдад самим аль-Каимом, Аббасидским халифом, и халифским командующим гвардии, Бесасири, с которыми желал свергнуть иго байидов. Используя эти конфликты, Тогрулбек вошел в Багдад и сместил последнего байида, Хосроу Фирзу (1055 г.).

В 1058 г. халиф одобрил этот *fait accompli* признанием Тогрулбека его временным помощником с титулом Царя Востока и Запада. В момент достижения такой беспрецедентной чести Тогрул столкнулся с восстанием его кузена Ибрагима ибн-Инала, который был в союзе с Бесасири. Имея выгоду от этой войны между сельджуками, Бесасири вновь занял Багдад, где он объявил отставку халифа аль-Каима и стал последователем шиитского ислама (декабрь 1058 г.). Столкнувшись с такой опасностью, Тогрулбек действовал решительно. Он пошел первым против Ибрагима ибн-Инала, разбил его близ Раи и казнил; затем он убил Бесасири перед Багдадом и вернул халифа с триумфом в его столицу (начало 1060 г.). Таким образом, мелкий вождь из огузской банды не только заставил подчиниться порядку его орду, его род и его семью и взял верховенство в постоянном правительстве, но также стал официальным представителем арабского халифата. Более того, он завоевал признание суннитского мира, т.е. ортодоксального ислама, как спаситель и восстановитель этого халифата.

Тюркский султанат, таким образом, сменил персидское эмирство и имел хорошую возможность для исповедания

ортодоксального ислама. Но они не были фанатиками. Первые сельджукские султаны, произошедшие по линии язычников ябгу, были довольно грубыми для принятия этой идеологии. Однако нашли удобным при захвате Запада представить древний тюркский поход под маской Священной войны ислама.

Без борьбы и излишнего насилия, пользуясь истощенностью государств Западного азиатского общества, тюрки навязали свою империю арабам, укрепившись там без уничтожения Арабской империи, основав эту новую законность и утвердив собственное имперское существование.

Алп Арслан ибн-Чагри-бек (1063-1072 гг.), племянник Тогрулбека и его преемник, со времени своего вхождения на престол поставил задачу уничтожения анархических обычаев в его семейном клане, члены которого были явно против формирования постоянного государства. Алп Арслан разбил своего кузена Кутумиша, который был убит (1063-1064 гг.), и его дядю Кавурда, который хотел поднять восстание в Кермане, но помиловал его (1064 г.). На Западе он сделал Мирдасидскую династию в Аллепо своим вассалом (1070 г.). Его величайшим подвигом в мусульманской истории является победа и захват византийского императора Романа Диогена в сражении при Малазгите (Манзикерт), в Армении 19 августа 1071 г.²³ Это было историческим событием, которое обеспечило захват Анатолии тюрками. В то же время эта битва была не более чем подтверждением захвата Армении сельджуками. Алп Арслан оказал рыцарское великолдушие его пленнику и вскоре дал ему свободу. Во внутренних делах этот “необученный и, возможно, неграмотный” огузский вождь был достаточно предусмотрителен для того, чтобы доверить администрацию своему персидскому главному министру Низаму аль-Мульку.

Сыну и преемнику Алп Арслана, султану Маликшаху (1072-1092 гг.), было только семнадцать лет, когда умер его отец. Его первая кампания была направлена против Шамс аль-Мулька, караханидского правителя Трансоксианы, который воспользовался сменой правителя для захвата восточного Хорасана и Балха. Как только Маликшах стал приближаться к Самарканду, караханиды попросили мира и стали его вассалами. Маликшах совершил обычную огузскую ошибку, отдав Балх своему брату Такашу, который в должном порядке поднял восстание. Султан был вынужден возглавить два похода против него и в конце выколол брату глаза (1084 г.). Дядя Маликшаха Кавурд также восстал в

Кермане. Маликшах пошел войной против него, захватив его, задушил (1078 г.).

Такие случаи наглядно показывают, что несмотря на мудрое правление Низама аль-Мулька, Маликшаху было нелегко заставить огузскую орду, которую он возглавлял, принять вид арабо-персидского государства, султаном которого он был. Низам аль-Мульк и персидская бюрократия старались уменьшить роль туркменских орд, которую прежде играла тюркская гвардия, мамлюки X в. среди древних халифов и байджских эмиров, но это была наиболее деликатная задача вызвать покорность беспокойных соотечественников нового султана и привязать этих закоренелыхnomadov к земле²⁴. Султан встретился наедине с министром по вопросу внедрения оседлости и иранского образа жизни среди сельджуков и превращения их в Персидскую империю традиционного типа. При богатом дворе Исфагана, его столицы, он сам наслаждался образом жизни шах-ин-шахов древнего Ирана.

На северо-западе Маликшах предпринял второй поход в Трансоксиану против караканида Ахмеда, племянника Шамса аль-Мулька и его преемника (1089 г.). Он взял Ахмеда в плен, но позже послал в Самарканд как своего вассала. На западе, также во время правления Маликшаха, но независимо от него, его кузен, молодой сельджукид Сулейман ибн Кутумиш, расселился в Малой Азии в Никее около 1081 г., для нанесения в будущем вреда византийцам, которые были достаточно неразумными для того, чтобы позвать его на помощь в их гражданских войнах. Происхождение сельджукидского султаната было из Рума (Романская земля), которая существовала с 1081 г. по 1302 г., со столицей в Никее (1081-1097 гг.), а затем в Икониуме (1097-1302 гг.)²⁵.

Сельджукидское государство, как оседлая сила, контролировало только Персию. На древней византийской территории в Малой Азии, которая была захвачена в 1080 г., были активны независимые гузские банды; они возглавлялись молодыми сельджуками, такими как Сулейман или тюркскими вождями неизвестного происхождения, как — приблизительно с 1084 г. — данишменидские эмиры Каппадокии, которые правили в Сиве и Цезарии. Эти древние цивилизованные земли были распределены согласно движениям бродячих орд, в манере киргизских степей. “Гузы или Туркмены, действуя частично как независимые бандиты и частично под командованием их принцев (Сельджуков), пересекли все страны, лежащие между Китайским Туркестаном и Египетской границей и Визан-

тийскими границами”²⁶. Далее Бартольд добавляет, что для того, чтобы освободиться от “их бродящих братьев” — недисциплинированных банд гузов, и для того, чтобы обратить их из дикости в прекрасную иранскую цивилизацию, сельджукские султаны предпочитали использовать их в походах султаната в Малую Азию. Этот факт объясняет причину того, что Персия собственно избежала тюркизации, когда Анатолия стала вторым Туркестаном.

Вожди боролись между собой при разделе добычи. После захвата большой части Малой Азии, Сулейман ибн Кутулмиш напал на Сирию (1086 г.). Там он столкнулся с младшим братом Маликшаха, Тутушем, который в 1079 г. пробил себе поместье в Дамаске. Двою схватились в большой битве близ Алеппо с целью овладения этим городом. Сулейман был убит и Тутуш присоединил Алеппо к Дамаску (1086 г.). Тутуш был близок к тому, чтобы основать там отдельное сельджукское царство, когда его брат, султан Маликшах, показался в Сирии и заставил его вернуться в Дамаск, а сам стал держать двор в Алеппо и сделал большое распределение земель среди его воинов (1087 г.)²⁷.

В целом, Маликшах, как и его предшественники, всю жизнь пытался регулировать тюркское нашествие на западные области. Это нашествие приняло форму наплыва маленьких огузских банд на территории окайлидов и фатимидов вокруг Сирии, или на греческую территорию в Малой Азии при использовании византийских и арабских конфликтов. В Персии султанат был оставлен полностью арабо-персидской администрации визиря Низама аль-Мулька; на востоке и в Сирии все решалось только саблей Маликшаха. В Малой Азии, где никто не вмешивался, превалировала Огузская анархия.

После смерти Маликшаха в 1092 г. (его визирь умер раньше него), анархия распространилась повсеместно. Старший сын Маликшаха, Баркиярук (1093-1104 гг.), столкнулся с восстанием всех его родственников. Его дядя Тутуш, который присоединил Алеппо к своему владению в Дамаске, попытался отобрать у него Персию, но был разбит и убит близ Раи 26 февраля 1095 г. Остаток своего правления Баркиярук провел в сражениях против собственных братьев, с которыми он был вынужден разделить Персию. С этого времени сельджукские владения оставались временно разделенными на три группы: султанат Персии находился под властью Баркиярука и его братьев, царство Алеппо и Дамаск принадлежали сыновьям Тутуша, и султанат в Малой Азии — Кызыл Арслану, сыну Сулеймана.

Судьбы этих трех групп были очень разными. Сельджукские царства в Сирии (Алеппо и Дамаск) быстро приняли арабский характер. Два сельджукских дома семьи Тутуша были вскоре уничтожены их собственными мамлюками, также тюрками, чья история не может быть изложена здесь²⁸. Сельджукский султанат в Малой Азии, с другой стороны, существовал два полных века. Это достижение было значительным для этого царства, из которого появилась историческая Турция. В Персии, вопреки основанию тюркского центра (в Хорасане, Азербайджане и близ Хамадана), население оставалось в основном иранским. В Сирии тюркские элементы также растворились в арабской среде, исключая область вокруг Антиохии и Александретты.

В Малой Азии, однако, мог последовать не только политический захват страны, но также и эффективное присвоение этой земли тюркской расой. Здесь туркменские скотоводы сменили византийских крестьян. Анатолийское плато по высоте, климату и растительности формирует продолжение степной зоны Центральной Азии. Страбо описывает Ликанию — современный район Конии — как луг, пастбище²⁹. Там было натуральное родство между этой землей и кочевниками из киргизских степей. Они расселились там, потому что чувствовали себя как дома. Следует ли кому-то идти дальше и обвинять их, как это делали некоторые ученые, в бессознательном содействии в превращении культивируемой земли в пастбища? Оккупация этих древних провинций Каппадокии и Фригии гузами, которые пришли из безлюдных мест Аракса, могла ли она придать стране не только тюркский, но также степной характер? И когда Османские тюроки распространяли их завоевания до Фракии, могли ли степи следовать за ними? Могем ли мы найти их характерные черты — неразделанные земли и вереницы верблюдов — у ворот Адрианополя? Действительно, показания Страбо доказывают, что бассейн озера Татта был уже полупустынной степью во времена селевкидов, аиали и романов. Покинутый характер Фракии явился результатом, главным образом, того, что она была вечным местом для битв.

Для завершения этой картины, давайте добавим, что тюркизация Анатолии была делом самой Сельджукидской династии, нежели региональных эмиров и туркменских кланов, чье послушание было часто далеко от совершенства. С точки зрения культуры, например, сельджукиды Анатолии имели явное желание к иранизации, как их кузены в Персии. Так как тюркский язык не был литературным в Западной

Азии в то время, Сельджукский двор Конии адаптировал персидский в качестве их официального языка. (Так оставалось до 1275 г.) Сельджукская Турция XII-XIII вв., следовательно, является основателем персидской культуры, наложенной на туркменскую основу. На персидском языке говорили и, кроме того, писали среди Каи-Хосровах и Каи-Кобадов, как на латинском говорили в Польше и Венгрии. Но эта искусственная видимость не должна вводить нас в заблуждение и маскировать фундаментальную тюркскую трансформацию, принесенную огузскими ордами в Каппадокию, Фригию и Галицию.

В Иране, как мы отмечали, ситуация была другой, иранская цивилизация и этнический характер были достаточно сильны для того, чтобы позволить стране попасть под какое-либо серьезное влияние. Наоборот, тюркские завоеватели были быстро иранизированы: их правящие дома почти сразу, а войска только после нескольких поколений. Но с политической точки зрения Иран был с этого времени беззащитным. Сельджукское нашествие 1040-1055 гг. открыло ворота страны для кочевников. Напрасно лидеры ветви сельджуков стали пан-исламистскими султанами — арабскими маликами и персидскими шахами, искали возможность закрыть эти ворота за ними, тянули засовы и преграждали дорогу всем тюрко-монгольским кланам Центральной Азии, которые, зараженные их примером, желали иметь такой же успех. Сельджуки, которые стали персами, не смогли защитить Персию от тюрков, которые оставались тюрками. Несмотря на их достижения и вопреки их “Взгляду на Рейн” на берега Амударьи, они никогда не были их господами, а оставались временными “квартирантами” для всех хорезмийцев, Чингисхана и Тимурского нашествия.

Причина их провала в восстановлении государства Сасанидской Персии, или “ neo-сасанидского”, которое имела в IX в. Аббасидская империя, кроется в неискоренимой анархии в пределах правящих фамилий, наследстве из их туркменского прошлого. Вопреки индивидуальным успехам Тогрулбека или Маликшаха, они постоянно доказывали неспособность принятия арабо-персидской концепции государства. Как при всей выдающейся гениальности Чалермана Каролианцы были в конце не способны понять концепции римского государства¹⁰.

Брат Баркиярука и его преемник, султан Мухаммад (1105-1118 гг.), оказался в зажиме скрытого восстания арабского халифата. Отношения между Сельджукским двором Исфагана

и Аббасидским двором Багдада, официально дружественные, стали резкими, так как халифы упорствовали в попытке освободить себя от политической зависимости султанов. В этом они имели успех во второй половине XII в., который проявился в их небольшом временном правлении иракским Араби. Это свидетельствовало о расширении раскола между тюркским султанатом и арабским халифатом, которые Тогрулбек хотел иметь объединенными. Разрыв стал более острым при сельджукских султанах Махмуде ибн Мухаммаде (1118-1131 гг.) и Масуде (1131-1152 гг.), который правил среди гражданского раздора³¹. Эти султаны, которые обычно правили в Хамадане, почти не имели владений, кроме иракского Аджами. Другие провинции — Азербайджан, Мосул, Фарс и т.д. — попали под власть тюркской военной знати и наследных правителей, известных как атабеки. Среди атабеков те, что были из Азербайджана, стали играть ведущую роль во дворце последних Сельджукидов. Такой была ситуация атабека Азербайджана Ильдегиза (умер в 1172 г.), который служил султану Арсланшаху (1161-1175), и сына Ильдегиза атабека Пехлевана (умер в 1186 г.), который служил султану Тогрулу III (1175-1194 гг.). Попытавшись достичь независимости, Тогрол III был пленен атабеком Кызыл Арсланом, братом Пехлевана и преемником (1190 г.). Это было до смерти Кызыл Арслана (1191 г.), когда Тогрол III, в котором сказывался огонь великих сельджуков XI в., наконец, добился независимости во владении иракским Аджами. Но это сельджукское восстановление было очень кратковременным. В 1194 г. Тогрол III должен был уступить нападению тюрков хорезмийцев, которым предназначалось сменить сельджуков в империи Среднего Востока³².

СУЛТАН САНЖАР И “ВЗГЛЯД НА ОКС”

Последний великий сельджук, Санжар, младший сын Маликشاха, старался остановить распад его дома. Он был храбр, гениален. Прекрасный пример иранизированного тюрка, защитника персидской цивилизации. Он стал одним из легендарных героев, как образ из Шах-наме.

Во время разделения наследства среди сыновей Маликшиха Санжару, которому было тогда не более чем десять или двенадцать лет, был отдан в правление Хорасан, его основная резиденция находилась в Мерве (1096 г.). В 1102 г. он защищал свое поместье от нашествия караханидского

хана Кашгарии, Кадир-хана Джабраила, которого он разбил и убил при Термезе. Затем осадил вассального правителя Трансоксианы, местного караханида Арслан-хана, который бежал перед наществием³³. В 1130 г. он поссорился с его протеже Арслан-ханом, взял Самарканд, сместил хана и заменил его другими караханидскими принцами: сначала Хасантигином, затем Рух ал-Дин Махмудом (последний с 1132 г. по 1141 г.)³⁴. Санжар также вошел в Афганистан, участвуя в сражениях между газневидскими принцами этой страны. В 1117 г., встав против газневида Арслан-шаха, он захватил Газни и посадил на трон другого принца той же линии, Бахрам-шаха. В это время, следовательно, он стал господином газневидского Афганистана и караханидской Трансоксианы, господином огромного султаната иранского востока.

Среди вассалов Санжара был шах Хорезма, тюрок Азиз (1127-1156 гг.). После попытки получить независимость, Азиз был разбит в 1138 г. в Хезарапсе Санжаром, который заставил его бежать. Азиз вернулся в 1141 г. и получил прощение султана. Но теперь Санжар повернул обратно. В тот же год Трансоксиана была захвачена кара-китаями, которые эмигрировали из Китая в Иссык-Куль. Эти монголы были более грозными как соседи, так как оставались “язычниками”, т.е. буддистами, и, следовательно, наводили ужас на мусульманский мир. Санжар с его обычной смелостью продвинулся на встречу кара-китаям, но 9 сентября 1141 г. он понес серьезное поражение в Катване близ Самарканда и бежал в Хорасан³⁵. Вся Трансоксиана попала в руки кара-китаев. Азиз, шах Хорезма, использовал эту возможность для того, чтобы подняться в восстании. Войдя в Хорасан, он оккупировал Мерв и Нишапур, но был не способен удержать их против контратаки Санжара. Санжар дважды захватывал Хорезм (1143-1144 гг. и 1147 г.); второй раз, под стенами Ургенча, он заставил Азиза вернуться в вассалитет. Но героизм великого султана ослабевал от этих повторяющихся испытаний. Вскоре неожиданная опасность возросла. Племена огузов или гузов, т.е. народ той же этнической ветви, что и сельджуки, в районе Балха восстали против Санжара, когда он пытался заставить их принять административные и финансовые правила персидского типа. Они взяли его в плен и разграбили Мерв, Нишапур и другие города Хорасана (1153 г.). Санжар был не способен освободить себя до 1156 г. и умер в следующем году накануне полного крушения его империи³⁶.

Санжар потерпел неудачу в попытках основать постоянное сельджукское государство на иранском востоке. Гузское

восстание показало трудность обращения в арабо-персидскую форму этих кочевых племен, которые были связаны с сельджукским завоеванием Ирана. Это традиционное персидское построение государства, адаптированное и утвержденное сельджуками, не спасло от падения различные ветви династии (1157 г. на иранском востоке, 1194 г. в иракском Аджами, 1302 г. в Малой Азии). Когда обстановка изменилась и неоперсидский султанат исчез, ничего не осталось от завоеваний в Иране (1040 г.) и Малой Азии (1072-1080 гг.), только движение туркменских племен. Все они, от гузов 1053 г. до банд кара-коунл и ак-коунлу в V в., от караманов до оттоманов, должны были вести войну друг с другом для владения Ираном и Малой Азией, в манере всех родовых орд в сердце степей Центральной Азии.

Несмотря на культурные наклонности сельджуков — тех тюрков, которые так быстро и основательно стали иранизированными, их триумф и в Иране, и в Малой Азии повлек экономическую и социальную трансформацию двух регионов в распространении степей. Здесь в самом деле человеческая география пагубно сказалась на географии природной. Номадизм разрушил культивацию и трансформировал лицо земли. То, что было сказано о Малой Азии, в равной степени относится и к Ирану. В оазисах, окружавших их города, таджики могли продолжать обработку земли и растить восхитительные сады кипарисов и роз, воспетых Омаром Хайяном и Саади. Но у ворот этих городов, когда последние сады были оставлены, степи взяли верх; здесь мигрирующие племена повели свои черные стада и расставили их черные шатры у водных мест.

Проницательный племенной вождь мог время от времени признаваться царем оседлых народов, чьи внутренние раздоры он был в состоянии подавить. В отдельные периоды эти два общества — городское таджикское и кочевое общество черных шатров, казалось, были дополнением друг друга и шли вместе, но затем все исчезло. Племенные миграции возобновились, и концепция государства была забыта до тех пор, пока снова не началась история с оседлостью некоторых кочевых кланов, которые стремились к царствованию. Таким образом, с XI в. по XVII в. новые кочевники являлись на пороге киргизских и туркменских степей, на краю культивируемой земли, утверждая свое место в партнерстве с таджиками.

Этот двойной феномен имел место при жизни султана Санжара. После него шахи Хорезма, которые, как и сельджуки, были тюркской ветви, возобновили попытку основания великой тюрко-персидской империи в восточном

Иране: тюркской в военной структуре, персидской в системе администрации. В то же время народ с Дальнего Востока, кара-китаи, более вероятно, монголы, чем тюрки, захватили Восточный Туркестан. Их пришествие предзнаменовало за сто лет вперед прибытие главной силы степных войск — самих монголов Чингисхана.

Перед тем, как перейти к этому новому периоду в истории Азии, необходимо остановиться на этнических особенностях сельджуков. Отмечено, что сельджуки, те туркмены, которые стали султанами Персии, не тюркизировали Персию, без сомнения, потому что они не желали делать этого. В противоположность, они добровольно стали персами, и в манере великих древних сасанидских царей стремились защитить иранское население от внедрения гузских банд и спасли иранскую культуру от туркменской опасности³⁷. Тем не менее, и это, возможно, один из последних результатов разгрома Санжара гузами в 1153 г., они были неспособны обратить этих туркмен на юге низовья Амудары, между Усть-Уртским плато и Мервом, в этнически иранизированный регион, который позже стал Туркменистаном. В то же время туркменские банды, управляемые молодыми сельджуками на Анатолийском плато, без сомнения, трансформировали эти древние византийские земли в тюркские и сделали из них под правлением султанов Конии, Отоманов, Мустафы Кемаль Ататурка Турцию современной истории.

ИМПЕРИЯ КАРА-КИТАЕВ

Для того, чтобы понять потрясение, которое произошло в Восточном Туркестане во второй половине XII в., необходимо рассмотреть восстания в Северном Китае. С 936 г. до 1122 г. монгольская раса, кидани, произошедшие на западном берегу реки Ляо, правили в Пекине в северных районах Хопея и Шаньси, также в Жэхэ и Чахаре. Между 1116 и 1122 гг. кидани были выселены джурчидами, или кинами, народом тунгусской ветви и сменили их в правлении Северным Китаем.

Большая часть киданей продолжала жить как вассалы кинов в их собственных древних владениях между Маньчжурским юго-западом и восточной частью современного Жэхэ. Но часть киданей искала свою судьбу на западе, севере Тарима, где тюрки уйгуры Турфана, Бешбалыка и Кучи признали их господство. По-видимому, оттуда одна группа киданей начала

в 1128 г. входить в Кашгарию. Изгнанные караканидским ханом Кашгара, Арсланом Ахмедом, кидани эмигрировали на северо-запад, возглавляемые принцем из царской фамилии, названной на китайском Е-лу Та-ши, были более удачливы. В Тарбагатае, около Чугучака сегодняшнего, они основали Имил³⁸. Запад Иссык-Куля, где караканид правил в Баласагуне³⁹, был потревожен в этот период и карлуками с низовья Или, и тюрками канглы, расположеннымными на севере Аральского моря. Он позвал киданьского вождя Е-лу Та-ши, который пришел на помощь, сместил опрометчивого караканида и занял его место. Таким образом, Баласагун стал столицей Е-лу Та-ши, и он сам принял титул гур-хана, или царя мира, который его потомки носили после него⁴⁰. Через некоторое время гур-хан покорил местных караканидских правителей в Кашгаре и Хотане. Новая Киданьская империя, таким образом, основалась в Восточном Туркестане и известна в мусульманской истории под именем “Империя кара-китаев” (“Черные Кидани” или “Черные Китайцы”).

Кидани были монгольским народом, но за два века правления в Пекине они явно окитаизировались⁴¹. Их потомки, хотя и расселились с этого времени в Туркестане среди мусульманских тюрков, оставались враждебными исламу и арабо-персидской культуре, их ориентация была на китайскую цивилизацию, буддизм или конфуцианство; они были теми, кого мусульмане называют “язычники”. Налог налагался, как и в Китае, исходя из численности семьи. В противоположность другимnomадам, гур-ханы не создавали поместья и уделы по подобию их родственников, что свидетельствует об устойчивости китайских административных идей. Бартольд предполагает, что административным языком мог быть китайский. Христианство расцветало в империи кара-китаев рядом с буддизмом. “В Кашгаре в этот период мы находим христианского епископа, и это к тому же периоду принадлежат большинство древних христианских надписей из Чу”⁴². Основа империи кара-китаев проявляется в реакции против исламизации, достигнутой при караканидах.

Первый кара-китайский гур-хан, Е-лу Та-ши (около 1130–1142 гг.) консолидировал власть над регионом Иссык-Куля и в Кашгарии ценой потери восточных караканидов, атаковал западных караканидов, основанных в Трансоксиане и, вдали от них, Сельджукский султанат восточного Ирана, которым все еще правил Санжар. В мае и июне 1137 г. он разбил караканидов Самарканда, Рух ад-Дин Махмуда в Ходженте,

в Фергане. Султан Санжар по прибытии для спасения своих вассалов был разбит кара-китаями в Катване, на севере Самарканда (9 сентября 1141 г.). Бухара и Самарканда перешли от сельджукского владычества к гур-хану, который, однако, позволил местным караканидам оставаться вассалами в этих городах⁴³. В тот же 1141 г. кара-китаи захватили Хорезм. Шах Хорезма Азиз был также вынужден признать себя подданным. Его преемник, Арслан (1156-1172 гг.), хоть и лелеял мечту сместь сельджуков в восточном Иране, оставался под властью гур-хана почти всю жизнь⁴⁴.

Империя кара-китаев теперь простиравшась от Хами до Аральского моря и до Ходжента, от верховья Енисея до Амударьи. С точки зрения мусульман, эта гегемония язычников монгольской линии на мусульманской тюркской территории была серьезным препятствием и угрозой. Их взгляд был направлен не на мусульманский мир, а на Китай, из которого они получили свою культуру. Е-лу Та-ши, наиболее выдающийся из них, был известен как прекрасный китайский ученый. Китай, в свою очередь, продолжал иметь интерес в этих потомках древних царей Пекина, тогда как арабо-персидская историография говорит о них в некоторых пренебрежительных тонах. В результате они известны только в китайской транскрипции их имен. После смерти гур-хана Е-лу Та-ши (около февраля 1142 г.), его вдова Тапу-ен стала регентшей империи (1142-1150 гг.). Затем последовало правление их сына Е-лу и-лие (1150-1163 гг.). После смерти И-лие его сестра Е-лу Ши (или П-су-ван) приняла регентство (1163-1178 гг.), во время которого кара-китайская армия вошла в Хорасан для разграбления Балха (1165 г.). Е-лу Чэ-лу-ку, сын И-лие, правил с 1178 по 1211 гг. Во время его правления Кара-китайская империя находилась в упадке из-за предательства их собственных вассалов, шахов Хорезма; этот конфликт, который разразился во время нашествия Чингисхана, был завершен поражением для двух противников, и явился преимуществом только для монголов⁴⁵.

ХОРЕЗМСКАЯ ИМПЕРИЯ

В противоположность “язычникам” и окитаизировавшемуся монгольскому миру кара-китаев, шахи Хорезма (в современности Хива) представляли мусульманский тюркский мир, особенно после смерти в 1157 г. сельджука Санжара, который не оставил наследника. Важнейшая позиция

государства на иранском востоке, таким образом, оставалась свободной. В действительности, Санжарское древнее царство Хорасана было бессильным царством, в котором огузские вожди, после их неожиданной победы в 1153 г., признавали более или менее верховенство шахов Хорезма⁴⁶.

После смерти Арслана (1172 г.) два сына шаха, Такаш и Султан-шах, спорили из-за трона⁴⁷. Такаш, проигравший, искал убежище у кара-китаев. Царица-регентша кара-китаев, Е-лу Ши, отправила своего мужа возглавить армию в Хорезм с приказом восстановить Такаша и изгнать Султан-шаха, что и было сделано (декабрь 1172 г.). Однако Такаш, хотя и получил свой трон благодаря кара-китаям, не терял времени и восстал против них, потому что они обложили его суровыми условиями выплаты дани. Кара-китаи изменили направление своей политики, поддержали его брата Султан-шаха. Не имея возможности поставить его на трон Хорезма, они снабдили его армией, с помощью которой он захватил Хорасан (а также Мерв, Сарахс и Тус в 1181 г.). Султан-шах правил над Хорасаном до смерти в 1193 г., после которой Такаш вновь объединил весь Хорасан с Хорезмийскими владениями (1193 г.).

С трудом Такаш стал господином Хорасана и захватил иракский Аджами. Эта провинция, как отмечалось, составляла царское владение последнего сельджукского султана Тогрула III. В решающей битве у Раи 19 марта 1194 г. Такаш разбил и убил Тогрула⁴⁸. Это была победа, которая положила конец сельджукскому правлению в Персии, отдала иракский Аджами с Раи и Хамаданом шахам Хорезма.

Сын Такаша, Ала ад-Дин Мухаммад, сменил его (1200–1220 гг.). Ала ад-Дин Мухаммад способствовал расцвету Хорезмской империи, во время его правления она стала доминантным государством в Центральной Азии. Его первым действием был захват Афганистана у горидов.

В то время, когда два предка Мухаммада закладывали основы Хорезмской империи, другая великая сила только поднималась в Афганистане. Эта страна тогда принадлежала тюркской газневидской линии, которая властвовала также над Пенджабом в Индии. Около 1150 г. клан Сури Афганов восстал против газневидских султанов в горах Чор между Гератом и Бамианом. В этот год чоридский вождь Джахан Соз разграбил Газни, столицу султанов, которая в 1173 г. была оккупирована его преемником Гийяд ад-Дин. Газневидские султаны нашли убежище в Лахоре, в Пенджабе, оставив Афганистан горидам. Во время правления извест-

нного Шихаба ад-Дина Мухаммада Гора (1163-1206 гг.), Го-ридская империя совершила успешный поход в восточном направлении. Мухаммад лишил трона последних газневидов в Пенджабе, присоединил эту провинцию (1186 г.) и захватил бассейн реки Ганг у раджи Хинду (1192-1203 гг.). Он достиг своей цели, когда был атакован своим тезкой Шах Мухаммадом из Хорезма⁴⁹.

Первое сражение между двумя Мухаммадами, на Аму-дарье, было выиграно горидом, который отправился грабить владения Хорезма (1204 г.). Мухаммад позвал на помощь его господина, кара-китайского гур-хана, который послал армию, возглавляемую неким Таянку-Таразом и его другим вассалом, Утхманом, караканидским принцем Самарканда. Благодаря этим подкреплениям шах Хорезма разбил горидов при Хезарапсе и выгнал их из страны (124 г.). Кара-китай преследовали Мухаммада из Гора и нанесли ему сокрушительный удар в Андхой на западе Балха (сентябрь-октябрь 1204 г.). Эта победа продемонстрировала исключительное превосходство хорезмийцев над горидами⁵⁰. Еще до смерти Мухаммада Гора (13 марта 1206 г.) Мухаммад Хоремийский захватил Герат и сам Гор у горидов (декабрь 1206 г.)⁵¹. В 1215 г. шах Хорезма должен был завершить завоевания Афганистана захватом Газни.

Мухаммад Хорезмийский обязан был своей победой над горидами кара-китайскому гур-хану, его господину. Но его благодарность была кратковременной. Достигнув пика своей власти, он, мусульманский император (в это время он принял титул султана) и господин двух третей Ирана, считал недопустимым то, что он должен оставаться вассалом и данником этих "языческих" монголов. Караканидский принц Самарканда, Усман ибн Ибрагим (1200-1212 гг.), также вассал кара-китаев, испытывал те же чувства. В 1207 г. Мухаммад Хорезмийский, имея соглашение с ним, оккупировал Бухару и Самарканд, где установил собственное господство. Хорезмская империя, таким образом, охватила всю Трансоксиану. Кара-китай отреагировали, согласно Дживани, вхождением в Самарканд, но их генерал Таянку был взят в плен хорезмийцами в сражении в Иламишских степях близ Андижана в Фергане или в таласских степях (1210 г.)⁵².

Мухаммад отразил кара-китаев в союзе с принцем Самарканда, караканидом Усманом, который перевел свое подчинение от гур-хана к нему. Но в 1212 г. Усман, устав от подчинения хорезмийцам, восстал. Мухаммад пошел на Са-

марканд, захватил его, разграбил и казнил Усмана (1212 г.). Таким образом, умер последний представитель караханидской линии, которые правили над туркестанцами в течение двух веков⁵³.

Наконец, в 1217 г. Мухаммад Хорезмийский совершил триумфальный поход на лошади через Персию, в ходе которого он получил дань с аatabеков, или независимых и наследственных тюркских губернаторов Персидских провинций, в особенности с салгуридов в Фарсе. Он продвинулся до Холвана в Загрозе, границы Аббасидского владения иракского Араби. Поссорившись с халифом, был готов идти походом на Багдад⁵⁴. Азербайджан — страна, не включенная в его поход, быстро признал себя данником Мухаммада. В 1217 г. Хорезмская тюркская империя, ограниченная на севере течением Сырдарьи, на востоке Памиром и горами Ваиристана, на западе Азербайджаном и горами Ларистана и Хазистана, включала Трансоксиану, почти весь Афганистан и почти всю Персию.

Так было, когда он столкнулся с Чингисханом.

На основании вышеописанного можно сделать вывод, что в момент монгольской атаки Хорезмская империя была воссоздана и существовала в своей окончательной форме не более чем несколько лет. Не было времени для ее стабилизации и укрепления. Распад этой импровизированной структуры в первом ударе не дает повода для удивления чингисхановской стратегией. Единственным связующим элементом между различными частями так называемой Хорезмской империи был сам Султан Мухаммад. Он, хоть и был избалован ветрами удачи более длительное время, чем любые другие восточные правители, в действительности оказался восприимчивым ко всему. Следует помнить, что когда Чингисхан начал захват этой империи, Бухара и Самарканд принадлежали хорезмийцам не более восьми лет. Афганистан был полностью присоединен к Хорезму за четыре года до нашествия Чингисхана (Газни в 1216 г.); Западная Персия была неоспоримо хорезмийской не более трех лет (1217 г.). В действительности, тогда, в противовес заявлениям историков, во время чингисхановского нашествия не существовало реальной Хорезмской империи как таковой, а был просто эмбрион, очертание империи, лишенной крепкой структуры государственности. Чингисхан имел задачу совершенно другого порядка, когда встретился с настоящим государством, таким как Кинское царство в Северном Китае.

**Русская степь
в VI-XIII веках**

Глава 4

АВАРЫ

С точки зрения географа, степи южной России являются продолжением азиатских степей. Историк придерживается того же мнения. Правдивость этого тезиса мы ищем в древности, в связи со скифами, сарматами и хуннами, и эта связь не менее значима при изучении ранних средних веков, от аваров до Чингисхана.

Миграция аваров из Центральной Азии в южную Россию известна благодаря византийскому историку Феофилакту Симокатте. Феофилакт проводит различие между настоящими аварами и фальшивыми аварами (*Pseudaavaroi*). Под первыми он подразумевает, как это отмечалось Марквартом, жуань-жуаней: народ монгольской ветви, который был хозяином Монголии в течение V в., до разгрома и смещения их тюрками ту-гу в 552 г. Под “фальшивыми аварами” он принимает аваров европейской средневековой истории, которые “узурпировали” это грозное имя. Эти авары состояли из двух объединенных орд: уар (или вар), откуда имя ава, и кунни или хуни, (второй термин подтверждает их хунское происхождение)¹. Два соединенных имени “Вар” и “Хуни” должны были, таким образом, соответствовать “авар” и “хунн”. Также предполагается, что эти вары и хуни, от которых византийцы выводят их слово *Ouarkhonitai*, были двумя племенами из Ордоса; то есть согласно некоторым ориенталистам, уйгурами. Но исторические уйгуры были тюрками, в то время как авары европейские, по-видимому, были монголами. Более того, Альберт Геррманн, в одной карте из его атласа, продолжает идентифицировать уаров и хуни с жуань-жуанями, которые были явно монголами². Кроме того, как отмечает Минорский³, различие между “настоящими аварами” и “псевдоаварами” основывается на самом деле на единственном византийском источнике, и считается несколько незначи-

тельным. Опять же, как отмечает Геррманн⁴, если авары, которые эмигрировали в Европу во второй половине VI в. были не жуань-жуанями⁵, то они должны быть хуннами эфталитами, которые владели областью Или, Трансоксианой и Бактрией в V в., и которые относились, как жуань-жуани, к монгольской ветви. Они были побеждены и смешены вскоре после жуань-жуаней около 565 г. теми же кочевниками ту-ю, которые заключили союз с Сасанидской Персией против них⁶.

Какие бы верные или неверные предположения по этому вопросу не существовали, известно одно, что к концу правления Юстиниана (умер в 565 г.) авары — “Абарес, Абарои” на греческом языке; “Авари, Аварес” на латинском — двинулись в Европу. И впереди них, как говорит Феофилакт Симокатта, шли “Хуннугур и Сабир и другие Хуннские орды”. Царь аланов, названный Саросиос византийцами, умудрялся оставаться в дружеских отношениях с ними. Их появление напомнило византийцам хуннов древности, за исключением того, что в отличие от хуннов, авары заплетали свои волосы в две длинные косы, которые спадали на их спины. Они были шаманистами; Феофилакт упоминает одного из их колдунов или “боко-лабрас” (из монгольского “бога”, колдун)⁷. Их посол Кандих, когда был принят Юстинианом, потребовал земли и дань с него (557 г.). Юстиниан тогда направил к ним своего посла Валентина (того самого, который позже посетил ту-ю) и убедил их кагана⁸ вступить в войну с другими ордами, хуннугурами и сабирами или *Vigury* и *Sabiri*, которые были разбиты. Авары разбили также кутrigуров и утургуров хуннов, которые были потомками народа Атилы, и которые кочевали на северо-западе Азовского моря близ устья Дона, соответственно. Авары ассимилировали этих хуннов в их собственной орде. Так как рассматриваемые хунны, по-видимому, были тюрками и наши авары — монголами, то мы снова видим, как каждая из двух больших тюрко-монгольских групп соединились в пределах их собственной империи с представителями другой. Авары, действуя как конфедераты Византийской империи, разрушили эти Хуннские царства. В 560 г. их владение уже распространялось от Волги до устья Дуная. Их каган поставил свой лагерь повозок на северном берегу Дуная. На севере он разбил племена славов (анты, словенцы и венды); на западе вошел в Германию и, наконец, был разбит в великом сражении в Турингии франкским королем Сигебертом Австрий-

ским, внуком Кловиса (562 г.)⁹. Авары отступили назад по направлению к Черному морю.

Вскоре (около 565 г.) очень способный каган по имени Баян захватил аварский трон; его имя, как отмечает Пельо, кажется специфично монгольским¹⁰. Как Атилла до него и Чингисхан после, он, по-видимому, был более расчетливым и хитрым политиком, чем стратегом. В 567 г. в союзе с ломбардами — германский народ, населявший Паннонию, — он разрушил гепидов в Венгрии и Трансильвании¹¹. Венгрия была занята аварами, и Баян поставил свой царский лагерь близ старой столицы Атиллы. Таким образом, в Венгерской долине, которая в ходе истории фигурировала как продолжение азиатских степей, цепь тюрко-монгольских империй была восстановлена. Авары теперь правили от Волги до Австрии. Это неожиданное расширение жуань-жуаньских или эфталитских орд, которые избежали армий ту-ю, весьма раздражало последних; они, следовательно, обвинили византийцев в заключении договора между Юстинианом и аварами. Когда Тарду, царь западных ту-ю, принял византийского послы Валентина в 575–576 гг. на верховье Юлдуза на севере Кучи, он упрекал его за этот пакт. Менандр¹² приводит его речь: “Пусть эти Уархуни (*Varchonitae*) осмелятся предстать перед моей конницей, и просто посмотрят на наши кнуты, которые заставят их бежать в недра земли! Мы должны уничтожить этот народ рабов, не используя наши мечи; мы разобьем их как жалких муравьев под копытами наших коней”¹³.

В 576 г. для того, чтобы наказать византийцев за их отношения с аварами, к ту-ю послали отряд кавалерии под командованием некоего Бохана в русские степи, где вместе с последним вождем хуннов утургуров, Анагаем, они атаковали византийский город Боспор или Пантикапей, близ современной Керчи в Крыму, при входе в Азовское море¹⁴.

В 582 г. каган Баян начал борьбу против византийцев и захватил Сирмиум (Митровика), укрепление на Саве. Под давлением аваров некоторые из булгар — народ, по-видимому, тюркской ветви, который, произошел из кутургурских хуннов, — расселились в Бессарабии и Валлахии, где прибытие мадьяр было причиной их эмиграции в Мoesию, которая станет потом Болгарией. На западе Баян — “гаганус”, как Грегори из Тура передает его монгольский титул, — начал свою войну с франками около 570 г., и в это время разбил Сигеберта, короля Австрии. Баян вновь атаковал Византийскую империю, захватил Сингидунум (Белград) и разграбил

Моеси до Анчиалуса (близ Бургаса)¹⁵. В 587 г. он был разбит византийцами близ Адрианополя, и какое-то время оставался без действия. В 592 г. Баян совершил новый поход, захватил Анчиалус и ограбил Фракию до Зурулума (Корлу). Талантливый византийский генерал по имени Прискус смог держать кагана под контролем; он даже пересек Дунай, атаковал его в самом центре его империи, в Венгрии, и окончательно разгромил на берегах Тисы, убив его четверых сыновей (601 г.). Вскоре после этого бедствия Баян умер (602 г.).

Аварский каган решил идти против Италии, находящейся тогда во власти ломбардов. Авары использовали миграцию ломбардов из Паннонии в Ломбардию для того, чтобы захватить Паннонию. В 610 г. их каган захватил и разграбил Фриули. В 619 г.¹⁶, по слухам встречи в Геракле Понтики (Эргели) во Фракии, он задумал предательство: лично атаковать императора Гераклиуса, за которой должна была последовать атака на Константинополь. И засада, и атака провалились. Однако, вражда, начатая Хосроем II, царем Персии, против Византийской империи вскоре предоставила аварам неожиданную возможность. Персы и авары объединились в осаде Константинополя, первые пришли через Малую Азию, вторые — через Фракию. В июне-июле 626 г., когда персидский генерал, перешедший Малую Азию с конца в конец, поставил свой лагерь в Кальцедоне при входе в Босфор, аварский каган остановился перед стенами Константинополя. Император Гераклий был тогда на кавказском фронте, и в его отсутствие Константинополь был защищен патрицием Боном. С 31 июля по 4 августа 626 г. авары начали наступление на город. Это была серьезнейшая опасность, с которой столкнулась западная цивилизация. Неизвестно, что бы стало с этой цивилизацией, если бы монгольская орда прошла в столицу христианства в то время. Но византийская флотилия, хозяйка Боспора, заставила персов и аваров отказаться от их совместных попыток. С огромными потерями каган снял осаду и вернулся в Венгрию.

Такой поворот событий серьезно подорвал престиж аваров. После смерти кагана, который допустил это (630 г.), булгары — тюркский народ, который до этого момента помогал аварам как союзник, нежели как подчиненный, потребовал, чтобы титул каган перешел их собственному хану Куврату; авары были вынуждены подавить это требование силой. Тем не менее, они были вынуждены

оставить булгаров из современной Валлахии и “Болгарии” на севере Балканских гор, также как они позволили славсам (кроатам и т.д.) занять территорию между Дунаем и Савой. Сами они остались в Венгерской долине до конца VIII в.

Чарлеману предстояло иметь отношения с монгольской ордой. В августе 791 г., в ходе его первых кампаний, он лично захватил Аварский каганат и прошел до слияния Дуная и Раабы. В 795 г. его сын Пепин, при содействии Эрика, герцога Фриольского, атаковал Рин — стенная цитадель аваров — и захватил часть аварской сокровищницы, добычу двухвековых походов через византийский мир. В 796 г. в третьей кампании Пепин разрушил Рин и забрал оставшуюся часть сокровищницы. Один из аварских вождей, который носил древний тюрко-монгольский титул тудун, годом раньше принял баптизм в Аикс-ла-Чапелле (Аахен)¹⁷. В 799 г. он восстал против франкского правления, но это было его последним сражением. После его смерти новый аварский вождь по имени Зодан подчинился в 803 г. В 805 г. каган принял баптизм с именем Теодоре и правил над аварами как подчиненный Чарлемана.

После такого количества поражений, обрушившихся на них, авары оказались неспособными защитить себя от двойного давления славов и булгар. В конце правления Чарлемана они и их каган Теодоре покинули северный берег Дуная и ушли в западную Паннонию, между Карнунтумом и Сабарий. В конце IX в. древняя Авария была разделена между (1) Славянской империей Святополка (умер в 895 г.), известная как Великая Моравия, которая простиралась от Богемии до Паннонии включительно, и (2) тюркским каганатом булгар, который включал в себя южную Венгрию, Валлахию и Булгарию на севере Балканской цепи. Булгарское племя оногундур или оногур, которые, возможно, дали свое имя Венгрии, захватили регион востока и юга Карпат¹⁸.

Авары имели собственное искусство, что подтверждается археологическими находками в Венгрии. Это ветвь степного искусства, с видоизмененным “звериным стилем” и, кроме того, спиральными геометрическими формами или растительными мотивами, изящно переплетенными и создающими солидный декоративный эффект. Находки, обычно бронзовые, состоят из поясных пластин и бляшек, украшенных орнаментами доспехов, крючков и т.д. Особенно интересно отметить сходство аварских находок из Венгрии с подобными бронзовыми изделиями,

найденными в Ордосе, в большой петле Желтой реки, и датируемых периодом сюнну, жуань-жуаней и ту-гю. Среди богатейших венгерских находок можно отметить произведения из Кезтели, Ксуни и Немесволгу, Пахи-путсы, Ксонграда и Зентес, Сцилаги-Сомлио, Днапентеле, Улло и Кизко-роса¹⁹. Аварское искусство, как наблюдает Нандор Феттич, особенно близко к последнему сибирскому стилю Минусинска, известного как "Кочевник" ("Nomad Horsemen"). Сравнения, сделанные Феттичем между этим стилем и находками из Миндзента, Фенека и Пустатоти, поражают. Существует большая вероятность того, что именно авары научили Запад использовать стремя.

БУЛГАРЫ И МАДЬЯРЫ

После падения аваров главная роль в тюрко-монгольской Европе принадлежала некоторое время булгарам²⁰. Этот народ, который имеет тюркское происхождение и относится к хуннам кутригурам, во второй половине VII в. создал сильное царство на северо-западе Кавказа, между Кубанской долиной и Азовским морем, под властью хана Куврата (умер в 642 г.), вождя булгарского племени оногундров. После смерти Куврата, хазары стали причиной разделения булгар на две части. Одна часть, возглавляемая одним из сыновей Куврата Баяном, осталась на территории под властью хазар. (Потомки этой ветви, как предполагается, позже продвинулись на север в направлении Камы или Казани и там основали Великую Булгию, которая в XIII в. была разрушена монголами Чингисхана; их позднейшими потомками, думается, являются сегодняшние чуваши). Вторая булгарская группа, возглавляемая ханом Аспарухом, другим сыном Куврата, пошла в западном направлении, перешла Дунай в 679 г. и расселилась в древней Мoesии. Император Юстиниан II (705-718 гг.), уцелевший среди византийских войн благодаря хану Тервелю (701-718 гг.), преемнику Аспаруха, официально признал этот народ. Веком позже булгары Мoesии во главе с их ханом Телецом (около 762-764 гг.) пошли на Константинополь, но византийский император Константин V разбил их при Анчиалусе, близ современной Буграсы (30 июня 762 г.). В 811 г. другой булгарский хан, Крам, разбил и убил императора Нисефора I и сделал из его черепа кубок для питья в древней хуннской манере; но в 813 г., когда он

осадил Константинополь, он потерпел неудачу также, как авары до него. Его преемник, хан Омуртаг (814-831 гг.), заключил мир с византийцами. После обращения в христианскую веру царя Бориса (852-889 гг.) в середине IX в. и возрастания славянского влияния, булгары были отделены от основной массы тюркских народов и соединились с христианской Европой.

Древняя территория аваров была захвачена в конце IX в. мадьярами или венграми. Венгерский язык относится не только к тюрко-монгольской ветви, но и к угорской ветви финно-угорской группы, и между этими двумя лингвистическими группами еще не найдено близкой связи²¹. Тем не менее, возможно, что в рассматриваемом периоде венгры были политически организованной тюркской аристократией. Арабские географы, такие как автор Худуд аль-Аlam (982 г.) и Гардизи (1084 г.) ищут различие (или смешивают) две мадьярские группы, одна из которых оставалась в Уральских горах, где вогулы живут и по сей день²², в то время как другие эмигрировали сначала в Леведию, север Азовского моря и позже в Ателькузу, которая является равниной между низовьем Днепра, Карпатами, Серетом, дельтой Дуная и Черного моря. В то же время арабские географы (как Константин Порфирогений) говорят о “Маджари” как о тюрках, потому что две группы этих финно-угоров были организованы булгарами: мадьяры из Урала были организованы булгарами из Камы, а мадьяры из Ателькузу — оногундрами или оногурами, которые в IX в. захватили юго-восточный регион Карпат²³. Имя венгров, которое обозначает мадьяр, может происходить из этих оногуров, которые смешались с ними во второй половине IX в. Другие источники относят этих финно-угорских мадьяр к другому тюркскому племени, кабарам, которые ассоциируются с хазарами и которые, как предполагается, дали мадьярам свою царскую фамилию Арпадов. Присутствие оногурской или кабарской тюркской аристократии среди мадьяр должно объяснять содержание византийского протокола, по которому при обмене послами при правлении Константина Порфирогения к мадьярским вождям всегда обращались как к “принцам Тюрок”²⁴.

Около 833 г. мадьяры жили в Левадии, между Доном и Днепром, как подчиненные великой тюркской империи хазар. К 850 или 860 гг., изгнанные из Левадии печенегами, они вошли в Ателькузу. Они достигли Дунайской дельты около 880 г. В их новом Дунайском владении венгры

продолжали быть вассалами хазар (см. ниже), и, как предполагается, хазарский хан назначил молодого знатного вельможу из кабарского племени по имени Арпаг правителем над венграми. Вскоре византийский император Лео VI, воевавший тогда с Симеоном, булгарским царем, призвал венгров на помощь. Венгры, возглавляемые Арпагом, пересекли Дунай и прошлись по Булгарии с огнем и мечом. Но булгары позвали печенегов, ставших хозяевами русских степей, которые атаковали венгров с тыла и заставили Арпага и его народ искать убежища в горах Трансильвании. В этот момент Арнольф, король Германии, в войне со славянским правителем Святополком, царем Великой Моравии (Чехословакия, Австрия и Западная Венгрия) решил, подобно Византии, позвать на помощь венгров. Арпаг быстро отозвался на помощь и обрушился на Святополка, который исчез в этом конфликте (895 г.). Великая Моравия развалилась, и венгры обосновались на постоянное жительство в стране, которая была позже названа их именем (899 г.). Отсюда их орды отправились дальше грабить Запад. Они захватили Италию до Павии (900 г.). В Германии они разрушили последнего каролианского короля, Луиса Малого (910 г.). В 919 г. предприняли поход в Лорраин, сожгли Павию, перешли через Альпы во Франкское королевство Бургундию и Прованс (924 г.); другой поход последовал в Аттигни в Шампани (926 г.); они ограбили регион Рейна и Сены до Берри (937 г.) и разорили Лорраин, Шампань и Бургундию (954 г.). Дни Атиллы пришли снова, и, как казалось, никогда не кончатся. Наконец, 10 августа 955 г. Отто I, король Германии, разбил венгров близ Аугсбурга. Это была победа, которая положила конец нашествиям. В этом случае Германский мир защитил Европу.

Обращение в христианство венгерского царя Ваика, принявшего имя Стефан, изменило судьбу его народа. В годы правления “Св. Стефана”, сначала как герцога, а потом как короля (997-1038 гг.), Венгрия приняла новый статус. После крещения она стала надежной защитой Европы от азиатского варварства: “щитом христианства”. От монгольского нашествия XIII в. до изгнания Оттоманов в XVII в. судьба мадьярского народа была героической.

ХАЗАРЫ

В начале VII в. юго-западная часть русских степей и Дагестан стали очевидцами расцвета Хазарской империи.

Хазары были тюркским народом, они поклонялись Тенгри и управлялись каганами и тарханами. Бартольд предполагает, что они представляли ветви западных тюрков, или, возможно более точно, западных хуннов²⁵. Они уже стали вполне сильным народом, когда в 626 г. их хан Зиебил, по просьбе Гераклия при встрече в Тифлисе, послал к византийскому императору 40 000 человек на войну с Персией. Гераклий с таким подкреплением опустошил Сасанидскую провинцию Азербайджан. Союз, сформировавшийся между Византией и хазарами, отмечался несколько раз царскими браками. Император Юстиниан II во время изгнания (695-705 гг.) искал убежища у хазар и женился на одной из сестер кагана, которая стала василисой Теодорой. Константин V в свою очередь в 732 г. женился на дочери хазарского кагана, которая стала василисой Ирен. Их сын, император Лео VI, известен по прозвищу Лео Хазарский (775-780 гг.). Эта система союзных договоренностей была наиболее выгодной для византийцев в их сражениях против арабов, которых хазары должны были взять с тыла в Транскавказии (например, в 764 г.), в то время как византийская армия атаковала в Малой Азии.

Сердечное внимание Византийского двора по отношению к хазарам может быть прослежено в других примерах. Хазары были наиболее цивилизованным народом тюркской Европы, как уйгуры для тюрков Центральной Азии. Хотя они не вели оседлый или сельскохозяйственный образ жизни, они создали последовательное государство с богатой торговлей и с более высокой культурой благодаря их контакту с Византией и арабским миром. Это государство, по-видимому, сначала имело свой центр в степях Терека. Первая хазарская “столица” Баланджар была расположена Марквартом в источнике Сулака, южном притоке Терека. После его разрушения арабами в 722-723 гг., царская резиденция была перемещена в город, известный арабам как аль-Байда, Белый город, имя, которое Маркварт исправляет в Саригшар, тюркский термин для желтого города (или, как думает Минорский, Сариг-шин, т.е. Саксин). Маркварт размещает этот город в том же месте, которое было занято последней столицей Итиля, в устье Волги. Итиль, в данном случае, был только зимней рези-ден-

цией хазарских каганов. Летом они перемещались, как и их кочевые предки сюнну, через степи в направлении на Кубань. В 833 г., желая иметь центр менее доступный для кочующих орд, они обратились к византийскому императору Феофилу с просьбой дать им инженеров для строительства укрепленной столицы. Феофил послал им *protospathaire* (главного инженера) Петрана, который помог им сконструировать третью столицу, Саркел, которая стояла в устье реки или, что более вероятно, в большом изгибе Дона²⁶. На руинах древней Фанагории в Таманской Пенисуле напротив Крыма хазары построили торговый пост в Матарке.

Хазарская империя была центром оживленной торговли. Византийские, арабские и еврейские купцы собирались в Итиль и Саркел в поисках кожи из севера. С ними христианство, ислам и иудаизм проникли в страну. Между 851 и 863 гг. Византия послала к хазарам апостола Святого Кирилла, который был тепло встречен. Биография Святого Кирилла рассказывает о его споре с еврейскими раввинами за каганским столом. При правлении Лео VI Матарка была местом византийского епископства, основанного для распространения Евангелия по всей Хазарии. Ислам также, представленный определенным количеством арабских посланников, имел много последователей, начиная с 690 г. и далее в 868 г., после 965 г. стал одной из главных религий региона. Широко распространен был иудаизм. В 767 г. Исаак Сангари начал свою духовную службу среди хазар. Масуди объявляет, что под халифатом Гаруна ар-Рашида (786-809 гг.) хазарский каган и знать приняла эту веру. Наказание евреев, совершаемое византийским императором Романом Лекапеном (919-944 гг.), повлекло за собой большое число израильских беженцев в хазарскую страну.

Каган, который принял библейское имя Иосиф, приказал в 948 г. раввину Шиздаи составить описание процветающего государства Хазарского иудаизма. Но Маркварт сомневается в достоверности этого известного письма, которое, по-видимому, датируется не ранее чем XI в.²⁷ Согласно Рисале ибн-Фадхана, каган, вице-король, принц Самандара (в Дагестане)²⁸ и другие сановники исповедовали иудаизм. В ответ на разрушение синагог на исламской территории один из каганов разрушил минарет. Тем не менее, среди народных масс мусульмане и христиане, по-видимому, численно превышали евреев. Около 965 г. каган принял ислам по политическим мотивом, а в 1016 г. хан Таманской Пенинсулы стал христианином под именем “Георгий Тзоул”.

В IX в. хазары начали распадаться политически. Эти цивилизованные тюрки иудаистской веры были уничтожены ордами собственной расы, которые оставались не приученными язычниками. Степь вновь пришла в движение. Тюрки огузы из Аральских степей (“Оузой” византийских историков) погнали печенегов тюрков из региона Эмбы и реки Урал на запад. Около 850–860 гг. печенеги, перешедшие территории, которые принадлежали Хазарской империи, выгнали мадьяр, которые были подчиненными хазар, из северных побережий Азовского моря. Как было отмечено, мадьяры тогда перешли в Ателькузу, между Днепром и низовьем Дуная. Вскоре, между 889 и 893 гг., печенеги повторили свое преследование мадьяр, изгнали их из новых земель и окончательно сами разместились там, таким образом, захватив ту часть русских степей, которые лежат между устьем Дона и Молдавией. Хазары занимали страну между нижними коленами Дона, низовьями Волги и Кавказа.

В 965 г. русский князь Киева, Святослав, атаковал хазар и занял их столицу, Саркел, на большом повороте Дона. Однако, как отмечает Бартольд, Хазарский каганат уцелел от этого бедствия, или, по крайней мере, оставался на территориях низовья Волги и Кубани и дагестанских степей. В 1016 г. Византийский император Васил II послал флотилию, поддержанную русской армией, против последних хазар. Эти соединенные войска захватили Таманскую Пенинсулу и хазарские земли в Крыму. В 1030 г. хазары исчезли как политическая сила. Византийцы, однако, сильно просчитались, помогая русским разрушить этих цивилизованных тюрков, старых и наиболее преданных союзников империи. Вместо хазар теперь дикие орды захватили контроль над Понтийскими степями.

ПЕЧЕНЕГИ И КИПЧАКИ

Печенеги (“Патзанакитай” Константина Порфирогенния и Иштакрийский “Бачанак”) были тюркским племенем, которое, согласно Маркварту, однажды составляло часть конфедерации западных ту-гу, но были изгнаны назад к низовью Сырдарьи и Аральскому морю тюрками карлуками²⁹. Они пасли свои стада между Уралом (Яик) и Волгой (Итиль) реками, когда, около 913 г. (согласно Константину Порфирогению), они были изгнаны из региона совместной атакой хазар и огузов. Западнее печенеги захватили Лева-

дию, север Азовского моря, отобрав ее у мадьяр. Вскоре после этого они изгнали мадьяр из Ателькузу, то есть западной части русских степей, между Днепром и низовьем Дуная. Таким образом, около 900 г. печенеги использовали пастища между устьем Днепра и устьем Дуная. В 934 г. они принимали участие в венгерском нашествии на Византийскую империю во Фракии; в 944 г. с князем Игорем совершили поход на саму Византию. В 1026 г. они перешли Дунай, но были отражены способным Константином Диогеном.

В 1036 г. русский князь Ярослав Киевский нанес им большое поражение, в котором они лишились своих владений в степях, что заставило их вновь просить помощи у Византийской империи. В 1051 г. в силу собственных амбиций и в ответ на движение огузов они снова захватили империю, продвинувшись дальше в 1064 г. через Фракию в ворота Константинополя. В действительности драма для Византии началась тогда, когда она наняла наемников из числа язычников тюрков Европы для войны с мусульманскими тюрками из Азии, так как чувство тюркского родства язычников было часто гораздо сильнее, чем их верность василевсу. Наглядно это проявилось в 1071 г., накануне сражения при Малазирте (Манзикерт), когда войска печенегов оставили службу императору Ромуану Диогену и перешли к султану Алл Аرسلану.

В 1087 г. в Европе, во время правления Алексея Комнина, печенеги снова захватили Фракию до Кулы (между Эносом и Константинополем), однако были вынуждены бежать, покинув вождя Тзелгу на поле сражения. Алексей Комнин совершил ошибку, преследуя их, и был разбит в Дристре (Дуростормус, Силистра) осенью 1087 г. Империя была спасена прибытием другой тюркской орды, кипчаков или половцев, которые эмигрировали из русских степей вслед за печенегами и разбили их на Дунае. Печенеги, под давлением кипчаков, захватили Фракию снова в 1088-1089 гг., дойдя до Испалы, юг Адрианополя, где Алексей откупился от них. В 1090 г. печенеги соединились с сельджуками из Малой Азии для атаки Константинополя в долине Марица, от Адрианополя до Эноса, пока сельджукская флотилия, хозяйка Смирны, атаковала побережье и из Никеи сельджукская армия тревожила Никомедию (Измит).

Это было репетицией событий во время Гераклия и аваров, но теперь в Азии и Европе Византия противостояла тюркам: язычникам в Европе и мусульманским тюркам в

Азии, соединившимся против империи узами родства. Печенеги зимовали близ Лулебургаза, напротив византийских линий, которые отступили в Корлу. Снова Алексей Комнин позвал на помощь кипчаков, которые под командованием Тогортака и Маниака, пришли во Фракию из России и взяли печенегов с тыла. 29 апреля 1091 г. соединенные войска византийцев и кипчаков разбили армию печенегов в Моунт Левунон. Это было почти полное уничтожение всего народа³⁰. Оставшиеся печенеги, восстановившись в Валахии, предприняли новую попытку в 1121 г. в Болгарии на севере Балканской степи, но были захвачены врасплох и уничтожены императором Иваном Комниным весной 1122 г.

Печенеги уступили место в русских степях огузам и кипчакам. Огузы, чьи азиатские потомки, известные как туркмены, а также известны арабам как гузы, кочевали на северо-востоке Каспия и севере Аральского моря³¹. Клан этого народа, сельджуки, приняли ислам и в XI в. пошли искать свою судьбу в Персии, где они основали великую тюркскую мусульманскую империю Тогрул-бека, Алл Арслана и Маликшаха. Подобно в XI в. другой огузский клан, язычники в данном случае — “оузой” византийских историков — свергли верховенство печенегов в русской степи. Русские хроники первый раз упоминают этих огузов под именем тюрки в 1054 г., как и появление половцев и кипчаков³². Византийские историки отмечают, что в 1065 г., во время правления византийского императора Константина X Дука, эти оузы перешли Дунай в числе 600 000 человек и опустошили Балканский полуостров до Фессалоники и северной Греции, но вскоре были уничтожены печенегами и булгарами. Последние огузы, которые перешли запад Волги, были окончательно подчинены и ассимилированы кипчаками.

Народ, известный на тюркском языке как кипчаки, был “половцами” русских, “команоями” византийцев, “кумани” (команы) арабского географа Идризи и “куны” венгров³³. Согласно Гардизи, они по происхождению формировали ту часть группы тюрков кимаков, которые жили в Сибири среди Иртыша, или возможно, как предполагает Минорский, вдоль Оби³⁴. Кимаки и огузы были в любом случае близко родственными народами. (Кашгари отмечал, что двое отличались от остальных мутацией звука внутреннего “у” в “j”(dj)). В середине XI в. кипчаки, отделившись от основной массы кимаков, отправились в Европу. В 1054 г. русские хроники первый раз отмечают их присутствие в

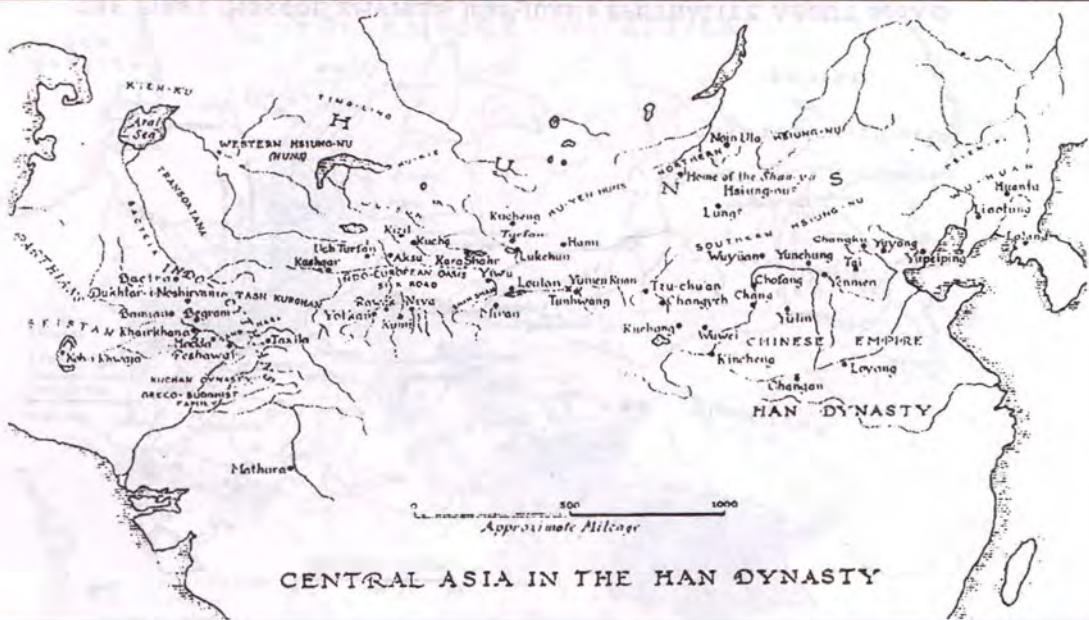
степях севера Черного моря, как и огузов, которых кипчаки разбили наголову. Кипчаки использовали огузскую победу над печенегами и, когда огузы были разбиты византийцами и булгарами в походах на Балканы (1065 г. и следующие годы), остались единственными хозяевами в русских степях. В 1120-1121 гг. Ибн аль-Асир характеризует их именно так, и как союзников грузин. Примерно в это время несколько монгольских кланов, близко родственных киданям и смешавшихся с кара-китаями, пришли с китайско-маньчжурских границ в район рек Волги и Урала, где соединились с главной массой кипчаков, среди которых они имели статус и выполняли функции правящего класса. Вскоре они ассимилировались, как только приняли тюркский образ жизни, с чисто кипчакским элементом³⁵. Кипчаки остались хозяевами русских степей до нашествия Чингисхана в 1222 г.³⁶ Затем под влиянием русских некоторые кипчакские вожди начали принимать христианство. Со временем основания ханства Чингисхана на той территории оно стало называться ханством кипчаков.

Из всего вышесказанного следует вывод, что достижением Византийской империи является ее сопротивление на протяжении веков нашествию многочисленных орд, которые обрушивались на ее границы. От Атиллы до огузов, все эти тюрки и монголы представляли большую опасность для христианской цивилизации, чем кризис 1453 г.

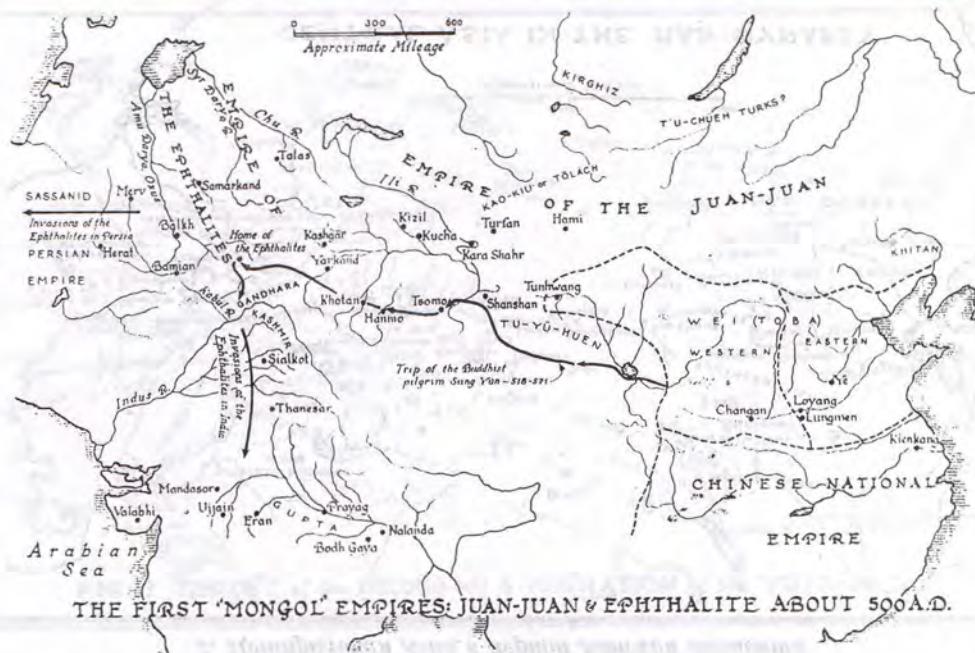
1. Первый нападок сюнну и миграция юечжи

2. Центральная Азия в период Ханской династии

3. Первые “Монгольские” империи: жуань-жуаны и эфталиты около 500 до.н.э.

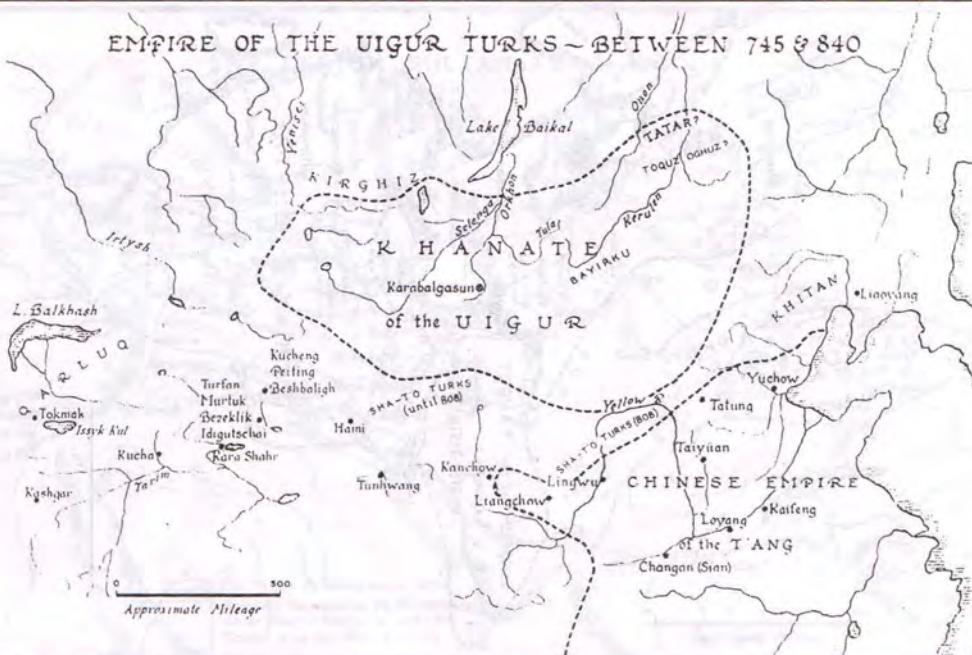
4. Империя Атtilы

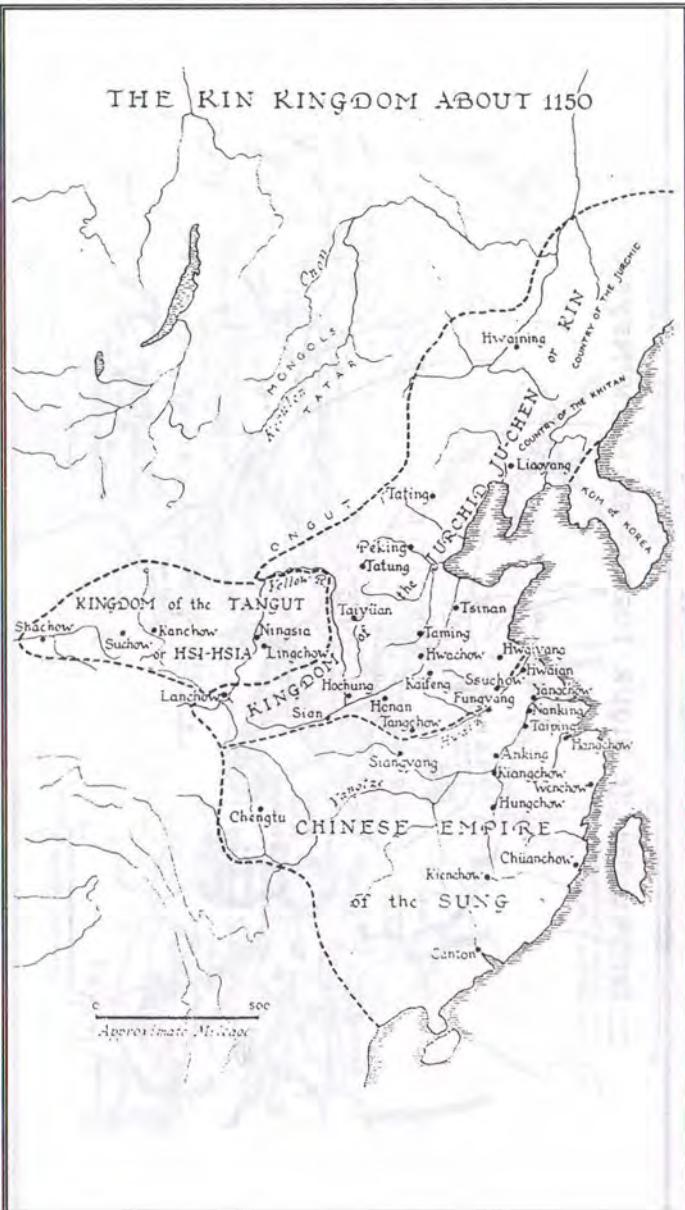
5. Тюркская империя ту-чю в конце шестого века и начале седьмого века

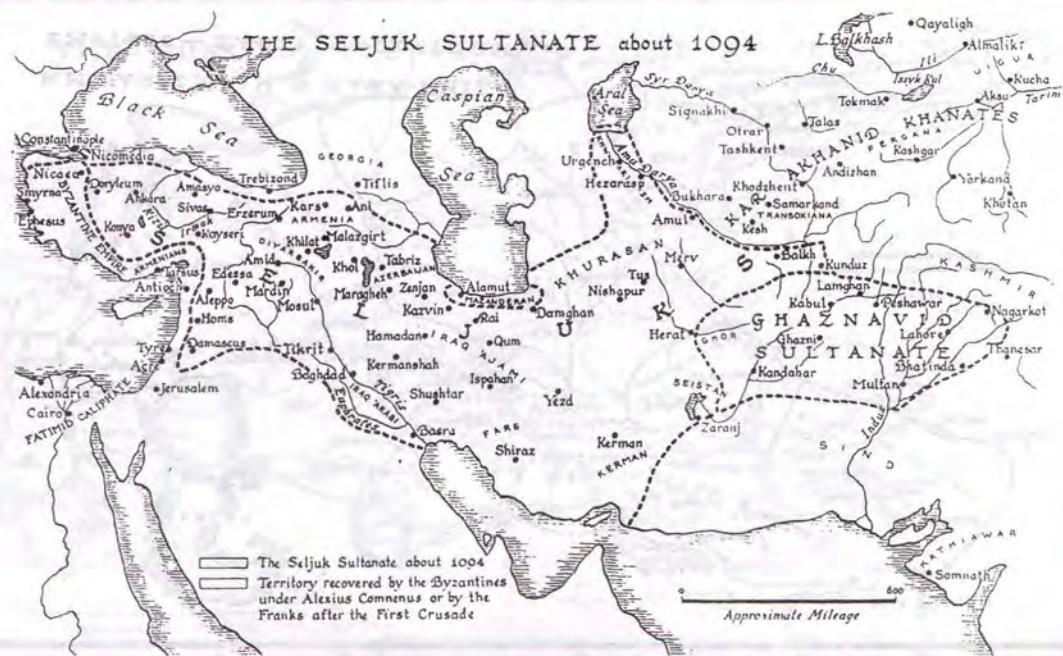
6. Империя тюрков уйгуров между 745 и 840 гг.

7. Кинское царство около 1150 г.

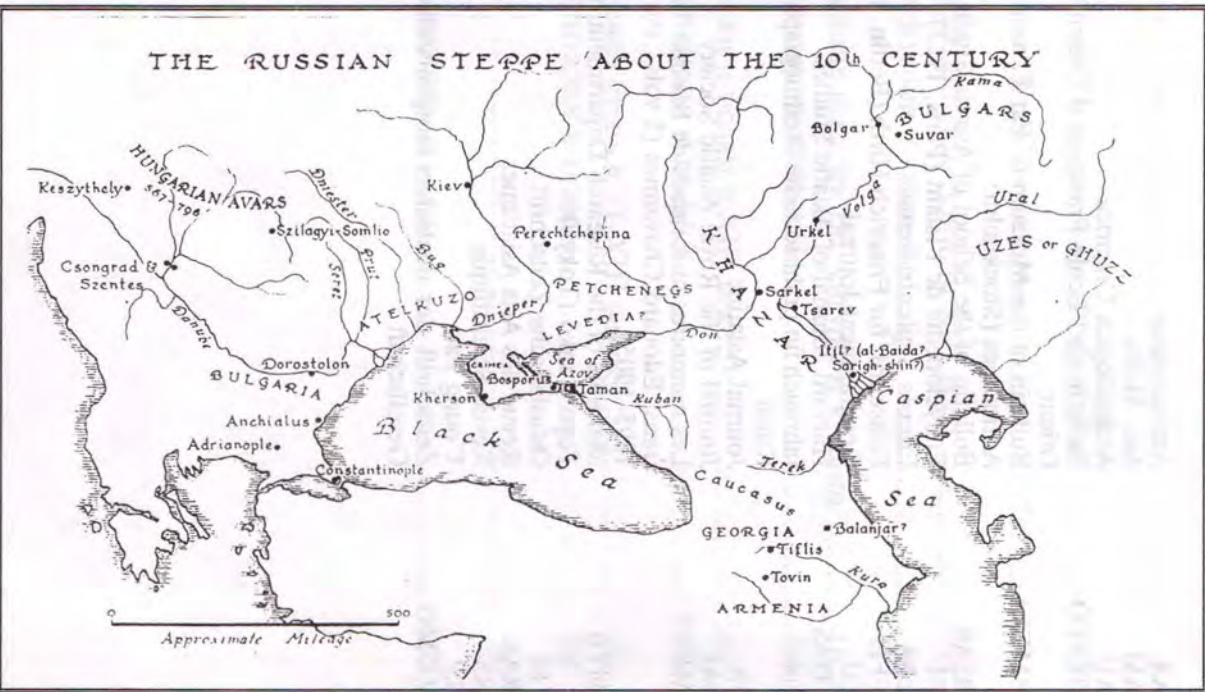
8. Сельджукский султанат около 1094 г.

9. Хорезм и Кара-китайские империи в начале XIII века

10. Русская степь в X веке

СОКРАЩЕНИЯ

AA	Artibus Asiae
AM	Asia Minor
AU	Archeologica Ungarica
BEFEO	Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme-Orient
BMFEA	Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities (Stockholm)
BSAS	Bulletin of the School of Asiatic Studies
EI	Encyclopedie de l'Islam (Paris, 1913)
ESA	Eurasia Septentrionalis
FFH	Festschrift fur Friedrich Hirth (Berlin, 1920)
GJ	Geographical Journal
HJAS	Harvard Journal of Asiatic Studies
Ipek	Iahrbuch fur prahistorische @ ethnographische Kunst
JA	Journal Asiatique
JAS	Journal of the Royal Asiatic Society
MHST	Les memoires historiques de Ssa-ma Ts'ien, trans. Edouard Chavannes (5 vols., Paris, 1895-1905)
MTB	Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Tokyo)
OZ	Ostasiatische Zeitschrift
RAA	Revue des Arts Asiatiques
RS	Revue Scientifique
TP	T'oung Pao
ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Пролог	6
Введение. Степь и история	11
1. Высокие плато Азии до XIII века	21
Комментарии к главе 1	94
2. Средние века: ту-гю, уйгуры и кидани	105
Комментарии к главе 2	158
3. Тюрки и ислам в XIII веке	167
Комментарии к главе 3	192
4. Русская степь в VI-XIII веках	195
Комментарии к главе 4	210
Карты	212
Сокращения	222

•
Учебное пособие

•
Груссе Рене

•
ИМПЕРИЯ СТЕПЕЙ

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(с древности до тридцатого века)

•
(На русском языке)

•
Редактор *Т. Величко*
Художник *Н. Нуриуханбетов*
Технический редактор *Ф. Овчинникова, Л. Тарасенко*
Верстка *А. Бидашева*

•
ИБ № 287

Подписано в печать 8.07.02. Формат 84х108 1/32.
Бумага офсетная Усл.л.р. 11,8 №ч. лист. 13,0.
Пираж 2000 экз. Заказ № 180
Цена договорная.

•
ТОО Издательство "Сапат"
Министерства культуры, информации
и общественного сознания Республики Казахстан
480012, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, 65 "а".

•
Набрано и сперегано в компьютерном центре
ТОО издательства "Сапат"

•
ТОО "Типография оперативной печати"
480016, г. Алматы, ул. Д.Кунаева, 15/1.

ISBN 9965-664-00-5

A standard linear barcode is positioned vertically. It consists of vertical black bars of varying widths on a white background. The barcode is used to encode the ISBN number.

9 789965 664007